

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 37. Сентябрь 2021 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Формирование
региональной идентичности
и политика
исторической памяти)**

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

ББК 66.3(2)я431+66.4(2), 4я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, **С.Н. Исакова** (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент **В.Н. Козулин**, кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**.

Д 541 **Дневник Алтайской школы политических исследований № 37. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 309 с.**

Сборник содержит научные статьи исследователей из Армавира, Барнаула, Владивостока, Екатеринбурга, Краснодара, Луги, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Томска и Ульяновска. Основная цель, которую ставили перед собой авторы - на основе междисциплинарного изучения выявить характерные тенденции влияния политики исторической памяти на формирование региональных идентичностей (на примерах и российского, и зарубежного опыта).

Издание предназначено как для специалистов (историков, политологов, международников, регионоведов, социологов, культурологов и др.), так и для всех, кто интересуется историей, политикой памяти, проблемами региональной идентичности.

ББК 66.3(2)я431+66.4(2), 4я431

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2021

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2021

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Ю.Г. Чернышов
К итогам двух конференций
о региональной идентичности и политике памяти*

В 2021 году на Алтае вновь прошли две ежегодные конференции, 20-я интернет-конференция и 26-я «очная», проведенные Алтайской школой политических исследований. Сейчас есть смысл обобщить основные полученные результаты, чтобы читателям было удобнее ориентироваться в массе поступивших докладов. Здесь мы не будем подробно излагать содержание докладов, поскольку с их полными текстами читатели могут сами ознакомиться в данном сборнике и на сайте)¹.

Итак, интернет-конференция по теме «Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти» проходила с 1 апреля по 30 июня 2021 г. Ее организаторами, кроме АШПИ, стали Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений) и Российская ассоциация политической науки. С 1 июня к числу организаторов добавился и Российский фонд фундаментальных исследований, предоставивший грант по данной теме.

Следует отметить, что это уже не первая конференция АШПИ, в которой затрагивались темы идентичности, имиджа и политики памяти:

2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Национальная, региональная идентичность и международные отношения).

2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Международный имидж России в XXI веке).

2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

2015 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

2019 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны).

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

¹ Сайт: <http://ashpi.asu.ru>. Аффiliation авторов указана в этом тексте только для тех авторов, которые не работают в АлтГУ (более подробную информацию об авторах можно посмотреть в конце данного сборника и на сайте).

2020 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти).

Материалы всех этих конференций опубликованы в выпусках «Дневника АШПИ» и доступны в соответствующем разделе на сайте [1]. Обобщения результатов данных исследований содержатся и в отдельных статьях [см.: 2; 3].

Основная цель, которую наметили организаторы дискуссии в 2021 году — на основе комплексного междисциплинарного изучения выявить характерные тенденции влияния политики исторической памяти на формирование региональных идентичностей (на примерах как российского, так и зарубежного опыта). Соответственно, авторам предлагалось представлять доклады в три секции: 1. Теоретические аспекты темы; 2. Международный опыт (в том числе в зарубежных регионах «Большого Алтая»); 3. Отечественный опыт (в том числе в Алтайском крае и Республике Алтай). Наименьшее количество докладов (3) поступило в первую секцию, наибольшее (23) — во вторую секцию, и 14 докладов были опубликованы в третьей секции. В общей сложности из 12 городов (в том числе из г. Торонто, Канада) поступило 40 докладов от 44 докладчиков (см. Таблицу 1)¹.

Таблица 1. Поступившие доклады

Город	Докладчики	Доклады
Барнаул	16	16
Москва	9	8
Санкт-Петербург	5	3
Томск	4	4
Владивосток	2	2
Краснодар	2	1
Ростов-на-Дону	1	1
Екатеринбург	1	1
Торонто (Канада)	1	1
Армавир	1	1
Ульяновск	1	1
Луга	1	1
12	44	40

Если говорить о разработке **теоретических аспектов темы**, то здесь стоит отметить, что во многих поступивших докладах затронуты

---

¹ Автор выражает признательность коллегам В.Н. Козулину и П.В. Ульянову за помощь в обработке материалов.

важные в методологическом плане аспекты темы. Специально, однако, можно выделить три доклада. Так, старший научный сотрудник ИНИОН РАН Н.А. Коровникова (г. Москва) проанализировала концепты «региональная идентичность» и «цифровая региональная идентичность», показав их специфику и взаимосвязь в контексте пандемии COVID-19. При этом «цифровая (региональная) память» характеризуется как связующее звено, средство и инструмент формирования реальной и цифровой региональной идентичности. В докладе У.В. Ястребовой (Институт философии СПбГУ, г. Санкт-Петербург) на материале острова Сицилия показано, что культурная память служит своеобразным хранилищем коллективных воспоминаний, образов-символов, конституирующих уникальное восприятие региональной культуры и значимых мест, мнемотопов, топографических текстов. Доцент О.А. Аршинцева представила доклад о нетрадиционных (связанных с имперской подоплекой) трактовках понятия «региональная идентичность».

Доклады, поступившие на секцию **о зарубежном опыте**, можно разделить на несколько блоков.

Наиболее представленными оказались европейские исследования, хронологические рамки которых захватывают период от I в. до н.э. до современности. В географическом плане есть доклады, касающиеся и Западной Европы (профессор Лекаренко О.Г., ТГУ, г. Томск), и стран Вишеградской группы (доцент Бетмакаев А.М.), и отдельных стран и регионов — Галичины (доцент Козулин В.Н.), Ирландии (ассистент ЮФУ Лагошина Н.А., г. Ростов-на-Дону, Самойлов Н.Ю., Ульянов П.В.), Италии (Чураков К.А.), ФРГ (Тодыков Е.С., ТГУ, г. Томск).

Сопоставимое количество докладов посвящено также азиатским странам и регионам. Профессор В.П. Румянцев (заведующий кафедрой востоковедения ТГУ, г. Томск) коснулся весьма интересного аспекта формирования израильской идентичности — «взлета и упадка мифа о сабре». Анализ процессов формирования идентичностей в Китае приводят Г.З. Папашвили (с экскурсом в историю гонконгцев и тайваньцев) и Н.В. Холодкова (Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток), уделившая внимание регулированию этнических процессов в КНР. Еще три доклада посвящены политике памяти в постсоциалистической Монголии (Е.Е. Щербанова, АГПУ, г. Барнаул), памяти об антияпонской войне в КНДР (Гайкин В.А., к.и.н., ст. науч. сотр. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток) и проблеме идентичности японских христиан периода Мэйдзи (Нелюбин П.Г.).

Интересные доклады есть в блоке о постсоветских государствах. Так, довольно свежим выглядит обзор С.В. Голунова (д.и.н., ведущего научного сотрудника ИМЭМО РАН, г. Москва) о патриотическом воспитании в постсоветских де-факто государствах. Проблему региональной идентичности как фактора общественно-политического кризиса на Украине 2004 г. исследовали О.А. Наумов (к.и.н., доцент МГУ, г. Москва) и О.Ю. Наумова (к.и.н., директор Центра общественно-политических и международных исследований АНО «Прометей», г. Москва). Двум государствам Центральной Азии посвятили свои исследования доцент О.Ю. Курныкин (о Кыргызской Республике) и А.Д. Дерендяева, рассмотревшая символику крупнейших городов Казахстана.

Самые разные сюжеты были затронуты в докладах о странах Американского континента. Пожалуй, наиболее злободневные вопросы затронула В.А. Смирнова (к.и.н., преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва) в докладе «Память о полиомиелите и вакцинах против него в США: нарративы середины XX века и эпохи ковид-19». Политика памяти в США, связанная с одним из событий Карибского кризиса, была изучена В.Е. Дергачевой. Еще один доклад был посвящен идентичности региональных организаций на примере МЕРКОСУР (доцент Н.С. Мальшева).

Наконец, африканским сюжетам посвятили свои доклады еще два исследователя. Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, д.и.н. В.Р. Филиппов (г. Москва), проанализировав ситуацию в странах Восточноафриканского содружества, пришел к выводу, что реализации федеративного проекта будут препятствовать такие факторы, как высокий уровень конфликтности в странах-участницах ВАС, трайбализм, культурная, конфессиональная и языковая неоднородность, амбициозность лидеров и политических элит. О сходных проблемах — в частности, об этноплеменных противоречиях на юге Ливии, рассказала и А.С. Давидчук (РУДН, г. Москва).

Доклады в третьей секции, посвященной **отечественному опыту**, можно разделить на три основных блока.

Общероссийская проблематика рассмотрена, в частности, в докладе «Проблема самоидентификации россиян в XXI веке: геополитические и региональные аспекты» (Васильева Н.А., д.ф.н., профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета и Погодин С.Н., д.и.н., профессор, директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург). Об этноконфессиональных духовно-нравственных ценностях как основе фор-

мирования национальной идентичности говорится в докладе д.полит.н., к.ф.н., профессора О.В. Вольтер (Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир). И еще один доклад был представлен к.э.н., доцентом Е.В. Потапцевой (ст. науч. сотрудник Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург). Здесь автор приводит результаты социологического исследования того, как региональная идентичность экономического пространства Союзного государства воспринимается в среде российского бизнеса.

Различные исторические сюжеты и влияние памяти о них рассматриваются в блоке докладов, где говорится о локальной исторической памяти о покорении Сибири (Чернышов С.А., к.и.н., старший научный сотрудник ТГУ, г. Томск), о суждениях славянофилов по поводу причин трансформации российской культурной идентичности и исторической памяти (д.ф.н., профессор Широкова М.А.), о черносотенной «Вандее» российской революции 1905–1907 гг. (Рокки Т., магистр исторических наук и магистр библиотековедения, г. Торонто, Канада). Как известно, особую роль в российской политике памяти занимает тема Великой Отечественной войны. Этой теме посвящены доклады профессоров С.Н. Погодина, З.З. Бахтуридзе (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург) и М.С. Сироткина (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва).

Наконец, в ряде докладов исследуются процессы формирования идентичностей в отдельных российских регионах. Это Краснодарский край (Смагина А.П. и к.и.н., доцент Яковлева И.П., Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар), Лужский край (Кошечкина Е.А., к.и.н., доцент Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Луга Ленинградской области), Ульяновская область (Данилова А.Н., ассистент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск), Ярославская область (Ямсков А.Н., к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва).

Отдельно можно отметить две попытки охарактеризовать процессы формирования идентичности в Алтайском крае — тема эта до сих пор остается малоизученной. Интересно, что оба доклада связаны с темой роли сельскохозяйственной отрасли региона: с «гастрономической культурой» (Дьяченко Н.В., к.и.н., доцент АГПУ, г. Барнаул) и общим влиянием этой отрасли на имидж региона (Таненкова А.В., старший преподаватель АГМУ, г. Барнаул). Преимущественно «сельские» черты имиджа региона, по мнению ряда экспертов, находят от-

ражение в региональной политике памяти и наиболее перспективны для продвижении положительного имиджа края.

Как и в предыдущие годы, на интернет-конференцию поступила также подборка новой литературы, подготовленная А.Н. Левкович, главным библиотекарем читального зала общественно-научной литературы Алтайской краевой научной библиотеки им. В.Я. Шишкова [5]. Среди этих работ можно выделить, в частности, статьи Е.Н. Бенева-ленской, Д.С. Докучаева, М.В. Назукиной, Л.А. Фадеевой [6; 7; 8; 9]. Стоит также отметить, что исследования в данной области все более активно проводятся отечественными учеными на основе междисциплинарных подходов — об этом свидетельствует, в частности, большое количество докладов по близкой тематике, прозвучавших на XIV Конгрессе антропологов и этнологов России, прошедшем 6-9 июля 2021 г. [10].

***

За два дня «очной» конференции, прошедшей 28–29 сентября, прозвучало 35 выступлений от исследователей из Барнаула, Владивостока, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Северобайкальска, Томска, Торонто (Канада), Ульяновска. В общей сложности во всех заседаниях приняли участие более 80 человек.

При открытии конференции прозвучали приветствия от проректора по развитию международной деятельности АлтГУ Романа Ильича Райкина и заместителя директора Института истории и международных отношений АлтГУ Ксении Александровны Пожарской. О целях и содержании проводимого форума рассказал председатель оргкомитета конференции директор АШПИ, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, председатель Алтайского отделения РАПН профессор Юрий Георгиевич Чернышов.

Ученые рассмотрели самые разные сюжеты темы «Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти» – от региональной политики африканских государств и постсоветских «де-факто государств» до формирования региональной идентичности в субъектах Российской Федерации, в том числе и в Алтайском крае. Вел первое заседание к.и.н., доцент кафедры ВИМО Олег Юрьевич Курныкин. В целом дискуссии проходили в комбинированном формате: часть докладчиков выступала через интернет, а некоторые (из Новосибирска и Томска) смогли приехать и принять очное участие.

Стоит отметить, что во второй день после «классических» секций добавились еще два интересных формата. Утром 29 сентября в рамках Фестиваля науки в АлтГУ состоялся онлайн мастер-класс «Молодые

исследователи – о региональной идентичности и исторической памяти» (ведущая – ассистент кафедры ВИМО Влада Евгеньевна Дергачева). Аспиранты и студенты из нескольких городов России поделились своим опытом разработки научных тем, а их выступления смогли послушать 24 барнаульских старшеклассника. Слушатели отметили высокий уровень прозвучавших докладов.

Завершающее заседание прошло в формате «круглого стола», посвященного 65-летию Российской ассоциации политической науки и 30-летию отечественной политической регионалистики. Сведущими выступили к.и.н., доцент кафедры ВИМО Ольга Алексеевна Аршинцева и Андрей Васильевич Дахин (доктор философских наук, профессор Нижегородского института управления - филиала РАНХИГС, директор Нижегородского центра социально-экономической экспертизы). В качестве модератора дискуссии выступил также Владимир Сергеевич Авдонин, профессор, доктор политических наук, ИНИОН РАН (г. Москва). Получилась очень интересная дискуссия, в которой были затронуты не только конкретные сюжеты, но и важные проблемы, связанные с теоретико-методологическими подходами к данной теме.

Стоит отметить, что на «очной» конференции добавились, кроме вышеназванных, еще несколько новых докладчиков. В частности, там выступили гости из Новосибирска: Д.В. Березняков, С.В. Козлов («Региональное измерение политики памяти: случай Донбасса») и К.С. Березнякова («Конструирование социальных проблем российской провинции в фотопроекте Ф. Телкова «Смог»). Выступили также заведующий кафедрой всеобщей истории Барнаульского педагогического университета Ю.Н. Цыряпкина и аспиранты АлтГУ А.М. Савоськин, А.В. Таненкова. Все аспиранты и студенты получили дипломы участников.

***

Завершая этот предварительный обзор прошедших конференций, хотелось бы поблагодарить всех авторов, принявших участие в обсуждении темы. Некоторые высказанные оценки, возможно, носят дискуссионный характер, но это, на наш взгляд, нормально для научных форумов. В целом сделан достаточно весомый вклад в разработку темы. Вместе с тем стоит отметить, что по ряду направлений (в частности, по разработке теоретико-методологических подходов) требуются глубокий анализ и активизация исследований. Данная проблема объективно связана с чрезвычайной сложностью процессов, влияющих на формирование идентичностей (в том числе и региональных). Исследователям необходимо учитывать очень многое: например, как соотносятся исто-

рически сложившиеся традиции и тот курс конструирования идентичностей, который проводится властными элитами; как соотносятся разные уровни и разные типы идентичностей: локальная, региональная, национальная, политическая, гражданская, религиозная и другие; как влияют друг на друга индивидуальные и групповые установки самоидентификации и т.д. (ср.: [11]).

Эта дискуссия, как мы надеемся, будет продолжена на конференциях АШПИ, а ее уже полученные результаты найдут отражение в данном выпуске «Дневника АШПИ», а также в отдельных статьях в «Известиях Алтайского государственного университета» (см. выпуски № 3, 5 и 6 за 2021 г.) [12].

Литература

1. Дневник АШПИ. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?page_id=819
2. Козулин В.Н., Чернышов Ю.Г. Проблемы национальной и региональной идентичности: Алтайская школа политических исследований // PolitBook. 2014. №1. С. 172–195. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23010998>
3. Чернышов Ю.Г. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) // Политическая наука. 2020. №4: Политическая идентичность. С. 111–127. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5662/7_chernyшов_1.pdf
4. Новая литература по теме «Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти». URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18669>
5. Беневаденская Е.Н. Проблемы региональной идентичности в современном историографическом дискурсе // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : материалы всероссийской научной конференции / науч. ред. Н.А. Матвеева. Барнаул, 2020. С. 134–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44118294>
6. Докучаев Д.С. Историческая политика на региональном уровне: модели, цели и акторы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №5 (102). С. 224–235. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46208999>
7. Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. №3. С. 78–92. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42870140>

8. Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. 2020. №1. С. 201–220. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42681480>

9. Сборник материалов XIV КАЭР. URL: <https://rusanthro.files.wordpress.com/2021/07/d0a1d091d09ed0a0d09dd098d09a-xiv-d09ad090d0add0a0.pdf>

10. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political Psychology: Key Readings. Eds.: J.T. Jost, J. Sidanius. N.Y., 2004. P. 276–293.

11. Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. Т.3. №2. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-lokalnyh-identichnostey-teoreticheskie-podhody-i-perspektivnye-napravleniya>

12. Известия Алтайского государственного университета. URL: <http://izvestiya.asu.ru/index.php/iz/index>

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ

О.А. Аршинцева
***Пространство, регион, идентичность:
перспективы междисциплинарных исследований****

Популярная в постмодернистском социогуманитарном дискурсе категория идентичности остается ключевой в разнообразных междисциплинарных исследованиях, посвященных роли нематериальных факторов — массового, коллективного, группового сознания, представлений о себе и других — в обществе на разных этапах его развития [1, с. 18–33]. В силу семантически сложной и неопределенной природы этой категории ее использование в сопредельных предметных областях исследования наряду с их собственным категориальным аппаратом для начала требует, на наш взгляд, пусть короткого и отчасти дилетантского, методологического высказывания, включая необходимый терминологический обзор. Это имеет прямое отношение к заявленной теме региональной идентичности, тем более что само это понятие остается предметом оживленных дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. При этом они являются частью более широкой дискуссионной повестки современной регионалистики, особенно в том, что касается определения понятий «регион», «традиционный» и «новый» регионализм, а также в понимании сути процессов регионализации и глобализации. В свою очередь, регионалистика оперирует пространственными категориями, различая или объединяя территориально-географические, гео- и просто политические, а также другие многочисленные и разнообразные параметры пространства. На этом пестром фоне уместно поставить простой вопрос о методологических преимуществах определенной концепции и, в качестве следующего этапа рассуждений, имеет смысл проверить ее эффективность на конкретном материале.

Для начала целесообразно постулировать признанное в большинстве классификаций деление регионов на внутренние и внешние, подразумеваемая в первом случае часть внутреннего пространства страны или государства, во втором — часть международного пространства. Оба указанных варианта, а также базовая классификация рассматриваются исследователями в рамках как «старого», так и «нового» регионализ-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

ма, тем более что само по себе деление международного пространства на регионы не является в международных отношениях чем-то новым. Сошлемся на мнение известной британской исследовательницы Л. Фосетт, которая полагает, что регионализм существовал всегда. Регионы в истории международных отношений могли быть представлены в виде империй, сфер влияния, в виде альянса крупной державы и ее союзников. Регионы могли быть представлены целыми континентами, например, Европа, и быть лидерами международных отношений XIX в. В современном понимании регионы выделяются как части международной системы, обладающие самостоятельной активностью, впервые проявившиеся как самостоятельные единицы в начале XX в. после окончания Первой мировой войны [2, p. 430].

Признанным авторитетом в области «нового» регионализма является финский исследователь, профессор-географ А. Пааси, который предлагает собственный вариант концептуализации региональной идентичности в более широких рамках современной интерпретации региона. Его подход основывается на региональной институциональной модели, которая стала основополагающей для развития методологии исследования «нового» регионализма в 90-х гг. XX в. Особый интерес в данном случае представляет то, какие характерные методологические проблемы видит Пааси в существующих подходах к региональной идентичности. Первая проблема связана с тем, что формы интерпретации, классификации «регионов» и «региональных идентичностей» являются сугубо политическими категориями. Проблема конструирования идентичности региона напрямую связана с вопросом: формирование идентичности есть естественный процесс или процесс, который конструируется политиками и элитами? Кто дает определение и характеристики тому, что мы понимаем под региональной идентичностью?

Вторая проблема заключается в том, что, определяя региональную идентичность, исследователи изучают ее как феномен в конкретно заданном регионе, используя конкретный набор методов. Например, Евробарометр использует методы опроса, которые не включают такие материалы, как региональный фольклор, тексты, фильмы и др. Подобные исследования используют узкий эмпирический материал для формирования подходов к понятию региональной идентичности [3, p. 475–485].

Признавая правоту А. Пааси в характеристике методологически незавершенной проблемы региональной идентичности, следует отметить, что он считает базовым параметром региона его географию, это a priori географическое явление [4]. Показательно, что определение ре-

гиональной идентичности чаще всего осуществляется через использование географического — в рамках т. н. «гуманитарной географии» — подхода, который позволяет определять ту или иную идентичность через призму конкретной территории и ее этнокультурных особенностей, а они формируются на протяжении определенного исторического периода. Признанным авторитетом в этой области является отечественный географ Д.Н. Замятин. Он определяет гуманитарную географию как «междисциплинарное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность» [5, с. 126]. Возражая против частого использования терминов «гуманитарная география» и «культурная география» в качестве синонимов, он подчеркивает, что в отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

Естественным для концепции Д. Замятина является понятие имагинальной или образной географии как самостоятельного раздела географии гуманитарной. По его определению, имагинальная география как междисциплинарное направление изучает особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику их моделирования, способы и типы их репрезентации и интерпретации. Собственно региональная идентичность является одним из базовых понятий концептуального поля географии образов, наряду с такими понятиями, как «пространственный миф», «культурный ландшафт», «ментально-географическое пространство» [5, с. 130].

Представленный обзор, не являясь исчерпывающим, все же позволяет выявить понятийную область пересечения регионалистики и гуманитарной географии в неклассическом определении пространства, в частности, с использованием категории пространственной (в том числе, региональной) идентичности. Оговоримся, что данный текст не претендует на глубину в определении разницы между традиционными (условно классическими) подходами к пространству и современными их вариантами, тем более что в настоящее время используется более широкий подход в исследовании идентичности «пространства без

определенных границ». При этом отметим, что наиболее известное комплексное определение пространства дает традиционная геополитика. Эта простая констатация позволяет вернуться к вопросу о применимости указанных методов — в их свободном сочетании — к исследованию существовавших в недавнем прошлом больших пространств, каковыми были колониальные империи нового времени, и представлений о них современников. Это оправданно еще и потому, что имперский дискурс пережил «век Империи» (Э. Хобсбаум) и продолжает будоражить не только умы исследователей, но и воображение политических элит имперскими мифами и постимперским синдромом.

В последнее десятилетие в зарубежных и отечественных исследованиях явно наметился всплеск интереса к имперской проблематике, который выражается как в попытках разработать универсальную модель империи, так и в погружении в конкретный исторический материал. И в том и в другом случае неким эталонным объектом исследования остается Британская империя, ее становление, расцвет и упадок. Современная историография темы столь обширна и разнообразна, что способна удовлетворить самые разнообразные исследовательские запросы. В качестве фундаментального труда безусловно сохраняет свое значение трехтомная оксфордская История Британской империи [6, р. 73], особый интерес представляет работа Н. Фергюсона «Империя. Чем современный мир обязан Британии» с его концепцией империи как идеальной институциональной модели, исследование «имперского проекта» Дж. Дарвина и др. В рамках сравнительного анализа исторически существовавших империй интересно представлен британский опыт в новейшей работе американского исследователя К. Кумара «Видение империи: Как пять имперских режимов сформировали мир» [7].

Эти и другие схожие по тематике исследования укладываются в современный тренд, который нацелен на переоценку роли империй в современной истории, и вполне закономерно, что большинство авторов обращаются к популярным темам, связанным с имперским сознанием и представлениями имперской нации о той политике, в которой она доминирует. Довольно широкий спектр (набор) концептуальных подходов к проблеме укладывается в границы между традиционной идеологической парадигмой (оперирующей категориями «идеология империализма», «имперская идеология»), с одной стороны, и интересующей нас концепцией идентичности (с категориями «имперская идентичность» или «британская идентичность»), с другой. Примечательно, но вполне объяснимо, что в отечественной британистике при освещении имперских сюжетов среди представителей старшего поколения преобладает первый подход [8], а увлеченные новыми популяр-

ными «брендами» молодые исследователи методологически предпочитают второй вариант [9, с. 61–69]. Наблюдаются примеры простого соединения подходов: в формулировке темы присутствует «модная» категория, а в содержании прямо и недвусмысленно имперская идентичность определяется как имперская идеология [10].

Все вышеизложенное дает возможность в заключении сформулировать в виде нескольких тезисов некую постановочную повестку для того, чтобы выявить перспективы исследования имперской идентичности в рамках изучения британского имперского опыта в целом.

I. Британская империя в XIX — первой половине XX в. — большое, сложно организованное пространство с неоднородной внутренней структурой (доминионы, колонии) и примыкавшей к имперской периферии «неформальной» империей (включая такие регионы как Китай и Латинская Америка в XIX в.). Системообразующими элементами этого пространства, как и его образа, являются экономика, институты, оборона, технологии, имперская и колониальная культура, научные достижения в изучении империи [6, р. 332]. Наиболее точно в качестве региона это пространство характеризует его статус и роль в мировой политике. Симптоматично, что специалисты по международным отношениям заинтересовались империями как средством концептуализации и осмысления современного мирового порядка. В этой же плоскости уместно рассматривать сходство и различия между имперской идеологией и имперской идентичностью.

II. Эти два понятия не являются полностью тождественными, хотя их несомненно объединяет общая политическая природа. Предвидя возражения против преимущественно политической трактовки имперской идентичности, следует оговориться, что имперская идентичность характеризует политическое и ценностное самосознание британской нации, которая формировалась одновременно в процессе строительства и модерного государства, и колониальной империи.

III. По мере роста могущества Британской империи к концу XIX в. произошло окончательное смещение внешнеполитических приоритетов Великобритании в сторону преобладания имперских интересов. Представления британской политической элиты о роли и значимости империи определяли принципы и суть разрабатываемой внешнеполитической стратегии в процессе перехода от политики «блестящей изоляции» к активной реализации роли мирового лидера. Программное внешнеполитическое мышление британского руководства более уместно, на наш взгляд, характеризовать в терминах имперской идентичности, а не имперской идеологии. Глобальный подход к проблемам безопасности империи в рамках сложившегося на рубеже XIX–XX вв.

миропорядка следует рассматривать скорее как основу самоидентификации империи, а не идеологический постулат. И хотя фраза П. Геддеса «Думай глобально, действуй локально» была произнесена по другому поводу, она довольно точно выражает британское видение имперской и международной безопасности в условиях перехода от европоцентричной к мировой политике. Не случайно кембриджский историк Дж. Дарвин предпочитает термин «британская мировая система» общепринятому термину «империя» [11, xxi–xxii].

Оценивая возможности использования категории имперской идентичности при изучении внешнеполитического мышления британской политической элиты, отметим новые перспективы, которые открываются благодаря применению историко-политической наукой более широкого подхода к предмету своего изучения. Это направление исследований представляется весьма перспективным, поскольку позволяет по-новому осмыслить огромный объем накопленного и более доступного, благодаря цифровым технологиям в том числе, фактического материала по истории британской внешней и имперской политики XIX – первой половины XX в.

Литература

1. Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2017.
2. Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // Intern. Affairs (Royal Inst. of Intern. Affaires 1944–2004). Nr. 80/3. P. 429–446.
3. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question // Progress in Human Geography. 2003. 27,4. P. 475–485.
4. Paasi A. A “Border Theory”: an Unattainable Dream or a Realistic Aim for Border Scholars? 2011. URL: <https://www.researchgate.net/publication/272681482>
5. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. №4.
6. The Oxford History of the British Empire. Vol. 3. The Nineteenth Century. Ed. A. Porter. Oxford, 1999.
7. Kumar K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton, 2017.

8. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 — середина 1870-х гг.). М., 1999.

9. Каравасева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург, 2016.

10. Симонов А.В. Британская имперская идентичность в конце XIX — начале XX вв.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016.

11. Darwin J. The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge; N.Y., 2009.

А.В. Дахин

Собственный потенциал региональной публичной власти: повороты отечественной политической регионалистики, факторы, модели

Анализ 30-летнего периода становления и развития отечественной политической регионалистики позволяет выявить несколько поворотных моментов, которые формируют актуальные запросы на новые направления концептуально-теоретических исследований. Стартовав в начале 1990-х гг., политическая регионалистика приняла на вооружение западный концептуально-теоретический и инструментальный арсенал, с его помощью вела исследования политических реалий субъектов федерации в России [1]. К началу второго десятилетия XXI века появляются признаки того, что предложенные западной политической наукой концепты нерелевантны по отношению к российским регионально-политическим реалиям и требуют переосмысления [2; 3]. Среди новых явлений российской политики, потребовавших осмысления связи с региональными политическими процессами, стал государственный суверенитет России. Суверенитет формировался с момента распада СССР, но только к 2005 г. он стал приоритетом Российской власти как «большого мыслящего» [4], и только к 2013–2014 гг. фактор суверенитета приобрёл формы, доступные для наблюдения на уровне регионального политического процесса. С принятием закона об «иностранных агентах» появилась возможность наблюдать соотношение влияния на региональную политику со стороны «автохтонного» регионального гражданского общества и со стороны местных акторов – проводников политического действия зарубежных центров политического влияния.

Дополнительные особенности политической регионалистики обусловлены тем, что регионы России интегрированы в поле международных отношений в регистре экономических, культурных, образовательных, экологических, научных и др. контактов. Поэтому на терри-

тории любого субъекта федерации действует не только отечественная «вертикаль власти», но и иностранные акторы социально-экономической активности, участие которых создаёт структуру, которая обычно описывалась в терминах «intermestic policy» [5]. Если в поле отношений «федеральный центр – субъект федерации – муниципалитет» предметом исследования выступает баланс различных уровней внутренней системы публичной власти, то в поле концепции «intermestic policy» (интерместная политика) – речь о балансе внешне-политических и внутривнутриполитических влияний, который проецируется также и на уровень региональной политики. Включение фактора государственного суверенитета России в поле «intermestic policy» требует переосмысления соотношения внутренних и внешних центров влияния на политику российских регионов.

Третий поворот отечественной политической регионалистики связан с тем, что понятия «политический режим» и «региональный политический режим» были завязаны на концепцию и практику представительной демократии [6]. Действительно, в 1990-е гг. «демократизация» понималась исключительно в связи с внедрением механизмов представительной демократии по Р. Далю, Ч. Тилли и др., однако с 2012–2013 гг. в региональной публичной политике России происходит диверсификация демократических механизмов за счёт развития механизмов совещательной (deliberative democracy) и механизмов партисипаторной демократии (participatory democracy) [7].

Четвёртый поворотный момент состоит в том, что в поле политической регионалистики попадают такие неполитические факторы, как «коллективная память» и «коллективная идентичность». Первые подходы по интеграции проблематики региональной коллективной памяти были предприняты ещё в конце 1990-х гг. [8], однако устойчивым предметом внимания региональных политологов фактор коллективной памяти становится только к 2015 г. и сохраняет высокую актуальность по настоящее время, о чём свидетельствует, в частности, программа научно-практической конференции «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти)», прошедшая на базе Алтайского государственного университета 28–29 октября 2021 г.

Наконец, ещё одним поворотным моментом является понятие «единая система публичной власти», которое внесено в текст Конституции РФ в 2020 г. [9] и обостряет вопрос о соотношении федеральных, региональных и муниципальных уровней концентрации публичной власти в России. Именно в этом аспекте возникает необходимость осмысления проблематики дифференциации уровней публичной вла-

сти, а одним из ключевых представляется вопрос о собственном потенциале региональной власти, который мы рассматриваем в контексте концепции региональной стратификации политического пространства [10; 11].

Проблема собственного потенциала власти касается федерального уровня (здесь требуется анализ баланса внутренней политической активности и активности внешних центров политического влияния), регионального уровня (здесь к контуру интерместной политики добавляется отношения «федеральный центр – регион») и муниципального уровня публичной власти (где к первым двум структурным элементам добавляется специфика отношений «субъект федерации – муниципальное образование»). Фокусируя внимание на собственном потенциале региональной власти в России, используя в качестве опорного термина понятие «state capacity» [12] и учитывая региональную его модификацию [6], можно показать, что поиск ключа к пониманию собственного потенциала власти региона (субъекта федерации) выводит на анализ а) совокупности связей жителей региона с территорией региона, с одной стороны, и б) на анализ отношений граждан региона и институтов региональной власти, с другой стороны.

В первом сегменте речь идёт о связях с территорией, обусловленных регистрацией места жительства, правами на объекты недвижимости, размещением предприятий и организаций, на которых работают граждане, местами регистрации гражданина в качестве налогоплательщика и др. Всё это отношения, связывающие граждан с материальными ресурсами сообщества, расположенными на территории; они мотивируют граждан быть заинтересованными участниками (стейкхолдерами) региональной публичной политики. Есть также и связи с нематериальными ресурсами регионального сообщества, основными из которых выступают региональная коллективная память и региональная коллективная идентичность. Эти связи также мотивируют граждан на заинтересованное отношение ко всему, что происходит в жизни регионального сообщества на территории проживания, в т.ч. в публичной политике. Сильные связи граждан с материальными и нематериальными ресурсами регионального сообщества генерируют сильные формы заинтересованности граждан в делах своего региона, причём роль структур памяти и идентичности является определяющей в формировании такой заинтересованности. Если идентичность и коллективная память регионального сообщества слабая, травмированная, то сильно ослабляется и энергия заинтересованности граждан в «общих» делах на территории. В этой части можно говорить об альтернативности политики региональной власти по отношению к структурам

региональной коллективной памяти и идентичности. Одна стратегия может строиться на принципе «коллективная идентичность и память мешает развитию региона»; тогда в регионе можно наблюдать стремительные реновации территорий проживания, разрушение традиционных форм социальной солидарности (распад этнокультурных, конфессиональных и пр. сообществ, в т.ч. традиционной семьи) и пр. Альтернативная стратегия, – именно она представляется нам в качестве приоритетной, – строится на принципе «коллективная идентичность и память помогает развитию региона»; в этом случае мы будем наблюдать осмотрительные, «медленные» способы преобразования городской среды, а также сохранность и устойчивое функционирование всех традиционно существующих на территории форм социальной солидарности, в т.ч. традиционной семьи. Названная альтернатива позволяет понять состояние человеческого капитала региона: в русле первой стратегии будет наблюдаться сокращение, ослабление названного капитала, в русле второй – будет наблюдаться рост, усиление.

Во втором сегменте региональных связей, – это, напомним, сегмент отношений «региональная власть – граждане», – ключевой вопрос связан с тем, в какой мере региональный институт государственной власти способен или не способен вовлечь, мобилизовать человеческий капитал региона в свои программы публичной политики, нацеленные на решение различных проблем и задач регионального развития. Основная альтернатива сводится к следующему: есть губернаторы, которые не считают задачи вовлечения человеческого капитала в программы регионального развития жизненно необходимыми, а потому для пополнения регионального потенциала власти они стремятся плотнее встроиться в «вертикаль власти». Есть губернаторы, которые, напротив, понимают жизненную важность задач вовлечения человеческого капитала региона в программы развития территорий. Потому пополнение собственного потенциала региональной власти они осуществляют через создание структур государственно-гражданского партнёрства в регионе, разнообразных структур социального доверия в отношениях «власть – граждане», работа которых позволяет дополнить бюджетные ресурсы региональной власти самыми разнообразными ресурсами волонтерской, благотворительной, попечительной и пр. видов общественно-полезной деятельности, в ходе которой граждане выступают в качестве заинтересованных участников конкретных программ и проектов и вкладывают в них свои частные материальные и нематериальные ресурсы.

Обобщая сказанное, можно выделить четыре модели региональной политики управления собственным потенциалом региональной власти.

Первый: сочетает стратегию ослабления человеческого капитала (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) с попытками мобилизации его ресурсов в структуру региональных проектов и программ; второй: сочетает стратегию ослабления человеческого капитала (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) со стремлением встроиться в «вертикаль власти»; третий: сочетает стратегию сохранения и развития человеческого капитала региона (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) с практиками мобилизации его ресурсов в структуру региональных проектов и программ; четвёртый: сочетает стратегию сохранения и развития человеческого капитала региона (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) со стремлением встроиться в «вертикаль власти». Беглый анализ практик современной региональной политики позволяет сформулировать гипотезу: наиболее популярными являются модели первая и вторая, тогда как целый ряд федеральных приоритетов формулирует запрос на третью модель. Модель четвёртая характерна для таких регионов, как Чечня, Татарстан и др., на территории которых живут автохтонные этнокультурные сообщества граждан РФ.

Литература

1. Гельман В.Я. По ту сторону Садового кольца: опыт политической регионалистики России // *Полития*. 2001. № 4. С. 65–94.
2. Гайворонский Ю.О. Региональные политические режимы: концептуальные новации и возможные изменения // *Полития*. 2015. № 2(77). С. 21–37.
3. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис*. 2009. № 2. С. 77–79.
4. Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // *Полис*. 2006. № 3. С. 29–41.
5. Putnam R.D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. Vol. 42, No. 3 (1988). P. 427–460.
6. Gel'man V. Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // *International Political Science Review*. Vol. 29. No. 2. March, 2008. P. 157–180.
7. Дахин А.В. «Индустриализация власти»: российский политический транзит в социально-технологическом измерении // *Политэкс*. 2019. Том 15. № 4. С. 461–482.
8. Дахин А.В., Распопов Н.П. Проблема региональной стратификации в России // *Полис*. 1998. № 4. С. 132–144.
9. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской

Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1., п.1(а), п. 44(г), п. 45(в).

10. Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике и политике. Часть 1 // Власть. 2015. № 10. С. 5–15.

11. Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике и политике. Часть 2 // Власть. 2015. № 11. С. 40–48.

12. White D. State Capacity and Regime Resilience in Putin's Russia // International Political Science Review. Vol. 39. No. 1. January, 2018. P.130–143.

Н.А. Коровникова

Региональная идентичность в цифровом измерении

Экспансия коронавирусной инфекции (пандемии) COVID-19 в международном масштабе оказала существенное воздействие как на реальные (социальные, экономические, политические), так и на ментальные (эмоционально-когнитивные, духовно-аксиологические) элементы мирового устройства на всех уровнях универсума, в том числе и на региональном уровне отдельных территорий.

Ментальные изменения региональных социумов в контексте коронакризиса в значительной степени проявились в деформации структур региональной идентичности¹. Несмотря на то что *региональная идентичность*, в сущности, «реальный», а не «виртуальный» феномен [1], идентификационные процессы сохранения и трансляции ее основ, модифицированные влиянием пандемии, нашли свое отражение в новом культурно-аксиологическом формате «*цифровой идентичности*»², важнейшим фактором и средством формирования которой стала региональная коллективная «*цифровая память*». Данная тенденция объясняется объективными причинами экстренной ситуации, спровоцированной COVID-19, которые интенсифицировали виртуализацию коммуникаций, медиатизацию ментального (идентификационного) пространства, формирование «модусов цивилизации нового информационного порядка» [2, с. 40]. В сегодняшних коронакризисных условиях

---

¹ В ракурсе данной статьи понятия «региональная идентичность», «реальная региональная идентичность», «традиционная региональная идентичность», «региональная идентичность в традиционном (реальном) измерении» тождественны.

² В ракурсе данной статьи понятия «цифровая региональная идентичность», «виртуальная региональная идентичность», «региональная идентичность в цифровом (виртуальном) измерении», «региональная онлайн идентичность» тождественны.

изменилась вся *система цифровых принципов* регионального развития, на первый план вышли принципы «самостоятельности, учета специфики и текущей ситуации, ...поддержания базового уровня самодостаточности», а также, что немаловажно, сохранения и поддержки основ региональной идентичности [3, с. 6].

На современном пандемическом этапе *концепты «региональная идентичность — цифровая (региональная) память — цифровая (региональная) идентичность» формируют целостную систему смежных понятий*. В данном ракурсе «цифровая (региональная) память» является своего рода связующим звеном и инструментом формирования региональной идентичности в цифровом измерении. В общем виде цифровая память представляет собой виртуальный формат коллективной памяти субъектов региона, феномен сохранения и передачи информации об исторических событиях и объектах, а также о культурно-аксиологических традициях и обрядах, характерных для конкретной региональной локальности в цифровом пространстве. Пандемия существенно ускорила внедрение в практическую плоскость всех достижений технической революции, в их числе совершенствование новых средств цифровой фиксации, хранения и воспроизводства информации, следовательно и цифровой (искусственной) памяти, что актуализировало ее медийную составляющую («иллюзия общего доступа к памяти»), превратив в своего рода «мультимедийный коллаж» [4, с. 12, 14, 23]. По аналогии с интерпретацией коллективной памяти М. Хальбвакса, цифровая коллективная память опосредована *свойствами (параметрами и значением) региональной (социальной) группы* [4, с. 17].

Взаимосвязь реальной и цифровой региональной идентичности объясняется общими *параметрами их формирования*, в том числе: стратегическое территориальное расположение, обеспеченность природными ресурсами; политические стратегии на региональном уровне; качество человеческого, в первую очередь, интеллектуального капитала [3, с. 3].

А также их *общим значением*, которое включает различные *аспекты идентичности* региональной локальности (философско-мировоззренческие, политические, социально-экономические, культурологические региональные свойства [5]), в том числе: объективное состояние пространственно-временной самоидентичности; эмоционально-символическая «идентичность места»; локальное миропонимание и мироощущение; символическая связь субъектов региональной группы; совокупность региональных культурно-исторических аксиологических ориентиров; чувство гордости и принадлежности к региональному обществу в качестве основы формирования положительного регио-

нального имиджа (бренда); пространственно-темпоральная модель различных тематических элементов региональной идентичности [1]; результат конструирования пространственно-территориального и социально-политического статуса региона (например, «столица региона») [6, с. 52]; самоотождествление субъектов с региональным социумом на основе «общности территории, особенностей региональной жизни, определенной системы ценностей» [7, с. 3]; (в общегражданском смысле) средство профилактики этнической обособленности, изоляционных тенденций (особенно в карантинных условиях), фрагментации региональной общности, атомизации ее субъектов [7, с. 6].

Однако не следует отождествлять реальный и цифровой формат региональной идентичности, *учитывая специфику их проявления и выражения*. Цифровая идентичность является проекцией множественности идентичностей и разновидностью пространственной идентичности в виртуальной плоскости протекания информационно-коммуникационных процессов [5], которая модифицируется и транслируется посредством специализированных *виртуальных институтов и инструментов*, в их числе «форумы, чаты, блоги, онлайн-дневники, социальные сети и иные Интернет-ресурсы, отличающиеся техническими возможностями и позволяющие пользователям обмениваться сообщениями и данными различного формата (текст, аудио, видео, графика)», а также организовывать виртуальные совместные действия, впоследствии реализуемые в реальной практической деятельности (например, организация флэш-мобов) [5].

Региональная идентичность в цифровом выражении представляет собой новую идентификационную модель, дополняющую и модернизирующую идентификационные процессы на региональном уровне. Это связано с тем, что в контексте коронакризиса многие традиционные идентификационные модели утрачивают свою актуальность, им на смену приходят новые стратегии идентификации, в том числе «в веб-сервисе социальных сетей», происходит конвергенция реальных и виртуальных идентификационных форматов [5]. Очевидно, что «цифровая идентичность», которую в общем виде можно определить как процесс генерации цифровой проекции (следа) в виртуальном пространстве, аккумулирующей весь комплекс данных об определенном объекте (в данном случае региональной общности) в Интернете, оказывает все большее влияние на региональные идентификационные структуры и процессы. В связи с этим формирование и трансформация «цифровой идентичности» становятся вопросом не только социально-экономического развития, духовно-культурного состояния, но и безопасности региона [8, с. 207–209].

Однако крайне высокие темпы технологизации и цифровизации в условиях пандемии, а также неготовность к этим процессам многих регионов мира стали причиной конструирования и негативного типа региональной *онлайн идентичности*, для которой характерна атомизация ее субъектов-носителей, их вынужденная изоляция и дистанцирование от социального окружения [2, с. 41] и т.п. Предотвращение появления девиантных, деструктивных форм цифровой идентичности требует, с одной стороны, осмысления того, что ключевые «мировоззренческие, смысложизненные» структуры региональной идентичности в сегодняшних реалиях развиваются в условиях укрепления тенденции «*цифроцентризма*» как своего рода идеологии «матричного цифрового мира» [9, с. 113]. С другой стороны, подготовки региональных субъектов к грамотному использованию цифровых инструментов формирования региональной идентичности, которые включают «Интернет, машинный (искусственный) интеллект, автоматизацию и роботизацию, технологии накопления, сверхскоростной обработки, анализа и передачи больших объемов данных, создание высокотехнологичных цифровых платформ, применение облачных технологий» и т.п. [9, с. 111].

По мнению отечественных специалистов, важное свойство региональной идентичности в цифровом измерении — ее «*проектность*», когда процессы виртуальной идентификации рассматриваются как реализация «проекта» или «серии проектов». В этом ракурсе цифровая региональная идентичность обладает «ключевыми характеристиками проекта: цель, ориентация на результат, процесс его достижения, определение условий реализации, развернутость во времени, востребованность у целевой аудитории» [8, с. 209]. Образцом подобного идентификационного проекта может служить федеральный проект по формированию общероссийской карты локальных культурных брендов «*Живое наследие*» [10], который содержит «цифровые профили»¹ российских регионов и реализуется при содействии Фонда президентских грантов и Общественной палаты Российской Федерации.

Примером эффективного применения в России виртуальных средств по сохранению и укреплению региональной идентичности в пандемических условиях могут служить действия властей и общественности Ульяновской области, которыми были предприняты следующие *меры по поддержке региональной идентичности населения Ульяновской области в цифровом измерении*, а именно: а) проведение

---

¹ Цифровой профиль в широком смысле представляет собой информационный электронный носитель, в котором хранятся данные о том или ином реальном объекте [8, с. 212].

в дистанционном режиме при содействии Российского исторического общества и фонда «История Отечества» [11] II Международного Форума историков, философов и публицистов, приуроченного к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина [12]; б) создание сайта Союза краеведов Ульяновской области, на котором представлены краеведческие проекты, в частности, проекты «Региональная идентичность» и «Историческая память» [13]; в) размещение в открытом виртуальном пространстве проекта Концепции сохранения и развития региональной и локальных идентичностей населения Ульяновской области до 2030 г. [7], которая содержит перечень основных *характеристик* (расхождение между симбирскими и ульяновскими идентификационными составляющими, пространственный разрыв «Свияга — Волга», полиэтничность, поликонфессиональность и др.) и *элементов* (культурологических, исторических, территориально-географических, социально-экономических, информационно-цифровых) региональной идентичности области [7, с. 10–16].

В пандемический и постпандемический периоды опыт работы Правительства, общественных и научных организаций Ульяновской области по культивированию и популяризации региональной идентичности в цифровом измерении может быть полезен для всех субъектов Российской Федерации.

Следовательно, в контексте коронакризиса меры по поддержке и развитию региональной идентичности в цифровом измерении путем реализации соответствующих виртуальных проектов целесообразно включить в перечень приоритетных направлений региональной политики в области социально-экономического и духовно-культурного развития всех субъектов Российской Федерации. Сохранение и трансляция культурно-аксиологических основ традиционной и цифровой региональной идентичности с помощью коллективной (в том числе цифровой) региональной памяти в реальном и виртуальном идентификационном пространстве российского социума будет способствовать преодолению трудностей пандемического и постпандемического периодов, последующему укреплению целостности, конкурентоспособности и безопасности российских регионов в XXI веке.

Литература

1. Еремина Е.В. Идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. №3. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/781>
2. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsi>

frovaya-identichnost-kak-novyuy-vid-identichnosti-cheloveka-informatsionnoy-epohi

3. Вилькен В.В. Управление региональным развитием в условиях цифровой экономики : автореф... дис. кан. экон. наук. СПб., 2020. URL:

<http://iresras.ru/uploads/2019/диссертации/Vilken/Автореферат%20Вилькен%20В.В.%20и%20отзыв%20научного%20руководителя.pdf>

4. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб., 2018. URL:

http://inion.ru/site/assets/files/3626/metodologicheskie_voprosy_izucheniia_politiki_pamiati.pdf

5. Жаде З.А., Ляужева С.А. Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25295469>

6. Ильина О.В., Каблуков Е.В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана // Научный диалог. 2020. №3. С. 52–66. URL: <https://science.ufru.ru/publications/практики-конструирования-региональной-идентичности-в-медиадискурсе>

7. Концепция сохранения и развития региональной и локальных идентичностей населения Ульяновской области до 2030 г. / Проект АНО «Центра стратегических исследований Ульяновской области». URL: http://73history.ru/doc/231020_1.pdf

8. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-tsifrovaya-samoidentifikatsiya-tsifrovoy-profil-postanovka-problemy>

9. Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: Материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 5–6 апреля 2018 г.). Ч. 2 / Ред.: М.Б. Балычева, О.М. Смирнова. М., 2018.

10. Живое наследие. Национальная карта локальных культурных брендов. Официальный сайт. URL: <https://livingheritage.ru>

11. Российское историческое общество. Официальный сайт. URL: <https://historyrussia.org>

12. Актуальные вопросы сохранения и развития региональной и локальных идентичностей // Российское историческое общество. 15.06.2020. URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/ulyanovsk/aktualnye->

voprosy-sokhraneniya-i-razvitiya-regionalnoj-i-lokalnykh-identichno-
stej.html

13. Союз краеведов Ульяновской области. Официальный сайт.
URL: <http://73history.ru>

У.В. Ястребова
Роль религиозных образов-символов
в культурном ландшафте (на примере Сицилии)

Культурный ландшафт является необходимым понятием при изучении региональных особенностей культуры, в частности для предлагаемого исследования культурного ландшафта Сицилии. Он формируется благодаря определенным образам, их бытие в культуре «неотделимо от процесса символизирования среды» [1, с. 371]; в нем сохраняются и находят свое воплощение образы-символы культуры. Ландшафт, понимаемый как «место в физическом смысле», так и «место памяти», держится единством его восприятия и воспроизводства в культурной памяти. В ритуале воспроизводится его символическая природа; можно сказать, что ритуал обуславливает процессы идентификации. Поэтому обряды и ритуалы могут выступать средством «проговаривания» образов-символов культуры, так как они актуализируются в памяти коллектива и пространстве культурной памяти.

В культурной памяти Италии сохраняется сицилийская идентичность. Культурная память, понимаемая как система топосов, вбирает в себя их региональное выражение. Сицилийцы определяют себя прежде всего как сицилийцы, и это обуславливает динамичность воспроизводства культурной памяти. Методологическим основанием исследования культурного ландшафта, на наш взгляд, должна быть феноменологическая традиция, так как ландшафт — форма нашего восприятия, то есть пространство, воплощенное в образах памяти — индивида, коллектива, культуры. Мир мы воспринимаем пространственно, само наше восприятие обусловлено пространством. Цель работы заключается в попытке рассмотрения определенных практик в системе образов культурного ландшафта для дальнейшего выявления особенностей формирования региональной идентичности Сицилии. Для этого необходимо рассмотреть связь культурной памяти с процессами формирования региональной идентичности и выявить артефакты, памятники культуры, которые являются символическими значимыми для сохранения культурного ландшафта Сицилии носителями смыслов.

Обращаясь к философии М. Хальбвакса, находим, что восприятие — неотъемлемый механизм, обеспечивающий работу памяти, который

формирует и реконструирует образы. Французский философ связывал память с социальной реальностью, говоря о том, что коллективная память базируется на общих рамках памяти общества, память индивидуальная встроена в социальный контекст, а образы прошлого суть социокультурные символы. М. Хальбвакс [2, с. 52] отмечал ведущую роль социальной группы в организации и сохранении прошлого в памяти, поскольку именно коллектив обладает необходимыми мнемоническими инструментами. Например, сакрализация пространства обеспечивает символическое единство социальной группы, а коллективная память запечатлевает в себе образы символического единства. Поэтому механизмы памяти должны рассматриваться в контексте не только индивидуального восприятия, но и коллективного. Одна из форм коллективной памяти, культурная память, будучи подвижным, динамичным феноменом, инструментом трансляции культурных смыслов, сохраняет в себе образы ландшафта, бытие которого зафиксировано в сознании индивидов. Благодаря воспроизведению знаний, традиций, ритуалов происходит «укоренение» в поле культурной памяти и, соответственно, культурной идентичности.

Развивая эти идеи, в рамках феноменологии культурный ландшафт рассматривает Л.Е. Артамошкина, указывая на то, что ландшафт возможен благодаря воспринимающему сознанию. Исследовательница пишет [3, с. 179], что восприятие пространства является частью ментальности культуры и неразрывно связано с определенной традицией. Оно напрямую зависит от воспринимающего субъекта и от культуры, чьим порождением он является, от той или иной эпохи, в рамках которой это восприятие ландшафта возможно. Более того, восприятие мира осуществляется из точки местоположения воспринимающего сознания, «взгляд» которого обусловлен моментами самоопределения, и с помощью взгляда ландшафт запечатлевается в индивидуальной или коллективной памяти. Процессы актуализации опираются на осознанную необходимость самопонимания, что требуется для доступа к пространству памяти, системе топосов. Итак, образ ландшафта укореняется в индивидуальной и коллективной памяти благодаря воспринимающему субъекту, образы требуют усилия памяти. То есть ландшафт возможен именно благодаря взгляду, восприятию, где топос — условие исхождения восприятия.

Как писал канадский географ Э. Рельф [4, р. 20], подобные пространства — это экзистенциальные, аутентичные явления; значимые, но отнюдь не упорядоченные контексты повседневной жизни. Они представляют собой территории значений и символов, которые возникают из опыта жизни. Эти значения включают в себя ощущение при-

надлежности к конкретному месту, собственная идентичность которого также связана с его ландшафтами и деятельностью. Это чувство единства оказывает сильное формирующее и поддерживающее влияние в трудные времена, а также способствует укреплению идентичности. Некоторые исследователи называют культурный ландшафт живым свидетельством социальной истории, основываясь на идее о таком взаимодействии. Хотя существуют реликтовые ландшафты, большинство культурных суть живые, то есть они меняются с течением времени, что приводит к эффекту серийности слоев, каждый из которых может рассказать историю общества за отдельный промежуток времени и определить отношения между людьми и природой. К. Тейлор подчеркивает [5, р. 7], что ландшафты действительно отражают деятельность человека и пронизаны культурными ценностями. Они сочетают в себе элементы пространства и времени и представляют собой политические, а также социальные и культурные конструкции. По мере того, как они развивались, изменялась и деятельность человека, ландшафты приобретали множество смысловых слоев, которые можно проанализировать с помощью исторических, археологических, географических и социологических методов.

Таким образом, важно, во-первых, осознание того, что именно места, традиции и повседневная деятельность людей создают богатую культурную ткань жизни, а во-вторых, признание ценности мест повседневных практик, которые сопровождают чувство места и идентичности (так как идентичность имеет решающее значение для восприятия и ощущения места). Характер ландшафта отражает ценности людей, которые его сформировали и продолжают в нем жить. Культура выступает как формирующая сила, и ее бытие неразрывно связано с порождением смыслов. Ландшафт — это культурное выражение, которое не возникает случайно, а создается непосредственно в результате человеческой деятельности и благодаря включению тех или иных значений в общее пространство памяти. Ландшафт и идентичность — неотъемлемые компоненты нашей культуры, единое целое. Поэтому для поддержания благополучия в обществе необходимо поддерживать существующую систему смыслов, традиций, которые формируются в культурном ландшафте.

Переходя непосредственно к анализу сицилийской культуры, важно отметить, что невозможно обосновать теоретическую сущность христианского наследия в культуре современной Сицилии и объяснить ее механизмы, руководствуясь каким-то одним принципом. Сицилия — регион, являющийся частью доязыческой, античной, христианской (католической) культуры, а также византийской и глобальной хри-

стианской культуры. То есть Сицилия предстает как сложное, синтетическое культурное образование, которое вбирает в себя опыт множества культур и в котором по-своему используются различные средства актуализации исторического и культурного наследия. Однако через какие символы, какие приемы и стратегии конструируется время, история и идентичность на Сицилии? В каких представлениях об истории, времени, памяти, памятниках, наследии проявляется региональная идентичность?

Религиозные праздники в честь святых покровителей городов, проводимые на Сицилии, относятся к конкретным персонам и событиям, запечатленным в культурной памяти региона. Когда организовываются масштабные празднования, торжества, шествия, страстный язык религиозного дискурса становится доминирующим топосом, где локализуется память; так образы-символы перечитываются и переосмысливаются. Следовательно, объект-событие раскрывает свою природу, только будучи вписанным в определенный порядок дискурса, который организует значительные области коллективной и культурной памяти, управляет различными практиками и контекстами. Это такой порядок времени-пространства, в котором объект связан через символические связи с другими объектами, придающими культурному пространству монументальность, но в то же время многомерность и насыщенность символическими образами, тем самым обуславливают процесс коммеморации.

Праздники в честь святых покровителей городов являются местами памяти — событиями вне определенного течения истории, которая регулирует в местном контексте отношения между памятью и идентичностью [6, р. 148]. Это объекты (места, события) с высокой символической ценностью, характеризующиеся достаточной функциональностью, так как они «удерживают» память об определенной традиции или событии; это «сгущения» значений, замкнутые в себе, и в то же время символические пространства, наделенные способностью открываться и воспроизводить уже новые значения. Это не сами воспоминания, а места, где актуализируется память, не традиция как таковая, а ее «лаборатория» [6, р. 150]. Следовательно, места памяти, которыми могут быть события (в нашем случае это религиозные праздники), можно исследовать с целью изучения идентичности, в том числе региональной.

Что касается мест памяти, то мы можем уловить значительную силу объекта-символа: он способен сгущать память вокруг себя, становясь знаком, порождающим образы. Однако это не чистый или статический знак, относящийся только к самому себе; он тесно связан через

точные смысловые отношения и столь же очевидные риторические связи с другими символами, с другими знаковыми событиями. Так, без религиозных праздников, пышных торжеств, задокументированных в исторических списках, без изображений, архивных документов образа культа святых покровителей не был бы знаком; следовательно, событие, которое воспроизводится в местной памяти и повествованиях, просто не было бы столь весомым в данной системе воспоминаний. События прошлого, традиции соотносятся между собой, начиная с ритуализированных форм памяти, пересматриваются и обновляются в повествовательном контексте (в устном и письменном) и в различных социальных практиках; они вписываются, видоизменяя нарратив, в сюжет ритуальной системы.

Действия-события, вызванные своего рода ритуальным «принуждением» к повторению, воспроизведению, всегда являются историческими событиями, заданными во времени. Знаковые объекты, места сгущения памяти, картины, надгробия, алтари никогда не существуют вне времени, а становятся полноправной частью данного социокультурного контекста. Целью их постоянного воспроизведения является актуализация прошлого в настоящем, поиск «корней» как основы для построения идентичности. Этим и объясняется наш интерес к изучению «сицилийского вопроса» в данной работе. Праздники в честь святых, как и сам культ, являются частью режима историчности, который включает определенные способы представления и повествования о себе, локальной истории и памяти культуры Сицилии.

Региональный праздник становится частью культурного наследия территории благодаря процессам формирования нарративной общности коллектива. Территория переопределяет свою идентичность через коммуникативную силу местного культа, чтобы приобрести новый образ и использовать его в качестве творческого инструмента территориальной идентификации в условиях растущего риска унификации и стандартизации с глобальной культурой, когда места памяти оказываются в ситуации постепенной деперсонализации и повсеместной утраты чувства идентичности. Поэтому возможно проанализировать региональную идентичность, взяв за основу религиозные праздники, которые проводятся в определенном месте и память о которых содержится в местных топосах (названиях городов, улиц), локальной хронике и т.д. Это означает, что характер отношений между праздником (определенной традицией) и территорией может быть понят следующим образом: региональный контекст есть особый дискурс, в рамках которого живет сообщество, его культура, экономика и устоявшиеся практики повседневной жизни.

Один из наиболее интересных аспектов, относящихся к общим вопросам о связи праздников и региональной идентичности — вопрос использования мероприятия такого рода в качестве творческого инструмента для территориального переосмысления. Рассмотрение его как события, которое создает двусторонние отношения взаимозависимости между местом и традицией, а также ряда материальных и нематериальных ценностей культурного контекста, где «имеет место» праздник. Будучи объектом культурного наследия, культуры, ритуализированные постановки и практики направлены на обновление, переосмысление культурной памяти, укрепление самобытности региона. Так, например, исследователи подчеркивают способность праздников как образов-символов территории осмыслять, прочитывать территорию настолько, чтобы выделить или замолчать отдельные эпизоды идентичности, организовывать пространство в единое целое [7, р. 142].

Культура — матрица идентичности, из которой оживают уникальные коннотации мест памяти, а оформление региональной идентичности позволяет подчеркнуть отличия одного культурного ландшафта от другого. Таким образом, идентичность подпитывается культурой, контекстуализируется ею и, соответственно, отличается от другой по содержанию (материальные и нематериальные ценности) и форме, знаниями и признанием тех или иных мест уникальными и неповторимыми. Как пишет Тициана Банини, «каждый локальный контекст — это потенциальная область идентичности, которая может стать действительной, если коллектив осознает свою специфику и чувство места» [8, р. 12].

То, что проявляется в ритуальной постановке, есть внутренний стержень сообщества. Локальный уровень идентичности, который, с определенной точки зрения, является локальной стороной процесса конструирования и определения коллективных идентичностей, должен быть соотнесен с рядом официальных репрезентаций. Более того, он может трансформироваться в институциональное, официальное пространство, которому противопоставляются и с которым отождествляются другие, более локальные уровни идентичности. Очевидно, что процессы глобализации преобразуют локальное в общее, а культурные ценности региона — в часть единого наследия государства. Территория, ее образы, идентичность становятся своего рода «товарами»: создается настоящий «региональный продукт», поэтому укрепление чувства принадлежности, самобытности, может иметь важные экономические последствия.

Говоря о мнемотопах, культурном ландшафте Сицилии и его составляющих, помимо культа святых можно привести в пример марш-

руты веры как часть религиозного туризма на острове. Сицилийский регион финансирует развитие различных религиозных маршрутов с экономической целью, но не только. Маршруты включают в себя святые места, церемонии, праздники и традиционные обряды. Религиозный туризм становится все более распространенным продуктом, представляющим особый интерес для ученых и исследователей многих дисциплин, включая экономику и политическую науку. Культурная география, например, может рассматривать данный туристический сектор с намерением расширить, обогатить, углубить представления о территории. Если в прошлом итальянские исследования в области культурной географии касались географии религий, то в начале 2000-х годов исследования стали посвящаться и другим теоретическим вопросам: аспектам взаимоотношений между пространством и религией, а также видам религиозных маршрутов. Так, в рамках культурологических исследований теоретически изучаются отношения между религией и пространством, эмпирически — способы территориализации религиозных явлений, отношения между пространством и образами, формируемыми на основе знаков сакрального и религиозного, которые, в свою очередь, проявляются в культурном ландшафте [7, р. 150].

Примером религиозного маршрута на Сицилии выступает Виа Франчиджена. Это 160-километровый путь, который соединяет два древних портовых города, Палермо и Агридженто, через систему древних грунтовых дорог. Примечателен религиозный маршрут под названием «Путь Святого Филиппа» на востоке острова. Помимо «локальных», существуют маршруты веры, связанные с символами национального значения, например, пути Св. Франциска Ассизского. При детальном рассмотрении данных проектов проясняются их назначение и задачи. Например, «Путь Святого Филиппа» содействует укреплению религиозных традиций и проведению соответствующих праздников, связанных с культом Святого Филиппа из Агиры, которые проводятся на протяжении всего пути от города Ачи-Катена до Калатабидано, Катании и Мессины, где происходят наиболее пышные мероприятия.

Другой проект под названием «От «Солунто до Сиканских гор» предполагает проведение ряда религиозных праздников, которые проходят в семи муниципалитетах во время Страстной недели с целью празднования различных святых покровителей. «От Солунто до Сиканских гор: пути веры между морем, природными заповедниками и традициями» — это проект, начатый во второй половине 2016 года. Его задачами являются: а) перепись нематериальных и материальных памятников культуры; б) определение характеристик маршрутов веры;

в) актуализация присутствующих на территории элементов религиозных традиций и обрядов; г) разработка контекстных веб-сайтов, приложений, газет и т.д.

В завершение данной статьи можно сделать несколько выводов. Во-первых, укоренившийся в памяти культуры образ символизируется и становится семиотическим «конденсатором памяти» [9]: аккумулирует и организует вокруг себя новый опыт. То есть символы предстают в качестве мнемотехнических механизмов.

Во-вторых, религия, историко-культурное наследие выступают как значимые аспекты при изучении региональной идентичности, одной из функций которой является защита собственного уникального образа в ситуациях отчуждения и глобализации. Рассмотренные выше религиозные маршруты как способ актуализации устоявшихся традиций демонстрируют то, что можно назвать коллективной памятью этих населенных пунктов: память культуры закрепляется в локальных мнемотехах и становится инструментом конструирования региональной идентичности, в результате чего создается особый образ Сицилии.

Поэтому важно внимательно изучать ментально-духовное пространство, напрямую зависящее от тех образов, что лежат в основе региональной идентичности. Сложившаяся система ценностей исследуемого сообщества, коллективные воспоминания, варианты их воссоздания — все это подлежит тщательному анализу.

Культурный ландшафт играет большую роль при создании образов региональной идентичности, так как они — результат восприятия, понимания и интерпретации культуры определенного пространства. Ряд представлений о регионе, поддерживаемых населением, формируется благодаря символам, которые живут и отражаются в повседневных практиках, в художественном творчестве, кино, ландшафте. Созданный образ Сицилии задает соответствующий характер восприятия ее символического пространства, становится механизмом для образования и укрепления чувства единства и тождества.

Литература

1. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. 2010. №2.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М., 2007.
3. Артамошкина Л.Е. Феноменология ландшафта: итальянские впечатления В.В. Розанова // *Studia culturae*. 2014. №14.

4. Relph E. Spirit of Place and Sense of Place in Virtual Realities // *Techné: Research in Philosophy and Technology*. T. 10. 2007. №3.
5. Taylor K. Landscape and Memory: Cultural Landscapes, Intangible Values and Some Thoughts on Asia // 16th ICOMOS General Assembly and International Symposium: “Finding the Spirit of Place — between the Tangible and the Intangible”, 29 Sept — 4 Oct 2008, Quebec, Canada. Quebec, 2008.
6. Palumbo B. Retoriche della storia e conflitti di identità in una città della Sicilia // *Meridiana*. 1997.
7. Cannizzaro S. Itinerari della fede in Sicilia con un’analisi della comunicazione online, *annali del turismo*. Novara, 2017.
8. Banini T. Identità territoriale: verso una ridefinizione possibile // *Geotema*. Vol. 37. 2009. P. 6–14.
9. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I. Таллинн, 1992. С. 191–199. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm>

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ (В ТОМ ЧИСЛЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ РЕГИОНАХ «БОЛЬШОГО АЛТАЯ»)

Д.В. Березняков, С.В. Козлов
***Региональное измерение политики памяти:
случай Донбасса***

Распад Советского Союза по административным границам и создание новых независимых государств означал крах проекта создания советской надэтнической идентичности, который ориентировался на интеграцию полиэтнического пространства в макрополитический субъект. Эта ситуация потребовала от постсоветских политических и интеллектуальных элит переформатирования символического пространства и создания нового доминантного идеологического нарратива, который бы задавал общие параметры идентичности «воображаемых сообществ» новообразовавшихся постсоветских политий. Такое переформатирование, имея своим исходным условием дезорганизацию советской наследия, тем не менее, приобрело свои специфические черты в каждой из бывших республик СССР, порождая многочисленные трудности и противоречия, связанные с наложением процесса кристаллизации новых элитных групп, активно присваивавших ресурсы рухнувшей коммунистической государственности, на процессы в области политики исторической памяти.

В этой перспективе рассмотрение проекта создания украинской национальной идентичности в аспекте политики памяти дает возможность показать роль регионального измерения символического конструирования постсоветских политий как источника конфликтов между различными политическими силами, отстаивающими свои актуальные интересы и ценности, а также принципиальную важность роли государства в этом процессе.

Пример Донбасса в этой перспективе становится тем случаем, который отчетливо показывает тот факт, что политика исторической памяти не является однонаправленным воздействием элит, а представляет собой пространство конфликта, имеющего открытый финал, способный переформатировать само политическое пространство и перспективы украинского государства.

В литературе, посвящённой украинскому нациестроительству, часто незамеченным остаётся то обстоятельство, что вызванная крахом Советского Союза ликвидация институциональных оснований для поддержания надэтнической советской идентичности привела к дезор-

ганизация символического пространства, что послужило, помимо прочего, и основанием для ускорения формирования региональных идентичностей.

На момент распада Советского Союза и образования независимого украинского государства на востоке страны доминировали представления об общем прошлом, которые были сформированы в рамках советской надэтнической городской русскоязычной культуры. Соответственно, коллективная память в данном случае – это память, которая производилась по-советски образованными горожанами, имеющими в своем распоряжении необходимые культурные и символические ресурсы, в первую очередь связанные со сферой массового образования и массовой культуры. Семейные и личные биографии при этом оказывались вписанными в широкий контекст развития страны и воспринимались через него. При этом регионы репрезентовались в медиа, прежде всего, как объекты государственного управления и звенья единого народнохозяйственного комплекса. Внимания локальной и региональной идентичности уделялось мало.

В первые постсоветские годы на Украине в условиях кризиса советской идентичности стал наблюдаться рост ориентации населения на «малую родину» и существенно усилилось внимание к формированию региональной идентичности. Следует подчеркнуть, что центральное место среди мнемонических акторов, конструировавших и продвигавших в публичном пространстве региональную идентичность, занимали низкостатусные интеллектуалы, среди которых важную роль играли активисты общественных объединений, журналисты, публицисты и деятели культуры.

Главным фактором, определившим важную роль интеллектуалов, концентрировавшихся вокруг региональных медиа, было их стремление сохранить или занять привилегированные позиции в сфере символического производства на уровне регионов. Соревновательная логика обретения символических капиталов в культурном поле обусловила их стремление заручиться поддержкой региональных аудиторий.

Можно сказать, что в ситуации провала советских и фактически еще отсутствовавших эффективных общеукраинских идеологических машин региональные интеллектуалы стали основными группами, которые определяли политику памяти на региональном уровне. Именно эти группы начали процесс переосмысления роли регионов в общественной жизни. Это переосмысление включало активное использование исторических названий территорий и их уроженцев. В конечном счете, как отмечает украинский исследователь Александр Андрущук, «усилиями СМИ новые «портреты» регионов, которые подчеркивали

общность прошлого этих территорий, акцентировали внимание на особенностях ментальности региональных сообществ, получили все большее распространение в публичном пространстве» [1, с. 54].

Отметим, что параллельно с усилением процессов конструирования региональных идентичностей шло формирование как институциональной инфраструктуры символической политики постсоветской Украины, так и нового доминантного идеологического нарратива. В процессы символического производства и продвижения дискурса национализирующего государства были вовлечены политический класс, интеллектуальные элиты, а также агенты индустрии культуры, медиа и системы образования.

Историческая политика и, шире, политика памяти, направленная на трансформацию коллективной памяти, начала осуществляться с первых месяцев независимости. Национальная концепция истории транслировалась в публичное пространство через систему школьного образования, прессу, кинематограф, массовую литературу, государственные праздники и коммеморации. На это было ориентировано создание инфраструктуры мемориальной политики: музеев, памятников, института национальной памяти. Своего апогея политика памяти достигла в период президентства В. Ющенко, когда она была положена в основу идеологии режима.

Как и на большей части постсоветского пространства, на Украине активное меньшинство попыталось навязать своё видение ситуации инертному большинству. Однако успешность осуществляемой индоктринации в украинском случае сильно варьировалась в зависимости от социально-географических и демографических характеристик аудиторий, поскольку механизмы функционирования коллективной памяти могли как способствовать, так и препятствовать подобной индоктринации.

Донбасс, включающий в себя значительную часть Донецкой и Луганской областей Украины, занимал особое место среди украинских регионов. Коллективная память жителей индустриального Востока была сформирована под доминирующим влиянием советской исторической мифологии. Отметим в этой связи, что чем более население подвергалось воздействию советских модернизационных практик, тем сильнее оказывалось влияние искусственно сформированной коллективной памяти. А советский модернизационный проект, связанный с формированием индустриальной инфраструктуры и промышленного типа занятости, был географически локализован преимущественно на востоке Украины.

Символические ресурсы, которыми располагали центральные власти, реализуя на практике проекты в области политики памяти, оказались недостаточными для полной унификации культурного пространства и коллективной идентичности всех граждан Украины. Постколониальный дискурс, радикально порывавший с советской коллективной памятью, не встретил понимания со стороны многих украинцев, особенно на Юго-Востоке страны. Для населения индустриализированных городов этого макрорегиона новые исторические мифы оказались неприемлемыми.

Стойкое неприятие значительной частью населения Юго-Востока некоторых персонажей из нового национального пантеона и ряда памятных дат вынуждали сменявшие друг друга украинские правительства проводить амбивалентную политику памяти, ориентируя различные мероприятия и обращения на разные группы обществности. Пророческими оказались слова украинского исследователя Я. Грицака, который в 2003 г., говоря о новых украинских мифах, отметил, что «существует риск, что они оттолкнут русскоговорящую половину украинского населения, которая их не разделяет и не верит в них» [2, с. 440]. Вплоть до начала вооружённого конфликта в Донбассе памятники национальным героям на востоке Украины отсутствовали. На протяжении 90-х гг. XX в., а затем и в начале XXI в. значительная часть жителей Юго-Востока продолжала считать себя «советскими людьми» [3].

Среди факторов, обусловивших это обстоятельство, следует назвать, прежде всего, то, что значительная часть населения Юго-Востока была не только русскоязычной, но и русскокультурной. Если в Советском Союзе они не воспринимались как «Другие», то в независимой Украине они превратились в меньшинство, испытывающее дискомфорт по поводу резкого снижения официального статуса русской культуры и русского языка. Нападки со стороны интеллектуалов Центра и Запада на «имперское прошлое», которое воспринималось жителями Юго-Востока как своё, вызывали у последних отторжение. Их представления о прошлом, значимой частью которых были, в частности, успехи в индустриализации и победа в Великой Отечественной войне, обуславливали их гордость за своих предков, которые жили в «единой великой стране». Для Юго-Востока история России – это история братского народа или даже общая история.

Немаловажную роль в сохранении хоть и видоизменённой, но всё же советской коллективной памяти сыграло отсутствие у местных и центральных националистически настроенных интеллектуалов достаточных символических ресурсов для влияния на социальную память

горожан индустриального Востока. Действительно, если Львов – это город с развитой культурой, то Донецк и Луганск – города с развитой промышленностью. Ведущую роль среди элит Востока играли и продолжают играть представители деловых кругов и промышленной бюрократии. Исследование украинской региональной прессы, проведённое одним из авторов настоящей статьи в конце 2013 г., показало, что, если в западно-украинских средствах массовой коммуникации лидерами мнений выступают в основном медиатизированные интеллектуалы: учёные, философы, деятели культуры и искусства, то для донецких медиа лидерами мнений являются как раз директора промышленных предприятий и предприниматели (см.: [4]).

Несмотря на интенсивные процессы выработки дискурса национализирующегося государства и доминирование в медиапространстве соответствующей неоспариваемой и постоянно актуальной тематики, реальная индоктринация аудиторий на востоке Украины не привела к желаемым для киевских властей последствиям. Социологические исследования четко показывают различия региональных моделей массовых представлений о национальной истории у граждан разных регионов Украины. Украинский исследователь Александр Вишняк справедливо отмечает, что эти представления «определяются не только и не столько курсами истории в школах и вузах, сколько культурным наследием поколений, сохраняющимся в семьях... и ближайшем культурном окружении» [5, с. 61]. Несмотря на то что жители этих регионов учились по одним и тем же программам, пользовались одними и теми же медиаресурсами, их отношение к различным историческим событиям и персонам сильно дифференцировано. Например, «модели массового исторического сознания Галиции и Волыни, с одной стороны, и Донбасса — с другой, прямо противоположны» [5, с. 62].

Однако акцент на региональных особенностях социальных аудиторий Донбасса, чьи коллективные представления об историческом прошлом блокировали усилия официального Киева по насаждению доминирующего идеологического нарратива, не должен затенять то обстоятельство, что коллективная память о советском прошлом жителей Донбасса оказалась тем ресурсом, к которому охотно обращались восточно-украинские элиты в борьбе за политическое доминирование и перераспределение экономических ресурсов.

Как отмечает А. Андрощук, в постсоветский период «создание средствами медиа определенных образов регионов стало одним из главных инструментов политических акторов внутри страны и за ее границами в конструировании региональных «воображаемых сообществ» и формировании региональной идентичности жителей постсо-

ветской Украины» [1, с. 54]. Особенно актуальным этот вывод был именно для Донбасса.

Фактически речь идет о смычке и глубокой взаимосвязи двух важнейших измерений политической трансформации постсоветской Украины, а именно стремительного формирования режима конкурентной олигархии [см.: 6, с. 34–35] и резкого усиления статуса регионов как культурно-политических проектов, претендующих на самостоятельную версию идентичности и автономию мнемонических акторов политики исторической памяти.

Принципиальная особенность украинской версии конкурентной олигархии заключается в том, что сформированные в постсоветских условиях олигархические кланы были территориализированы, т.е. привязаны к конкретным регионам и в силу этого были самым непосредственным образом заинтересованы в ослаблении политико-управленческого статуса Центра, что выразилось в конституционном дизайне украинского государства, а именно в феномене сильного парламента и слабого президента. Соответственно заинтересованность олигархических групп в ослаблении Центра стимулировала их поддержку процессов культурно-политической регионализации, что в перспективе порождало конфликт между навязываемым из Киева форматом строительства нации, включая политическое использование прошлого, и стремлением регионов противостоять процессам унификации и гомогенизации. Иными словами, характерная для процесса строительства национальных государств логика приведения в соответствие культурных и политических границ [см.: 7] в украинском случае начала давать самые серьезные сбои. На уровне конкретных практик это вылилось в том, что в 2000-е гг. олигархические группы всячески педалировали поддержание региональной идентичности, что способствовало ослаблению института государства. Эта ситуация нашла свое выражение в критическом дефиците того, что М. Манн назвал «инфраструктурной властью», которую он определил как «способность государства проникать в гражданское общество и обеспечивать выполнение политических решений на всей своей территории» [8, с. 7]. Подобное состояние во многом объясняется стремительным обвалом советской институциональной инфраструктуры и возникновением на её обломках множества мелких патронатов, контролируемых представителями местной партийно-хозяйственной номенклатуры второго-третьего эшелона, а иногда и криминалитета. Как справедливо отмечает Г.М. Дерлугьян, «стоило разрушиться всеобъемлющей формальной структуре коммунистической партии, как государственная власть оказалась разделенной вдоль ведомственных линий и административных

границ. <...> Вся политика стала местной» [9, с 333]. На местном уровне формируются формальные и неформальные группы влияния, апроприировавшие государственную машину и концентрирующие административные, экономические и силовые ресурсы. Важное место среди этих групп занимали клиентелы, складывающиеся вокруг государственных и муниципальных чиновников, которые, занимая публичные должности, приватизировали выполняемые ими функции для извлечения административной ренты. Характеризуя положение персонала, обслуживающего институты государственной и муниципальной власти на Украине, Х. ван Зон пишет: «Украина не имеет консолидированного, современного государственного аппарата, а является скорее неопатримониальным государством, в котором каждый государственный служащий имеет свой фьеф (феодалное владение). Государственный аппарат напоминает паутину отдельных институций, преимущественно озабоченных защитой своих привилегий, а не служением обществу» [10, р. 15].

Таким образом, реконструкция украинского формата политики памяти актуализирует необходимость «возвращения государства» в исследовательскую оптику, или, иными словами, демонстрирует тот факт, что реальные процессы политики памяти, реализуемые мнемоническими акторами как на национальном, так и на региональном уровне, в целом реализуются в структурных границах, формируемых динамикой государства как метаполитического института, подверженного процессам распада и восстановления. Инфраструктурная слабость украинского государства в условиях режима конкурентной олигархии сформировала смычку региональных кланов, не заинтересованных в сильном государстве, с мнемоническими акторами регионального уровня, ориентированными на конкуренцию с символическим проектом единой украинской нации, в которой культурно-политическое многообразие подвергается маргинализации. Радикальное воплощение этих практик имело место в случае Донбасса, когда региональные кланы, наделенные разнообразными ресурсами и возможностями, обеспечили политическую мобилизацию социальных групп на радикальный политический протест с мало предсказуемыми для всех участников этого конфликта последствиями.

Литература

1. Андрощук О. Переозначення регіону: конструювання образів регіонів України в обласних газетах початку 1990-х років // Регіональна історія України. Збірник наукових статей / головний редактор В.

Смолий; відповідальний редактор Я. Верменич. Вип. 12. К.: Інститут історії України НАН України, 2018. С. 33–56.

2. Грицак Я. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. №2. С. 423–454.

3. Абибок Ю. «Донецкие» и Донецк. Часть 1. В поисках себя [Электронный ресурс] // Остров. URL: <http://www.ostro.org/general/society/articles/1092/> (дата обращения: 20.09.2021).

4. Козлов С.В. «Россия – это медведь, объятия которого всегда опасны»: конструирование России в украинских региональных медиа // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. 2014. Т. 13. Вып. 6: Журналистика. С. 34–42.

5. Вишняк А. Региональные модели массового исторического сознания в социологическом измерении // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2016. № 2. С. 54–62.

6. Рогов К. Сценарии недемократического трансфера власти и институциональные траектории постсоветских стран // *Царь горы: Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве / Генри Хейл, Евгений Иванов, Александр Искандарян и др.; под ред. К. Рогова*. М.: Либеральная Миссия, 2019. С. 34–42.

7. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы: национальный, локальный и глобальный контекст // *Философский журнал*. 2010. № 1(4). С. 107–118.

8. Манн М. Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 2(118). С. 3–33.

9. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 560 с.

10. Zon H. van. Political Culture and Neo-Patrimonialism under Leonid Kuchma // *Problems of Post Communism*. 2005. Vol. 52. № 5. September-October. P. 12–22.

11. Общественно-политические настроения населения (23–25 июля 2021) [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» URL: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/obschestvenno-politicheskie_nastroeniya_naseleniya_23-25_iyulya_2021.html (дата обращения: 20.09.2021).

А.М. Бетмакаев
Влияние политики памяти в странах
Вишеградской группы на формирование
региональной идентичности*

15 февраля 2021 г. отмечалось 30-летие подписания в венгерском городе Вишеград президентами Польши, Чехословакии и Венгрии совместной декларации о стремлении интегрироваться в европейские структуры, что стало началом создания Вишеградской группы. В 1993 г. тройка превратилась в четверку после «бархатного развода» Чешской республики и Словакии. Основой сотрудничества в формате V4 (B4) выступают взаимные контакты на разных уровнях и реализация совместных проектов без учреждения институциональной структуры.

Избрание местом старта регионального сотрудничества малоизвестного венгерского города было продиктовано обращением к общей истории четырех наций. В Вишеграде на реке Дунай осенью 1335 года лидеры центральноевропейских королевств провели международную конференцию для разрешения противоречий. Встреча проходила во дворце венгерского короля Карла I с участием чешского короля Иоанна Люксембургского, польского короля Казимира III, других принцев, герцогов и представителей Тевтонского ордена. По мнению венгерского историка Д. Раца, союз трех стран просуществовал более полувека, и Вишеград стал символом сотрудничества в Центральной Европе [1, p. 282]. Таким образом, Вишеградское сотрудничество основано на общей судьбе четырех стран, которые в прошлом входили в состав других государств, но сегодня они живут бок о бок как суверенные демократические государства в пространстве евроатлантического сообщества.

Крах коммунизма в Восточной Европе и объединение Германии в 1990 г. открыли новые перспективы для центрально-европейского региона. Уход СССР из Восточной Европы сопровождался перемещением столицы Германии из Бонна в Берлин, что вызвало в международных кругах опасения по поводу возрождения гегемонистских намерений Германии. На деле Вишеград оказался альянсом без участия ФРГ, члены которого сохранили верность вишеградской идее и, после вступления в Европейский Союз в 2004 г., последовательно защищают общие интересы в Брюсселе. Поэтому оправданно, вслед за специалистами Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН, использовать термин «Вишеградская Европа», в котором заложена и

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

многовековая культурно-историческая традиция региона, и ассоциация с Вишеградской четверкой [2, с. 6].

Говоря о процессе формирования вишеградской идентичности, необходимо исследовать его внутренние и внешние факторы. Целью статьи является определение влияния политики памяти национальных государств на формирование региональной идентичности. В фокусе нашего внимания два кейса — Венгрии и Чешской республики, поскольку они отражают два типа политики памяти в регионе. Как справедливо отмечают видные австрийские дипломаты Э. Брикс и Э. Бузек, после демократизации в регионе столкнулись два подхода к национальной истории — как к инструменту просвещения и как к рычагу создания идентичности этнического государства [3, S. 34].

Венгерский кейс отдает дань национализму, что связано с особенностями политического режима. С приходом к власти в мае 2010 г. правительства Виктора Орбана расширился контроль государства над важными сферами общественной жизни. Формальной точкой начала перехода к нелиберальной демократии стало принятие в 2011 г. Основного закона, который ввел новый порядок, названный «системой национального сотрудничества». Единственным критерием национального самосознания считается «национальная общность», основанная на этнических и кровных узах и реализующая себя в политических идеалах [4, р. 460–461]. Венгерский политолог А. Аг отмечает, что нелиберальные демократии злоупотребляют исторической памятью, используя ее для своей легитимизации и консолидации власти [5, р. 35–36].

В основе политики памяти лежит идея, что венгерская национальная независимость исключительно важна, она была нарушена и теперь должна быть восстановлена и защищена. Венгрия изображается как страна, которая долго страдала от внешнего притеснения, а османы, Габсбурги, Советы и, в конечном счете, Европейский Союз фигурируют в качестве врагов венгров.

Одно из важнейших мест в орбановской политике памяти занимает оценка последствий мирного договора 1920 г. как «травмы Трианона». Подписание Трианонского мирного договора между державами-победительницами в Первой мировой войне и потерпевшей поражение Венгрией стало одним из самых трагических событий в венгерской истории XX в., оставивших след в массовом сознании и политической культуре: почти три четверти территории и две трети населения довоенной Венгрии оказались в составе Румынии и новых Чехословакии и Югославии. Этнические венгры образовали национальные меньшинства в новых странах и лишились общего будущего [6]. В официаль-

ном дискурсе отторгнутые территории назывались оккупированными землями. Памятники, названия улиц и праздничные мероприятия в стране оживляли память об исторической Венгрии и о тяжелом положении венгров, оставшихся за пределами своей страны [7, с. 153–154]. Выступая 6 июня 2020 г. в связи с 100-летием подписания Трианонского договора, Орбан использовал историческую периодизацию, измеряя тысячелетнюю историю страны «трианонами», т.е. периодами испытаний венгерской нации [8, с. 8].

В 2010-е гг. венгерское государство продвигало орбановский исторический нарратив с помощью Института изучения истории смены режима, Института исследования коммунизма, Исторического научно-исследовательского института VERITAS и других учреждений и распространило новый канон в сфере образования [9, р. 225–226]. При этом влияние этих институтов вышло за границы Венгрии и получило поддержку среди венгерского меньшинства, например, в румынской Трансильвании [10, р. 37–38].

Политика памяти в Чешской республике строится на ином основании. Н.В. Коровицына отмечает, что в республике традиционный смысл патриотизма отрицается и становится объектом иронии, а национальная идентичность, приравняемая к национальному шовинизму, часто воспринимается как устаревшая категория. Слабое чувство патриотизма сочетается со слабой национальной идентичностью, что дает основание говорить о денационализации чешской нации [11, с. 187].

В определенной степени этот вывод подтверждают результаты социологических опросов об исторических представлениях населения Чехословакии (Чехии), проводимых с 1946 г. Если в 1989 г., в период «бархатной революции», наиболее значимым в истории нации большинство опрошенных считали основание первой чехословацкой республики в 1918 г., то в опросах 1992 и 2009 гг. первое место заняла эпоха Карла IV, короля Богемии и императора Священной Римской империи во второй половине XIV в. [12, р. 748]. В связи с этим эксперты с осторожностью пишут о том, что для чехов европейская идентичность становится более важной, чем национальная идентичность [13, р. 275–276].

Чешский историк М. Копечек делит «историческую политику» Праги после 1989 года на два временных периода. В первые годы нового порядка «поиски легитимности» влияли на формирование «политики истории». На рубеже веков, когда легитимность политической системы была обеспечена, различные варианты «политики памяти» стали инструментами политической борьбы. Важным аспектом исторической политики были инициативы по созданию специального

учреждения для защиты памяти, что отражало общую тенденцию в посткоммунистической Центрально-Восточной Европе с акцентом на патриотическое гражданское образование. Вдохновленный польскими и словацкими институтами, был учрежден чешский Институт изучения тоталитарных режимов. Одним из направлений деятельности института стала европеизация и интернационализация «памяти коммунизма». Целями международных конференций, организованных институтом, были общественно-политическое признание «памяти о ГУЛАГе» на том же уровне, что и «память о Холокосте», и выработка «единого европейского подхода» [14].

Н.А. Медушевский характеризует политику памяти в Чехии как умеренную, что во многом связано с мягкой трансформацией ее государственности от коммунистического авторитаризма к либеральной демократии. Роль исторической памяти в публичной политике снижается, и она интегрируется в социальную и образовательную политику. Политика памяти более не составляет основу чешского национализма. Она в значительной степени связана с текущими европейскими проблемами, например, с миграционным кризисом [15, с. 30].

Ориентированная на европейские ценности политика памяти в Чешской республике могла бы стать основой для выработки общей политики памяти в Вишеградском регионе. Но, отмечает польский исследователь Б. Бакула, общая история стран Центральной Европы во время Второй мировой войны не определяет общую память (сообщество позитивной памяти), а скорее выявляет отдельную память о конфликтах (сообщество негативной памяти). Центральная Европа разделена не только историей, но и, в большей степени, исторической памятью национальных государств [16, р. 30–31].

По мнению Л.Н. Шишелиной, центральноевропейские историки часто обсуждают судьбу Центральной Европы с ее послевоенными, пост-трианонскими границами и многочисленными травмами [17, с. 142]. Они считают, что история их стран несовместима с основными нарративами, преобладающими на Западе, потому что в истории Центральной Европы были как национал-социалистические, так и коммунистические режимы. Тем не менее, восточноевропейские историки, которые больше всего хотят обсуждать проблему жертвы, чаще всего стремятся объяснить ее как национальную травму. Если зайти слишком далеко, предупреждает британский историк Т. Снайдер, ассоциация нации с жертвой дискредитирует работу историков, особенно когда она маргинализирует других жертв [18, р. 141–142].

Избежать этой опасности попытались исследователи из четырех вишеградских стран в проекте Международного Вишеградского фонда

«Трансрегиональные и национальные перспективы современной истории Центральной Европы». В 2012 г. они провели конференцию под провокационным названием «Мой герой — твой враг», имея в виду, что исторический деятель в одной стране часто вызывает неоднозначную реакцию в соседней стране. Например, соседние страны могут простить чехам кровавые походы гуситов, но личность бывшего президента Чехословакии Э. Бенеша до сих пор вызывает споры. В ходе конференции 2015 г. «Национальные идентичности в Центральной Европе в свете меняющейся европейской геополитики 1918–1948 гг.» ученые стремились выявить связи между историческими событиями и современной политикой идентичности в странах Вишеградской группы [19, p. 9–10].

Осенью 2011 г. Международный Вишеградский фонд провел в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии социологический опрос с целью изучения исторической памяти граждан стран В4. Как и в более ранних опросах 2001 и 2003 гг., были проверены знания важных исторических личностей для каждой из стран (открытый вопрос с просьбой назвать имена выдающихся личностей) и заданы вопросы об оценке конкретных лиц. Результаты опроса показали, что у граждан Вишеградской четверки мало знаний о наиболее важных фигурах в истории стран-соседей независимо от того, оценивали ли они их роль положительно или отрицательно. Исключение составила Польша, поскольку три исторических поляка известны в каждой из четырех стран (папа Иоанн Павел II, Лех Валенса и, в гораздо меньшей степени, Войцех Ярузельский) [20, S. 2–4].

Международный Вишеградский фонд продолжил отслеживать ситуацию с исторической памятью в регионе, проведя в июле–октябре 2015 г. новый опрос. Наименее известной для граждан В4 оказалась история Словакии, которая не представлена известной исторической фигурой. Среди венгерских деятелей респонденты трех других вишеградских стран чаще всего вспоминали Яноша Кадара, руководителя социалистической Венгрии в 1956–1988 гг. Гордость за национальную историю преобладает повсюду, но более выражено среди поляков. Венгры гордятся национальной историей, но глубоко пессимистичны в ее оценке [21, p. 91].

Этот опрос общественного мнения также показал, что самый высокий уровень осведомленности о сотрудничестве в рамках Вишеградской группы имелся в Словакии: 54% словацких респондентов заявили, что слышали о Вишеградской группе (около 37% чехов, 26% венгров и только 17% поляков). По сравнению с 2001 г. в Словакии уровень осведомленности остался практически неизменным, в Венгрии и

Польше он значительно снизился. Вишеградское сотрудничество по-прежнему считали значимым и важным 70% словаков, примерно 50% чехов и 40% венгров и поляков. По мнению респондентов из четырех стран, наиболее важным является торгово-экономическое сотрудничество, за которым следуют сотрудничество в области обороны и безопасности и продвижение общих интересов В4 в Европейском Союзе [22, р. 5].

В заключение отметим, что три десятилетия существования Вишеградской группы — слишком короткий срок и для создания региональной идентичности, и для формирования общей политики памяти, которая в настоящее время отсутствует. Она по-прежнему не включена в планы по развитию вишеградского сотрудничества, как можно узнать из юбилейной декларации, подписанной в Кракове 17 февраля 2021 г. премьер-министрами Чешской Республики, Венгрии, Республики Польша и Словацкой Республики [23]. Усилий же профессиональных исследователей истории вишеградского региона явно недостаточно для формирования региональной исторической памяти, учитывая, что в ряде стран В4 выбор сделан в пользу этногосударственного варианта политики памяти.

Литература

1. Rácz G. The Congress of Visegrád in 1335: Diplomacy and Representation // *The Hungarian Historical Review*. 2013. Vol. 2. №2.
2. Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / ред. Л.Н. Шишелина, М.В. Ведерников. М., 2018.
3. Brix E., Busek E. *Mitteleuropa revisited: Warum Europas Zukunft in Mitteleuropa entschieden wird*. Wien, 2018.
4. Bozóki A. Nationalism and Hegemony: Symbolic Politics and Colonization of Culture // *Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State* / ed. B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest, New York, 2017.
5. Ágh A. Cultural War and Reinventing the Past in Poland and Hungary: the Politics of Historical Memory in East-Central Europe // *Polish Political Science Yearbook*. 2016. Vol. 45. DOI: 10.15804/pps2016003.
6. Аблонци Б. Трианонский мирный договор 1920 года: Факты, легенды, домыслы / пер. с венг. М., СПб., 2020.
7. Зейдлер М. Трианонский мирный договор 1920 года. Взгляд современной венгерской историографии // *Историческая экспертиза*. 2019. Т. 2. №19. DOI: 10.31754/2409-6105-2019-2-133-157.
8. Медушевский Н.А. Политика памяти в современной Венгрии // *Теории и проблемы политических исследований*. 2020. Т. 9. №4А. DOI: 10.34670/AR.2020.84.59.001.

9. Rainer J.M. Discourses of Contemporary History in Hungary after 1989 // *East Central Europe*. 2017. Vol. 44. №2–3. DOI: 10.1163/18763308-04402011.

10. Dăncu V.S. Illiberalism and the Trianon Syndrome: the Orbán Regime and the Support of Ethnic Parallelism in Transylvania // *Transylvanian Review*. 2020. Vol. 19. №3. DOI: 10.33993/TR.2020.3.02.

11. Коровицына Н.В. Современная чешская нация: проблемы идентичности // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. №4. DOI: 10.15211/vestnikieran42018184189.

12. Šubr J., Vinopal J., Vávra M. The Czechs and Their View of History // *European Societies*. 2013. Vol. 15. №5. DOI: 10.1080/14616696.2013.840735.

13. Vlachová K., Řeháková B. Identity of Non-Self-Evident Nation: Czech National Identity after the Break-up of Czechoslovakia and Before Accession to the European Union // *Nations and Nationalism*. 2009. Vol. 15. №2. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2009.00379.x.

14. Kopeček M. The Czech Republic: from Democracy Legitimization to the Politics of Memory // *Journal of Modern European History*. 2010. Vol. 8. №2. DOI: 10.17104/1611-8944_2010_2_141.

15. Медушевский Н.А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // *Теории и проблемы политических исследований*. 2020. Т. 9. №4А. DOI: 10.34670/AR.2020.71.51.002.

16. Vakuła B. 1956, 1968, 1981: the Faces of Central-European Memory: a Postcolonial Perspective // *Porównania*. 2021. Vol. 27. №2. DOI: 10.14746/por.2020.2.2.

17. Шишелина Л.Н. О попытках совместного подхода к истории XX–XXI вв. в Центральной Европе // *Современная Европа*. 2017. №7.

18. Snyder T.S., Vanac I., Kopeček M. [et al.]. Politics of History in Eastern Europe // *Journal of Modern European History*. 2010. Vol. 8. №2. DOI: 10.17104/1611-8944_2010_2_141.

19. *Transregional Versus National Perspectives on Contemporary Central European History: Studies on the Building of Nation-States and Their Cooperation in the 20th and 21st Century* / ed. M. Vít, M.M. Baran. Stuttgart, 2017.

20. Falkowska-Warska M. Die Geschichte aus der Perspektive der Bürger der Visegrád-Staaten — Verklärung der Vergangenheit oder gesellschaftliche Amnesie? // *Polen-Analysen*. 2012. №102. DOI: 10.31205/PA.102.01.

21. Gyárfášová O. Historical Consciousness in the Visegrád Four // *Transregional Versus National Perspectives on Contemporary Central European History* / ed. M. Vít, M.M. Baran. Stuttgart, 2017.

22. Gyárfášová O., Mesežnikov G. Key Findings — 25 Years of the V4 as Seen by the Public // International Visegrad Fund. 2016. URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/other-articles/key-findings25-years-of-160601>

23. Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the Occasion of the 30th Anniversary of the Visegrad Group, Cracow, February 17, 2021. URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/declaration-of-the-prime>.

В.А. Гайкин

***Цзяньдао, Дунбяньдао — территория корейской герильи
в Маньчжурии (1937–1941 гг.)
и память об антияпонской войне в КНДР***

Герилья в Цзяньдао и Дунбяньдао

В 1937 г. под руководством Компартии Китая в Маньчжурии была создана Объединенная Антияпонская армия (ОАА) и сформированы три региональных соединения — Первый, Второй и Третий фронты ОАА, включавшие 14 армий. По китайским (возможно преувеличенных в пропагандистских целях) данным, численность «ОАА» составляла 45 тысяч человек.

Юго-Восточная Маньчжурия (регион, где селились корейские иммигранты) была операционной зоной Первого фронта. Надо сказать, что термин «армия» имел более пропагандистское значение, поскольку в количественном плане армия состояла в лучшем случае из нескольких тысяч человек. В 1937 г. значимые очаги сопротивления сохранились в основном только в горных и лесных районах Северной Маньчжурии, граничащей с СССР, и Юго-Восточной Маньчжурии, возле границы с Кореей — Цзяньдао, Дунбяньдао (Цзяньдао — провинция Маньчжоу-го с преимущественно корейским населением, Дунбяньдао — районы Маньчжурии, примыкающие к пограничной с Кореей р. Ялуцзян, с многочисленным корейским населением). Одним из известных партизанских командиров в этом районе был кореец Ким Сон Хжу, взявший псевдоним Ким Ир Сен. Он официально именовался командиром 6-й дивизии Второй армии. На самом деле отряд (дивизия), которым командовал Ким Ир Сен в разные годы насчитывал от 200 до 500 бойцов.

Для политической работы среди корейского населения Маньчжурии под эгидой компартии Китая в приграничных с Кореей районах в 1936 г. было создано «Общество возрождения отечества» и его отделения в Корее [1, с. 422]. После начала японской агрессии в Китае в

1937 г. перед «Обществом возрождения отечества» была поставлена задача помешать японской армии в Корее поддерживать боевые действия в Китае, членам Общества предлагалось организовывать диверсионные группы из рабочих заводов и железных дорог, совершать акты саботажа [2, с. 611–612]. Из материалов допросов членов «Общества возрождения отечества», арестованных японскими карательными органами, видно, что фактическим руководителем Общества был Ким Ир Сен [2, с. 586–648]. Это подтверждают и авторы японского полицейского издания: «Осенью 1936 г. под непосредственным руководством командира 6-й дивизии Второго фронта ОАА Ким Ир Сена... было создано «Корейское общество возрождения отечества» [3, с. 405].

Южнокорейские историки, пытаясь принизить значение борьбы Ким Ир Сена в Маньчжурии, зачастую (справедливо) отмечают немногочисленность партизан под его руководством. На этой же волне, они незаслуженно снисходительно описывают деятельность «Общества», называя «Общество возрождения отечества» одной из многих мелких патриотических групп, появившихся как грибы после дождя и так же быстро уничтожаемых японской полицией. Это не соответствует действительности. Целью Общества было создание широкого антияпонского фронта всех слоев корейского народа для свержения японского господства. В программе не было пункта о диктатуре пролетариата. Членом общества мог быть «любой, кто согласен с целями ассоциации и желает бороться за реализацию принципов, выраженных в великой программе из 10 пунктов, участвовать в работе ассоциации. Независимо от возраста, занятий, дохода, небольших разногласий» [4, с. 462].

Сферой действия Общества в Маньчжурии был район Дунбяньдао, где организовывались ячейки «Общества» велась антияпонская пропаганда, издавался журнал под названием «Первое марта», в память о народном восстании 1919 г. в Корее. Организация была довольно многочисленной. Это был серьезный опыт создания антияпонской подпольной ассоциации. В январе 1937 г. организационные усилия «Общества возрождения отечества» были направлены в Корею. Крупное отделение «Общества» было создано в г. Капсан и названо «Лигой национального освобождения». «Лига» выпускала журнал «Хвачжонмин», создавала крестьянские антияпонские союзы, молодежные, женские организации. Было организовано более 35 обществ и их отделений [1, с. 422]. Велась работа по вовлечению передовых членов «Лиги» в компартию через корейское отделение Восточно-Маньчжурского комитета КПК.

После начала японской агрессии в Китае в 1937 г. перед «Обществом возрождения отечества» была поставлена задача помешать японской армии в Корее собрать силы для расширения боевых действий в Китае. Для этого предлагалось организовывать диверсионные группы в промышленности, на транспорте, совершать акты саботажа, призывать народ Кореи к антияпонской борьбе. Осенью 1937 г. японские жандармы, напав на след «Общества освобождения отечества», провели серию арестов в уезде Чанпай (Маньчжурия) и в пограничных с Китаем районах Кореи. На маньчжурском берегу р. Ялуцзян в ноябре — декабре было схвачено 700 патриотов. В Корее полиция арестовала 166 подпольщиков [2, с. 7]. Осенью 1937 г. японская полиция доложила о прекращении деятельности «Общества возрождения отечества». То, что «Общество» провалилось, скорее не его вина, а заслуга японской полиции, проникшей во все поры как маньчжурского, так и корейского социального организма.

Основным районом действий отряда Ким Ир Сена (численностью около 300 бойцов) был Дунбяньдао [1, с. 410]. Здесь на склонах горы Байтоушань (корейское название Пектусан) были созданы партизанские базы. Кроме отряда Ким Ир Сена, в Дунбяньдао действовали партизанские отряды Цао Яфана, Чэ Хёна (впоследствии министр обороны КНДР), Ан Ку Чёна, Ван Тэ Тая, Цао Ку Ана, Ман Суна, Ван Фэн Ко, У И Чена [5]. Общая численность бойцов партизанских отрядов Дунбяньдао (большинство из которых были корейцами) составляла к сентябрю 1936 г., по японским оценкам, 5520 человек. Из них в отрядах компартии сражалось 2590 бойцов, отряды националистов насчитывали 1720 человек, численность крестьянских отрядов и хунхузов составляла 1210 человек [6, с. 6].

Сами по себе рейды партизан в Корею не наносили большого ущерба колониальному режиму. Однако тот факт, что по ту сторону границы существуют корейские партизанские отряды, стимулировал антияпонское сопротивление в Корее. Кроме того, Дунбяньдао предстояло стать «Маньчжурским Руром» — районом, где на базе богатых рудных месторождений японцы планировали создать добывающую и металлургическую промышленность. В результате карательных операций численность партизан в Дунбяньдао уменьшилась к январю 1937 г. по сравнению с сентябрем 1936 г. более чем в два раза (до 2595 бойцов). Из них в отрядах под руководством компартии воевало 1340 человек, численность националистических группировок составила 395 человек (уменьшение в 4 раза), «беспартийные» крестьянские отряды и хунхузы насчитывали 860 человек [6, с. 65–66].

Военные операции Ким Ир Сена в Корее сделали его известной фигурой в антияпонском сопротивлении. Японский автор писал: «Я слышал от чиновников корейского генерал-губернаторства о корейских коммунистических бандитах Ким Ир Сене, Цао Ку Ане...» [7, с. 58]. На борьбу с отрядом Ким Ир Сена был брошен специальный карательный отряд, состоявший из корейцев (в большинстве бывших партизан), под командованием полковника Ким Сок Вона (командующий южнокорейской армией в начале корейской войны 1950 г.). В октябре 1937 г. японская часть под командованием генерал-майора Исикава Сигэеси предприняла наступление против Второй армии, куда входила дивизия (отряд) Ким Ир Сена, но была разбита партизанами [8, с. 287].

Трудно было и националистам. «Корейская революционная армия» таяла под ударами карателей. Остатки Армии влились в отряд Ким Ир Сена в 1938 г. В том же году сдались японцам командующий «Корейской революционной армией» Ким Хваль Сок, начальник военного отдела Ким Ту Хва [9, с. 77].

По японским данным, на декабрь 1938 г. в приграничных с Кореей районах Маньчжурии (Цзяньдао, Дунбяньдао) продолжали борьбу 3400 партизан — коммунисты, националисты, крестьянские (беспартийные) отряды. Из них в отрядах компартии сражались 2825 бойцов. По свидетельству японского полицейского издания, в этом районе «главные бандиты — Ян Цзинь Юй и Ким Ир Сен», уничтожение их — «важнейшая цель карательных операций» [10, с. 220]. В отряде Ким Ир Сена насчитывалось около 500 человек [1, с. 225]. Японцы продолжали операции по борьбе с партизанами в Восточной Маньчжурии. С октября 1938 г. по февраль 1939 г. в провинции Тунхуа в боях с карателями погибли 340 партизан, 106 были взяты в плен, 608 сдались. В 1938 г. в этой провинции из 900 партизан 500 были корейцами [11, с. 224–225].

В конце 1940 г. из 4–5 отрядов, действовавших на юго-востоке Маньчжурии, на первое место по значимости японцы ставили отряд Ким Ир Сена. Однако реальной угрозы для японцев ни отряд Ким Ир Сена, ни другие отряды этой зоны в 1940 г. уже не представляли. Партизаны в 1940 г. были чаще всего обороняющейся стороной. Инициативой полностью владели каратели. Основная цель партизан была уже не борьба с японскими оккупантами, а выживание в невероятно трудных условиях. В летне-осенний период партизаны нападали на «стратегические деревни» или на небольшие отряды лесной полиции для пополнения запасов продовольствия, одежды. С наступлением зимы активность инсургентов резко снижалась. Патриоты несли большие потери в боях с преследовавшими их карателями и поэтому старались

избегать кровопролитных столкновений с превосходящими силами противника.

К концу 1940 г. японцам удалось почти полностью подавить вооруженное сопротивление корейских партизан в Маньчжурии (как и китайских). Так, общее количество инсургентов на юго-востоке Маньчжурии, принимавших участие в боях, сократилось в сентябре 1940 г. по сравнению с январем 1940 г. в 11 раз [10]. Осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (основном районе действий корейских партизан) продолжало борьбу не более 400 патриотов (по всей Маньчжурии — 1600 партизан) [3, с. 26]. Для сравнения только полицейских корейцев в Цзяньдао насчитывалось 4013 человек (по всей Маньчжурии 6890 человек), членов отрядов самообороны-корейцев в Цзяньдао — 12376 человек (по всей Маньчжурии 12875 человек) [13, с. 2, 8]. С октября 1939 г. по март 1941 г. в боях в Дунбяньдао погибло 1282 партизана, захвачено в плен 896, сдались 1040 инсургентов [13, с. 293]. После 1940 г. вооруженное антияпонское сопротивление практически сошло на нет.

В начале 1941 г. Ким Ир Сен с остатками своего отряда перешел границу с СССР в районе Хабаровского края, где стал офицером Красной армии, командиром корейской роты в составе китайско-корейского батальона. К 1941 г. в Маньчжурии, по японским оценкам, насчитывалось всего 510 партизан, из них 50% находилось в «ОАА». В 1942 г. остатки «ОАА» перешли на территорию СССР [14, с. 20].

Память о герилье в КНДР

После освобождения Кореи опыт коммунистической деятельности и антияпонской борьбы в Маньчжурии превратился в своеобразные «три источника и три составные части корейской революции». По мнению Ким Ир Сена и его комбатантов, которые правили Северной Кореей четыре десятилетия, именно их антияпонская активность заложила основу корейской революции. После освобождения группа Ким Ир Сена вместе с другими эмигрантскими группами, в том числе Советской и Яньаньской, вернулись в Корею. После окончательного захвата власти в конце 1950-х гг. Ким Ир Сен со товарищи трансформировали опыт Маньчжурской борьбы 1930-х годов в официальную идеологию Чучхе корейского государства (опора на собственные силы).

С тех пор воспоминания о партизанской эпопее в Маньчжурии находятся в центре политической культуры Северной Кореи, оказывая свое влияние на все аспекты экономической, политической и культурной деятельности. Мемуары бывших партизан изучаются в школах, предприятиях, организациях, деревнях и политических структурах

северокорейского государства. Учитывая повсеместное присутствие Маньчжурских реалий (военного времени) в северокорейской политике и культуре, для их понимания нужно знать особенности корейской герильи в Маньчжурии.

Основное внимание в работах северокорейских исследователей уделялось антияпонской борьбе Ким Ир Сена в Маньчжурии. В этих исследованиях нет ни слова о разгроме советскими войсками Квантунской армии и освобождении Кореи. На полном серьезе описываются военные действия корейских партизан под руководством маршала Ким Ир Сена, исключительно своими силами разгромившего японскую армию и избавившего Корею от 40-летнего колониального ига японского империализма [15]. В трудах историков КНДР отрезок его жизненного пути 1941–1945 гг. (пребывание в СССР) отображается весьма оригинально. О его выходе (выдавливании) из Маньчжурии в СССР не говорится ни слова. Разведывательно-диверсионные рейды из СССР в Маньчжурию групп партизан с участием Ким Ир Сена описываются как битвы, которые вел маршал Ким Ир Сен против японских интервентов в Маньчжурии, готовя свою армию к последней операции для освобождения Кореи [15].

Борьба Ким Ир Сена внимательно изучалась историками в Южной Корее, где его претензии определялись как сильно преувеличенные, не соответствующие действительности. В желании опорочить «врага» некоторые южнокорейские исследователи отрицали вообще какое-либо участие Ким Ир Сена в антияпонской герилье, описывая, как якобы сотрудники НКВД, «выдрессировав» корейца из советской диаспоры, привезли его в Пхеньян и представили народу как руководителя корейской герильи в Маньчжурии, что, конечно, не соответствует действительности. Борьба корейских партизан в Маньчжурии была заметным явлением в истории антияпонского сопротивления, временами отвлекала значительные силы японской армии, что пусть в малой степени, но препятствовало реализации агрессивных планов японской военщины против СССР. Закончилась герилья, как и в одноименной повести Фадеева, «Разгромом», что ни в коей мере не умаляет ее значения как феномена вооруженной борьбы корейского народа за свое освобождение и против японской агрессии в Северо-Восточной Азии.

Литература

1. Сайкин ни окэру тэсэн тиан дзэкё 1938 нэн (Общественный порядок в Корее в настоящее время, 1938 г.). Токио, 1966.

2. Тёсэн тодзи сирё (Материалы по истории управления Кореей): в 10 томах. Т. 6. Токио, 1970–1971.
3. Сина оёби Мансю но тиан дзёкё 1941 (Общественный порядок в Китае и Маньчжурии на 1941). Б.м., 1942.
4. Suh Dae-Sook. Document of Korean Communism 1918–1948. Princeton, N.J., 1970.
5. Хокубу тохэндо тайбацу дзёхо (Сообщения о карательных операциях в северной части Дунбяньдао) // Тунхуа. 1936. №78–93; 1937. №1–26.
6. Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу (Сводный доклад о работе по умиротворению северной части Дунбяньдао). Б.м., 1937.
7. Нагаока Титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы). Токио, 1938.
8. Suh Dae-Sook. The Korean Communist Movement 1918-1948. Princeton (N.J.), 1967.
9. Мансюоку кэйсацу гайё (Обзор полиции Маньчжоу-го). Б.м., 1940.
10. Тиан гайкё гаппо (Ежемесячный бюллетень состояния общественного порядка). Б.м., 1940. №1, 2, 3, 4, 7, 9.
11. Scalapino R.A., Chong-sik Lee. Communism in Korea. Pt. 1. Berkley; Los Angeles, 1972.
12. Мансю кокунай бусо дантай тёсахё (Вооруженные формирования в Маньчжурии). Б.м., 1940.
13. Chong-sik L. Revolutionary Struggle in Manchuria. Berkley; Los Angeles, L., 1983.
14. Чжоу Баочжун. Дунбэйды канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи лянцзюнь. Чугао (Антаяпонская партизанская война и Объединенная антаяпонская армия Северо-Восточного Китая. Краткий очерк) // Данши цзыляо. 1954. №9.
15. Современная история Кореи. В 2 т. Т. 2. Пхеньян, 1979.

С.В. Голунов

Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичности и практики

Постсоветское пространство является регионом наибольшей концентрации де-факто (непризнанных) государств, которых в настоящее время насчитывается шесть: Абхазия, Донецкая и Луганская Народные Республики (ДНР и ЛНР), Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) и Южная Осетия. Поскольку суверенитет и границы этих политических образований не защищены международ-

ным правом и жестко оспариваются материнскими государствами¹, их жизнеспособность во многом определяется эффективностью внутреннего суверенитета и способностью мобилизовать ресурсы в его поддержку. Важную роль в данном контексте играет апелляция к патриотизму, в духе которого власти де-факто государств стремятся воспитывать подрастающее поколение.

В чем заключается специфика «официального» патриотизма и патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах? Каким образом в официальном патриотическом дискурсе отражаются проблемы непризнанности?

Настоящая работа основана на систематическом анализе официальных документов и релизов, идентифицированных на сайтах правительств постсоветских де-факто государств. Кроме того, по большей части в качестве анализируемых источников используются посвященные патриотическому воспитанию работы исследователей из постсоветских де-факто государств.

Проблемы концептуализации

Патриотизм является многомерным понятием, допускающим различные интерпретации. При определении его базовых характеристик основной акцент, как правило, делается на эмоциональную составляющую, включая любовь к Родине (вплоть до готовности к самопожертвованию), гордость за нее, уважение к государству, его символам, органам власти и т.п. Ожидается, что типичный патриот должен придерживаться определенных норм поведения и обладать нужными стране знаниями и навыками: разделять традиционные и/или гражданские ценности, изучать историю, культуру и (в ряде случаев) военное дело, хорошо ориентироваться в политической жизни страны.

Мейнстримные подходы к определению содержания патриотизма, доминирующие в официальных дискурсах и практиках, подвергаются серьезной критике (подробнее см.: [1]). Во-первых, патриотический дискурс нередко строится на агрессивном противопоставлении «себя» Другому, в качестве которого могут выступать другие страны или внутренние критики данного дискурса. Это создает предпосылки для роста шовинистических настроений и преследования инакомыслящих. Во-вторых, мейнстримное патриотическое воспитание зачастую избирательно относится к культивируемым им качествам, акцентируя политически удобные (уважение к государству, готовность воевать и т.п.) и отодвигая на второй план менее политически удобные (например, честность, принципиальность и наличие критического мышления)

---

¹ Материнские государства — международно признанные государства, которые ранее контролировали территории соответствующих де-факто государств.

качества. В-третьих, воспитание таких эмоционально обусловленных качеств, как любовь к Родине и уважение входят в некоторое противоречие с формальным характером значительной части патриотических мероприятий. В-четвертых, в таких мероприятиях нередко наблюдается перекокс в сторону военизированного компонента, в результате чего такое воспитание во многом превращается в подготовку к военной службе молодых людей мужского пола. Следует, однако, отметить, что не все концептуальные версии патриотизма явно уязвимы для такого рода критики. Так, ориентированная на воспитание гражданина демократического общества версия вполне может делать акцент на воспитание честности, принципиальности и способности к критическому мышлению, а этически ориентированная версия патриотизма — на приоритете общечеловеческой морали над национальным эгоизмом вплоть до чувства стыда за действия своего государства.

Каким образом дефицит международного признания может отражаться на характере патриотического дискурса? Де-факто государства — это особый вид политических образований, которые фактически являются независимыми (и в ряде случаев даже формально признаются в качестве таковых некоторыми признанными государствами), но при этом их государственность не признается ООН легитимной. Если опираться на классификацию видов суверенитета С. Краснера, то де-факто государства имеют лишь суверенитет внутренний (монополию на использование легитимного насилия на своей территории) и (с оговорками) суверенитет контроля над трансграничными потоками. При этом де-факто государства не обладают юридической независимостью от вышестоящих властей и международно-правовым суверенитетом [2]. Учитывая, что непризнанная международным сообществом государственность основана почти исключительно на внутреннем суверенитете, продвижение патриотизма может рассматриваться как деятельность по укреплению внутреннего суверенитета, а патриотическое воспитание — как важное направление такой деятельности.

Однако дефицит международного признания, малые размеры и ограниченность ресурсов ставят перед де-факто государствами специфические проблемы. Если в крупных государствах с длительной историей и мощным потенциалом идеологам достаточно легко найти поводы для «патриотической гордости», то идеологам из де-факто государств решить эту задачу сложнее. Между тем, отсутствие веских поводов для гордости и уважения способно усугубить проблему эмиграции, связанную не только со сложностью текущих материальных условий, но и с неверием в перспективы своего государственного образования. Болезненность этой проблемы для де-факто государств кос-

венно признается рядом проживающих в них исследователей и практиков, в числе прочего сетующих на желание молодежи получать образование за рубежом с тем, чтобы не возвращаться обратно (см., например: [3]).

Специфической особенностью постсоветских де-факто государств можно считать узость круга непосредственных соседей, который сводится, в первую очередь, к материнским государствам и государствам-патронам. Если первые являются для де-факто государств значимым Другим, на противопоставлении которому строится мобилизационная идеология, то вторые играют роль опоры, без которых само существование де-факто государств оказалось бы под большим вопросом. Вместе с тем, углубляющаяся зависимость де-факто государств от патронов создает реальную перспективу поглощения первых вторыми, что является вызовом самопровозглашенной государственности, требующим осмысления в рамках официального патриотического дискурса.

Идентичности

Важная дилемма патриотического воспитания в постсоветских непризнанных государствах заключается в выборе между опорой на этнокультурную или гражданскую составляющую. В случаях с Абхазией, Южной Осетией и отчасти Нагорным Карабахом патриотизм и основанное на нем воспитание имеют выраженно традиционалистскую этнокультурную специфику (см., например: [4]). Такая специфика включает, помимо прочего, апеллирование к многовековому историческому прошлому титульных этнических групп, следование традиционному кодексу поведения и признание в качестве одного из ключевых ориентиров не только этническую группу и семью, но в ряде случаев и род [4]. На другом полюсе находится приднестровский патриотизм с сильным акцентом на гражданское воспитание и выраженным противопоставлением себя этническому национализму [5]. Те же компоненты несколько менее отчетливо и более формально отражены в концептуальных документах ДНР и ЛНР [6].

Более сложной концептуальной проблемой является гармоничное примирение патриотизма де-факто государства с трансграничной этнокультурной (в частности, общеармянской, общеосетинской или «русским миром») и гражданской идентичностями, которым покровительствует государство-патрон. В данном отношении наиболее автономной представляется национальная идентичность Абхазии, которая практически не конкурирует с трансграничными этническими идентичностями, подразумевающими инкорпорацию в государство-патрон. Вместе с тем большинство граждан Абхазии одновременно являются и гражданами РФ, что, в той или иной мере, влияет на их политическую

идентичность. В остальных случаях трансграничная этнокультурная идентичность в известной мере размывает национальную: нагорно-карабахский патриотизм позиционируется как составная часть общепатриотического, южноосетинский — общепатриотического, патриотизм ДНР, ЛНР и отчасти ПМР — патриотизма «русского мира».

Такая комбинация идентичностей допускает, а иногда и открыто представляет желательным поглощение де-факто государства «патроном». В этом контексте патриотизм де-факто государства нередко позиционируется как гармонично сочетающийся с патриотизмом государства-патрона, как патриотизм переходной стадии на пути к объединению и даже как патриотизм «малой родины» (см., например: [3]). Сопричастность к патриотизму более обширной страны, помимо прочего, дает повод для гордости, создает чувство единства с мощным союзником-покровителем. Однако при этом даже заявляющие о желательности объединения с патроном де-факто государства скептически оценивают реальность инкорпорации в обозримой перспективе и считают длительное сохранение политического статус-кво наиболее реалистичным сценарием. Соответственно, конструированию национальной идентичности в любом случае уделяется значительное внимание.

Наконец, патриотическая идентичность де-факто государств строится на противопоставлении «себя» материнскому государству как враждебному Другому, реинтеграция с которым фактически видится главной угрозой. При важнейшем значении Великой Отечественной войны в политике памяти постсоветских государств, часть оппонентов конструируется как фашисты: речь идет об украинском национализме и молдавском движении за румынизацию. Если в ДНР и ЛНР некоторые патриотические мероприятия позиционируются как антифашистские, то в приднестровских нарративах о Великой Отечественной войне нередко подчеркивается роль румынских войск как оккупанта приднестровской территории, а также пагубная роль прорумынского национализма в Молдавии в развязывании вооруженного конфликта в Приднестровье в начале 1990-х гг. (см., например: [7]). Как известно, приднестровский патриотизм отнюдь не противопоставляет себя «молдавскости», а напротив, в соответствии с популярной в республике идеологией «молдованства» объявляет себя истинным хранителем молдавской идентичности, которой, как заявляется, угрожает поглощение Румынией (см., например: [8]).

Практическое наполнение

Хотя большинство методов и практик патриотического воспитания постсоветских де-факто государств не отличаются выраженным своеобразием, а отчасти и копируют аналогичные методы и практики государств-патронов, все те же дефицит международного признания, ограниченность ресурсов, угроза со стороны материнского государства и частично разделяемая с государством-патроном патриотическая идентичность придают патриотическому воспитанию де-факто государств определенную специфику.

В большинстве постсоветских де-факто государств (менее выражено это в Абхазии) основная часть патриотическо-воспитательной активности осуществляется в рамках целевых программ. В то время как в ДНР и ЛНР такие программы посвящены патриотическому воспитанию в целом, программа ПМР посвящена гражданско-патриотическому, а программа Южной Осетии — духовно нравственному воспитанию.

Одной из ключевых организационных проблем патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах является ограниченность средств на их реализацию, из-за чего данные программы имеют скромные бюджеты и в большом количестве включают в себя мероприятия, финансирующиеся по другим статьям и направлениям (см., например: [9]). Большинство других проблем достаточно типичны для патриотического воспитания вне рассматриваемого контекста. В числе таких проблем можно отметить слабый интерес молодежи к формальным мероприятиям, включение в программы патриотического воспитания имеющих малое к нему отношение мероприятий, слабый контроль за использованием средств, нечеткость критериев оценки эффективности и самые широкие возможности манипулирования ими и т.п. (см., например: [6]).

Во всех постсоветских де-факто государствах практическое наполнение патриотического воспитания имеет сильную военизированную составляющую, поскольку угроза со стороны материнского государства позиционируется властями и, по-видимому, воспринимается властями как реальная. Наиболее сильно эта составляющая выражена в Нагорном Карабахе, где существует должность министра по вопросам военно-патриотического воспитания, молодежи, спорта и туризма. Реализация военно-патриотического компонента включает в себя специальные уроки, военно-спортивные клубы, лагеря, соревнования. Хотя объектом военно-патриотического воспитания в большинстве случаев являются потенциальные призывники мужского пола, в некоторых случаях (например, в Нагорном Карабахе и Абхазии) к участию в со-

ответствующих мероприятиях активно привлекаются и девушки (см., например: [10]).

В патриотическо-воспитательных мероприятиях постсоветских де-факто государств значительное место отводится апелляции к исторической памяти и коммеморации ключевых исторических событий. Часть событий (Великая Отечественная война и война в Афганистане) и символов имеют отношение к общему с государством-патроном советскому прошлому. Другая часть («войны за независимость» 1990-х), значимость которой подкрепляется открываемыми памятниками и создаваемым пантеоном героев де-факто государств, используется в мероприятиях, призванных подчеркнуть полноценность государственности. Как подчеркивалось в предыдущем разделе, эти составляющие относительно гармонично сочетаются друг с другом в официальном дискурсе.

Заключение

Дефицит международного признания оказывает определенное прямое и косвенное влияние на специфику патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах. Неполноценность международного статуса и ограниченность ресурсов в сочетании с неясностью перспектив будущего развития делают более сложным культивирование гордости за свое государственное образование и уважения к его органам власти. Сильнейшее идеологическое влияние государства-патрона и повсеместно распространенные в де-факто государствах практики двойного гражданства создают потенциальный конфликт между ориентированной на государство-патрон патриотической идентичностью и идентичностью самих постсоветских де-факто государств. Тем не менее, последние считают эти проблемы решаемыми и уделяют патриотическому воспитанию заметное внимание как части процесса государственного строительства, делая ставку на программы, приоритеты которых определяются с учетом местной политической, исторической и этнокультурной специфики.

Литература

1. Голунов С.В. Патриотическое воспитание в России: за и против // Вопросы образования. 2012. №3. С. 258–273.
2. Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ, 1999.
3. Боговая О.Ф. Приоритеты в системе гражданско-патриотического воспитания молодого поколения в ДНР // Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения: материалы Международной научно-

практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 г.) / под ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2018. С. 34–37.

4. Анкваб М.Ф. Формирование патриотизма средствами абхазской народной педагогики // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 2. С. 29–32.

5. Идеологическая концепция гражданско-патриотического воспитания в Приднестровской Молдавской Республике на 2020–2026 годы. URL: <http://gov-pmr.org/content/documents/2020/20.pdf>

6. Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 гг. URL: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf>; Государственная целевая программа «Патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганской Народной Республики на 2016–2020 годы». URL: <https://sovminlr.ru/akt/29.12.2016/723.pdf>

7. Премьер: иммунитет к национализму нужно укреплять через патриотическое воспитание молодежи // Приднестровская Молдавская Республика. Официальный сайт Правительства. 19.06.2018. URL: <http://gov-pmr.org/item/12197>

8. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Issue 3. P. 288–302.

9. Дзгоева Р. О проекте программы духовно-нравственного воспитания. Необходимые направления в соседстве с несурзацими // Газета «Республика». 22.03.2020. URL: <http://respublikarso.org/analytics/3003-o-proekte-programmy-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-neobhodimye-napravleniya-v-sosedstve-s-nesurazicami.html>

10. Итоги XV юбилейной Республиканской военно-спортивной игры «Аиааира» 2019 // Sputnik Абхазия. 26.10.2019. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191026/1028691508/Obschiy-sborvoenno-sportivnaya-igra-Aiaaira-proydet-v-Abkhazii.html>

А.С. Давидчук **Этноплеменные противоречия на юге Ливии** **как фактор региональной нестабильности**

Текущая обстановка в Ливии является источником нестабильности для всей Северной Африки. Де-факто ни одна из борющихся за политическую власть в Ливии группировок не контролирует всю территорию страны, что угрожает ее территориальной целостности. Большую

роль в этом процессе играет фактор внешнего вмешательства во внутренние дела Ливии соседей по региону (Египта, ОАЭ, Турции) и государств ЕС (в первую очередь, Франции и Италии), поддержка ими различных участников конфликта, что отдаляет перспективы мирного урегулирования. Так, политологи (Wolfram L., Herráez P.) считают события в стране не просто межплеменной гражданской войной, а прямым следствием вмешательства внешних акторов во внутренние дела государства [1]. В условиях продолжающейся войны и фактической дезинтеграции Ливии основными участниками военно-политических процессов становятся этноплеменные группы (в стране их более 140), и поэтому актуально то, какова этническая и региональная база поддержки противоборствующих сторон в ливийском конфликте [2, р. 7].

При анализе этноплеменного аспекта текущего ливийского кризиса особый интерес представляет южная часть Ливии, Феццан — более бедный на ресурсы, чем север, пустынный регион с населением из смеси арабских и берберских кочевых племен и негроидных этнических групп (тубу). Пока на севере страны ведется наиболее ожесточенная борьба между двумя основными силами, претендующими на власть в стране — Правительством национального согласия (ПНС) и Палатой Представителей, контролирующей Ливийскую национальную армию (ЛНА), театр боевых действий в Феццане является для обеих структур периферийным и осложненным локальной борьбой между союзными им племенами, способной, однако, существенно повлиять на исход ливийской гражданской войны и интересы других государств. Феццан обладает выгодным стратегическим положением, позволяющим контролировать ключевые оазисы на транссахарских маршрутах в Черную Африку. Установление контроля над ним дает серьезное преимущество сторонам ливийского конфликта, позволяя обеспечивать безопасность флангов во время боевых действий на средиземноморском побережье, регулировать маршруты притока в страну наемников и добровольцев из Судана, Чада, Нигера и Мали, поставки оружия и контрабанду. Возможность же контролировать регион напрямую зависит от отношений с местными племенными структурами. В настоящей статье рассмотрены этноплеменные противоречия именно в Феццане (преимущественно с участием неарабских племен) как один из ключевых факторов, определяющих общий ход ливийского конфликта и военно-политическую ситуацию в странах Сахаро-Сахельского региона в целом.

Феццан традиционно обособлен от остальных регионов Ливии, населен почти полностью кочевыми племенами (тубу, туарегами, малочисленными арабскими и берберскими группами), постоянно пере-

секающими номинальные государственные границы в ходе сезонных миграций. Феццан был экономически более отсталым, чем север Ливии, слабо вовлеченным в политическую жизнь страны и борьбу за власть. Это порождало столкновение интересов его жителей с племенами Триполитании и Киренаики: южные племена воспринимали свою бедность как результат политики элит побережья, жаловались на притеснения, нехватку в Феццане социальной инфраструктуры и даже на насильственное лишение ливийского гражданства [3].

Традиционным занятием кочевников юга Ливии было скотоводство, поэтому населяющие регион племена боролись между собой за доступ к пастбищам, сокращающимся из-за наступления пустыни, и ограниченным водным запасам. Шла борьба и за контроль над торговыми путями: многие племена жили за счет обслуживания торговых караванов с солью. Транссахарская торговля до сих пор очень важна, основным товаром теперь является оружие, полученное с государственных складов в ходе начавшейся в 2011 г. гражданской войны, а также топливо (нефть), алкоголь и наркотики. Серьезный конфликт за контроль над ней возник между арабами и тубу, для которых обслуживание караванов — основной способ экономического выживания [4, р. 24].

На этноплеменной карте Феццана важная роль отведена туарегам — берберской кочевой народности Сахары. В Ливии их численность увеличилась после засухи в Сахеле (преимущественно в Мали) в 1970-х гг., поставившей кочевые племена скотоводов на грань вымирания. Туареги стали мигрировать оттуда в управляемую М. Каддафи Ливию, где было возможно найти работу (в первую очередь в сфере нефтедобычи). Часть из них затем пополнила ряды ливийских вооруженных сил в составе обособленного Исламского легиона, комплектовавшегося в основном молодыми туарегами и выполняющего самые сложные задачи. Наиболее активно это подразделение было задействовано в ходе вмешательства Ливии в чадский конфликт 1978–1987 гг. [5, р. 45]. После поражения Ливии в этом конфликте легион был распущен, часть туарегов вернулась на родину, другие остались в стране и продолжили службу вплоть до 2011 г. Опытные бойцы, получившие доступ к оружию с ливийских складов после свержения благоприятствующего им режима Каддафи, вернулись в Мали и Нигер и начали там вооруженную борьбу с целью создания собственного независимого национального государства. Так с 2011 г. Ливия стала источником напряженности в Северной Африке, Сахеле и Средиземноморье [6, с. 80].

Таким образом, роль туарегов в формировании этноплеменного аспекта ливийского кризиса весьма значима. По мнению А.З. Егорина, Каддафи удалось получить их поддержку благодаря взаимовыгодному сотрудничеству: государство помогало туарегам, строило больницы, школы, водопроводы в зоне их кочевий на юго-западе Ливии [7, с. 57]. Взамен туареги проявляли максимальную лояльность к режиму, связь с которым предопределила их проблемы в Ливии после свержения М. Каддафи — с потерей влиятельного покровителя им понадобилось искать новых партнеров и союзников.

Отношения режима Каддафи с тубу, другой крупной народностью Феццана и сопредельных государств Сахеля, развивались менее благоприятно. Напряженность возникла еще во время ливийско-чадского конфликта в 1980-е гг., когда Ливия попыталась аннексировать полосу Аузу, населенную преимущественно тубу [8, р. 30]. Их сопротивление интервенции вызвало встречное недоверие к ним со стороны ливийских властей.

В результате положение ливийских тубу после чадской войны существенно ухудшилось. Каддафи резко сократил контроль тубу над основными маршрутами транссахарской торговли (основным источником их дохода), что обострило борьбу за нее с соседними приграничными племенами. Тубу притеснялись как арабскими племенами (в частности, ауляд сулейман и варфалла, а также зувайя, контролирующими стратегически важный оазис Куфра на пути в Судан), так и туарегами, исторически обращавшими тубу в рабство [9, с. 41; 10]. Тубу обвиняли власти в насильственной арабизации (трактуя таким образом политику Каддафи по созданию единого ливийского народа), в притеснении «коренного населения» региона и попытках выселить их в соседний Чад [11, с. 121; 12]. В итоге рост антиправительственных настроений привел к созданию Фронта тубу за спасение Ливии и восстанию 2008 г., жестоко подавленному властями [13, р. 23]. Впоследствии тубу поддержали антиправительственный мятеж в 2011 г. и свержение режима Каддафи.

Несмотря на положения гл. 2 Конституции 2011 г. о гарантиях прав и свобод граждан, фактического признания прав этноса не произошло [14]. Тубу остались этноплеменным меньшинством на периферии политической жизни новой Ливии и продолжили бороться за выживание в окружении враждебных арабских племен. В ходе обострившегося в 2012 г. конфликта с арабским племенем зувайя один из племенных лидеров тубу И. Мансур заявил о негласной поддержке новыми властями арабских племен и желании превратить конфликт в расовый, направленный против чернокожих африканцев [9, с. 40].

Большая часть тубу мигрировала в Чад, но сохраняет значительное военное присутствие в Феццане. Поэтому ущемленное положение тубу является еще одним фактором внутривнутриполитической напряженности на юге Ливии. Также конфликты тубу со своим окружением способствуют дестабилизации на северо-востоке Африки, особенно в Чаде.

Племенной фактор, важный для понимания военно-политической ситуации в современной Ливии, отчетливо проявился в ходе свержения М. Каддафи. Сложная этноплеменная ситуация в Феццане отразилась на выборе сторон в начавшейся гражданской войне. После бомбардировки оазиса Эль-Араниб силами НАТО по итогам принятия резолюций СБ ООН №1970 и №1973 большая часть вождей арабских и туарегских племен Феццана приняла сторону Каддафи [15; 16].

После свержения М. Каддафи сформировалось несколько полюсов силы из числа лидеров победившей оппозиции, претендовавших на власть в стране и способствовавших дальнейшему разобщению ливийского общества, в том числе по этническому и племенному признаку. На настоящий момент основными являются ПНС в Триполи (появившееся в результате Схиратских соглашений 2015 г. и ориентированное на сотрудничество с Италией, Катаром, Турцией и НАТО) и правительство в Тобруке (отказавшееся признавать легитимность ПНС), представленное ЛНА [17; 18].

Племена тубу изначально поддержали Хафтару, официально выступившего против террористических группировок, в первую очередь ИГ (запрещенного в РФ). Ислам не слишком сильно укоренен среди тубу, ассоциируясь с арабскими племенами-притеснителями. Однако в 2018–2019 гг. Хафтар установил более тесные отношения с аулад сулейман и туарегами, что подтолкнуло тубу на сторону ПНС. Тубу конфликтуют и в рамках своего этноса — так, на данный момент тубу в Куфре сотрудничают с Хафтаром, в то время как тубу в районе Себхи воюют с ЛНА.

Таким образом, лояльность племен той или иной стороне конфликта не является безусловной и остается предметом торга, а также зависит от характера отношений претендентов на власть в Ливии с их локальными соперниками. При этом и берберские, и негроидные племена Феццана стремятся к собственной автономии в формате федерации с минимальной зависимостью от центральной власти либо в качестве независимого государства [19, с. 94]. Итак, в связи со слабым контролем ситуации на юге войсками ПНС и ЛНА, а также из-за недостаточной лояльности их локальных союзников ситуация в Феццане остается крайне нестабильной.

На фоне общеливийского кризиса очевидно влияние межплеменного конфликта в Фецане на ситуацию в соседних государствах (Мали, Нигере, Судане и Чаде) и его содействие эскалации нестабильности в других странах Северной Африки и Сахеля. Так, напряженность на севере Мали, где туареги с 2012 г. ведут борьбу за построение независимого государства Азавад, частично спровоцирована притоком оружия, вывезенного после 2011 г. с ливийских складов [20, р. 38; 21, р. 55].

В отношениях Ливии с Чадом особое место занимает политика в отношении тубу. После ливийско-чадского конфликта за полосу Аузу отношения между тубу этих стран были напряженными. Тем не менее актуальна опасность сепаратизма тубу, затрагивающая Нигер, Чад и Ливию, что представляет проблему для всех региональных игроков. В 2019 г. с территории ливийских тубу чадской оппозицией была принята неудавшаяся попытка атаки Нджамены с целью свержения президента Идриса Деби Итно. Это стало поводом для закрытия границы с Ливией для предотвращения проникновения боевиков, в первую очередь, с территории Фецана [22]. В настоящее время Хафтар и Деби при поддержке Франции координируют совместную борьбу с тубу, что привело к конфликту чадского режима с ПНС. Так вызванная событиями в Ливии нестабильность в регионе деструктивно влияет на Чад.

В фецанские события оказался вовлечен и Судан [23]. В 2019 г. для поддержки ЛНА из Судана прибыли 1000 солдат ополчения Джанджавид, однако границу также пересекают дарфурские наемники, сражающиеся на стороне ПНС¹ [24]. Таким образом, события в Ливии и особенно в Фецане напрямую связаны с внутрисуданским конфликтом.

В целом, необходимо отметить влияние этноплеменного фактора, особенно в Фецане, на развитие гражданской войны в Ливии и ее взаимоотношения с соседними странами. Весомая роль кочевых туарегов и тубу, традиционно противостоящих арабским соседям и друг другу: они тесно связаны с соплеменниками из других стран — туарегами из Мали, Алжира, Буркина-Фасо, тубу из Чада и Нигера. При слабой государственности во всех этих странах рост значимости тубу и туарегов как самостоятельных участников ливийского кризиса способствует региональному развитию центробежных сил в Сахеле, усилению сепаратизма.

---

¹ В феврале 2019 г. суданского президента Омара аль-Башира свергли военные, поддерживаемые ОАЭ и Египтом и в силу этого настроенные в пользу Хафтара, что поспособствовало проспонсированной ОАЭ переброске джанджавидов на помощь ЛНА.

ратистских идей и повышению политической нестабильности, вплоть до гражданских войн и восстаний по примеру Мали в 2012 г.

Процесс сопровождается контрабандой оружия, столкновениями с враждебными племенами и дальнейшей дестабилизацией и так напряженной обстановки. Продолжается борьба за контроль над транссахарскими торговыми путями и маршрутами контрабанды, что негативно отражается на безопасности региона.

Хотя межплеменная борьба в Феццане не оказывает решающего влияния на развитие событий в прибрежных территориях, она требует учета при анализе ливийского кризиса и отношений его участников с внешними силами, в первую очередь, с соседними государствами, а также региональных процессов в сфере безопасности. Исторически феццанские племена и этнические группы существовали в значительной степени автономно от центральных ливийских властей, однако сейчас их присоединение к тому или иному политическому центру борьбы стратегически важно для сталкивающихся полюсов власти и способно кардинально повлиять на развитие ливийского конфликта и его урегулирование.

Межэтнические и межплеменные проблемы Феццана становятся одним из ключевых факторов, определяющих отношения ПНС и ЛНА с соседями по региону, в первую очередь, с Чадом и Суданом. Таким образом, конфликты туарегов, тубу и арабских племен, слабо поддающиеся регулированию из Триполи и Тобрука и остающиеся на периферии ливийского конфликта, могут серьезно влиять на внутрививийский и общерегиональный баланс сил, определяя будущее Сахаро-Сахельского региона.

Литература

1. Wolfram L. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy. 2011. Vol. 18. №4. URL: <https://mepc.org/families-tribes-and-cities-libyan-revolution>

2. Herráez P. Libia: ¿El modelo de conflicto del siglo XXI? // Instituto Español de Estudios Estratégicos. Documento de Análisis. 2019.

3. Summary Prepared by the Office of the High Commissioner for Human Rights in Accordance with Paragraph 15 (c) of the Annex to Human Rights Council Resolution 5/1. Libyan Arab Jamahiriya. URL: https://lib.ohchr.org/HRBodies/UPR/Documents/Session9/LY/A_HRC_WG.6_9_LBY_3_Libya.pdf

4. Ben Lamma M. La structure tribale en Libye: facteur de fragmentation ou de cohésion? // Fondation pour la recherche stratégique. Observatoire du Monde arabo-musulman et du Sahel. 2017.

5. Prunier G. Darfur: The Ambiguous Genocide. Ithaca; N.Y., 2005.
6. Труевцев К. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // Россия и мусульманский мир. 2017. №4 (298). С. 80–99.
7. Егорин А.З. Каддафи. Хроника убийства. М., 2013.
8. Vuijtenhuijs P. Guerre de guérilla et révolution en Afrique noire: les leçons du Tchad // Politique Africaine. 1981. Vol. 1. P. 23–33.
9. Зинин Ю.Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране // Вестник МГИМО. 2013. №2 (29). С. 38–41.
10. Цуканов Л. «Большая игра» ливийских туарегов. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/bolshaya-igra-liviyskikh-tuaregov->
11. Погорельская С.В. Страны Евросоюза в Ливии: опыт военного вмешательства // Актуальные проблемы Европы. 2013. №3. С. 119–134.
12. Touaregs contre Toubous: la guerre oubliée du Sud libyen. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/267994/politique/touaregs-contre-toubous-la-guerre-oubliee-du-sud-libyen>
13. Perilous Desert: Insecurity in the Sahara / Eds: F. Wehrey and A. Boukhars. Washington, 2013.
14. Libya's Constitution of 2011. URL: http://constitution-net.org/sites/default/files/libya_libyan_interim_constitutional_declaration_2011-present.pdf
15. Резолюция Совета Безопасности ООН №1970 от 26 февраля 2011 г. URL: [https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1970\(2011\)&Lang=R](https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1970(2011)&Lang=R)
16. Резолюция Совета Безопасности ООН №1973 от 17 марта 2011 г. URL: [https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973\(2011\)&Lang=R](https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973(2011)&Lang=R)
17. Minister for Foreign Affairs Mohamed Siala Addresses General Debate, 73rd Session. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p-ZCdV1tHgg>
18. Why Is Libya So Lawless? URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-24472322>
19. Турьинская Х. Ливия. Возможен ли возврат к федерализму? // Россия и мусульманский мир. 2016. №3 (285). С. 86–100.
20. Bourrat F. L'impact de la crise libyenne sur les autres pays du Maghreb. // Réflexions sur la crise libyenne / Sous la direction de Pierre Razoux. Paris. 2013. Vol. 27. P. 38–42.

21. Delmonte L.M. El conflicto en Libia y su impacto sobre la crisis en Malí. La interconexión militar // Alter Enfoques Críticos. 2013. Año IV. Vol. 7. P. 49–69.

22. Chad Shuts Down Border with Libya, Citing Security Concerns. URL: <https://www.libyanexpress.com/chad-shuts-down-border-with-libya-citing-security-concerns>

23. Sudan Closes Border with Libya over “Security and Economic Dangers”. URL: <https://www.libyanexpress.com/sudan-closes-border-with-libya-over-security-and-economic-dangers>

24. 1,000 Sudanese Militiamen Arrive in Libya. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/1-000-sudanese-militiamen-arrive-in-libya>

В.Е. Дергачева

Мемориал Р. Андерсону в Гринвилле (к вопросу о соотношении национальной и региональной «монументальной» политики в США)

Развернувшаяся недавно «война памятников» в США является наглядной демонстрацией того, как в современных реалиях «монументальная» политика становится все более значимой составляющей идеологического и политического противостояния. В своей работе «Политика памяти как область символической политики» О.Ю. Малинова дает такое определение рассматриваемому концепту: «Монументальная» политика заключается в установке и демонтаже памятников, переименовании улиц и площадей, архитектурных решениях, которые вносят новую смысловую логику в уже сложившиеся пространства. Подобные действия существенным образом меняют культурную инфраструктуру коллективной памяти, поскольку они имеют относительно долговременные последствия» [1, с. 285–312]. «Монументальная» политика памяти, ее дефиниции, инструменты и место в общем концепте символической политики рассматриваются в работах таких отечественных исследователей, как В.А. Ачкасов [2], В.Н. Ефремова [3], О.Ю. Малинова [1], А.С. Святославский [4] и таких зарубежных исследователей, как А. Ассман [5], Дж. Джонсон [6], Т. Клак [7], М. Липман [8], И. Мур [9] и др.

В каждой стране и культуре есть своя специфика «облачения истории в бронзу». Памятник Р. Андерсону в Гринвилле, о котором пойдет речь в данном исследовании, является примером региональной специфики рассматриваемой политики. В качестве объекта национальной «монументальной» политики может выступать любой мемориал, нахо-

дящийся в крупном городе или столице США и посвященный одному из ключевых моментов американской истории. В контексте рассматриваемого периода этим объектом национальной «монументальной» политики может выступать, например, Мемориал ветеранов Корейской войны в Вашингтоне.

Ключевые задачи исследования: выявить общее и частное в контексте «монументальной» политики на двух уровнях мемориализации (национальном и региональном) и определить, какие тенденции способствовали появлению отличительных особенностей на каждом из рассматриваемых уровней.

Говоря о специфике американской «монументальной» политики, следует тезисно упомянуть, как формировалась американская культура мемориализации событий и героев в рассматриваемом контексте.

На современную американскую «монументальную» политику и культуру возведения мемориалов своим героям оказала влияние европейская традиция, приобщение к которой происходило, в частности, в жанре портретного бюста. Именно французский скульптор Жан-Антуан Гудон в январе 1796 года создал мраморную статую для памятника Джорджу Вашингтону в Ричмонде по проекту французского архитектора Шарля-Луи Клериссо [10].

Память о событиях и людях в американской монументальной традиции увековечивается разными способами: мемориалы, монументы, мемориальные доски и надгробия, «живые мемориалы», то есть объекты городской среды и инфраструктуры, названные в честь определенных событий или людей.

После Войны за независимость (1775–1783 гг.), по итогам которой возникло новое независимое государство США, американцы, пережившие все тяготы войны, не торопились возводить в память о ней мемориалы, за исключением нескольких штатов. В книге «Вспоминая войну: Американская традиция» автор утверждает, что в то время в европейской традиции памятниками увековечивались в основном имена генералов и офицеров, а в США роль рядового солдата в победе была не менее важна, чем роль генерала [11].

После Гражданской войны (1861–1865 гг.) мемориализация событий и героев имела диаметрально противоположную специфику на Севере и на Юге по вполне понятным причинам. Каждая сторона пыталась закрепить в коллективной памяти будущих поколений американцев свое видение событий и увековечить своих героев с помощью различных коммеморативных практик, что по итогу и стало в дальнейшем причиной конфликтов и разногласий в американском обществе относительно монументального наследия Гражданской войны.

Однако именно после данного конфликта появляются первые специальные военные кладбища для солдат и офицеров. Эдвард Линентал в своей работе отмечает, что впервые в истории США появились индивидуальные надгробия на кладбищах для погибших солдат. Ранее их захоронение происходило в братских могилах [12].

Первая мировая война во многом дала толчок более интенсивному возведению памятников и мемориалов. По различным оценкам, монументальных объектов было возведено больше, чем было погибших в данной войне. В отличие от европейской монументальной культуры данного периода в США было принято возводить памятники как военным, так и гражданским лицам.

США были одной из первых стран в мире, где появилась Могила Неизвестного Солдата, располагается она на Арлингтонском кладбище. В 1921 г. произошло первое захоронение неизвестного солдата, погибшего в Первой мировой войне. Позднее там были захоронены останки неизвестных солдат, погибших во Второй мировой, Корейской и Вьетнамской войнах [13].

Монументы периода Второй мировой войны по большей части представляют собой мемориальные плиты и стелы, на которых перечислены имена погибших солдат. Также коммеморативные практики данного периода заключались в увековечивании памяти посредством создания именных школ, зданий, общественных и культурных центров или присвоения имен погибших уже существующим объектам инфраструктуры.

На американскую «монументальную» политику на протяжении всей истории суверенного существования оказывают влияние различные факторы исторического, идеологического и социального характера. В истории США одна из главных «ролей» всегда отводилась рядовому американцу, солдату, гражданину. Именно поэтому в американской «монументальной» традиции мемориализация рядовых военнослужащих начала практиковаться раньше, чем, например, в европейской традиции. Форма государственного устройства США, которая наделила штаты большим объемом полномочий и суверенитета, повлияла на то, что на уровне страны и штата «монументальная» политика имеет свои специфические черты.

Во время «холодной войны» произошло немало региональных конфликтов, которые при участии в них двух сверхдержав приобретали глобальный характер. Большое количество памятников посвящено отдельным конфликтам «холодной войны»: Корейская война, Вьетнамская война, Карибский кризис, Афганская война и др. Довольно много памятников данного периода посвящено ветеранам боевых дей-

ствий. Самые знаменитые и почитаемые из них находятся в крупных городах и столице США. Данные монументальные объекты довольно внушительны, образуют целые мемориальные комплексы и парки. Например, Мемориал ветеранов Вьетнама и Мемориал ветеранов Корейской войны в Вашингтоне. Данные объекты находятся в «сердце» США, имеют большую национальную, культурную и коммеморативную значимость. Они пользуются большой популярностью и уважением среди местного населения и находятся почти во всех путеводителях для иностранных туристов как достопримечательности, обязательные для посещения в Вашингтоне.

Многие рядовые военнослужащие периода «холодной войны», проявившие себя в ключевые или критические моменты какого-либо конфликта, становились в определенном смысле национальными героями наряду с видными политиками и генералами. Одной из таких личностей стал майор Рудольф Андерсон — пилот ВВС США и первый человек, получивший посмертно Крест ВВС США по приказу президента Кеннеди. Он служил во время Корейской войны в качестве пилота-разведчика, стал единственной боевой жертвой Карибского кризиса 27 октября 1962 года в «Черную субботу», когда его разведывательный самолет U-2 был сбит над Кубой [14]. Генеральный секретарь ООН У Тан 31 октября после встречи с Ф. Кастро объявил, что Р. Андерсон мертв и власти Кубы согласны вернуть его тело на родину [15].

Смерть Рудольфа Андерсона подвела весь мир к грани полномасштабной ядерной войны между сверхдержавами. Человечество осознало тогда всю опасность возможных последствий, если бы США и СССР обменялись ядерными ударами.

Так как Рудольф Андерсон стал одной из ключевых фигур пикового момента Карибского кризиса, а его гибель сыграла не последнюю роль на пути к деэскалации данного конфликта, различные региональные газеты США подробно освещали все события, связанные с его именем. Так, в одной из ежедневных газет штата Вашингтон «The Spokesman-Review» 1 ноября вышла статья под заголовком «U2 Pilot Is Dead», в которой рассказывается о встрече Генсека ООН У Тана и Фиделя Кастро, по итогам которой кубинское правительство согласилось отдать тело Р. Андерсона, которое будет возвращено на родину, где у него остались жена и двое сыновей [15]. Больше всего информации о гибели Р. Андерсона, возвращении его тела на родину, захоронении и увековечивании его памяти содержали статьи региональной газеты штата Северная Каролина «Wilmington Morning Star». В статье от 6 ноября под названием «Final rites» рассказывается о том, что тело май-

ора Андерсона было доставлено на родину в Гринвилл, где в этот день будут проходить похороны и ритуальные мероприятия [16].

Переходя к специфике мемориализации фигуры Рудольфа Андерсона, следует сказать, что хоть он и был представлен как своего рода национальный герой в контексте событий Карибского кризиса, память о нем в масштабе целой страны со временем «слилась» с памятью о других таких же военнослужащих, которые погибли в периоды различных конфликтов. Как правило, персонифицированные мемориальные мероприятия в отношении конкретных военнослужащих, погибших при исполнении, имеют региональную специфику и сохраняют свою традицию на протяжении долгого времени лишь на их малой родине. Так произошло и с Р. Андерсоном.

6 ноября тело майора Андерсона было захоронено в мемориальном парке Вудлон, который находится в его родном городе Гринвилл (Южная Каролина). Дизайн американских кладбищ, в особенности региональных, характеризуется некоторой аскетичностью, в большинстве своем на них нет громоздких монументов, оградок или лавочек. Могилы представляют собой гранитные плиты, которые расположены на хорошо проветриваемой территории. Могила Р. Андерсону соответствует вышеназванным характеристикам. Она представляет собой гранитную плиту с крестом, на ней золотистыми буквами указаны следующие данные: имя, годы жизни и военные конфликты, в которых он принимал участие: Корейская война и Карибский кризис. Также рядом с могилой на флагштоке находится американский флаг небольшого размера [14].

Для увековечивания памяти летчика самолет во многих случаях является неотъемлемой частью монументального объекта. В Кливленд парке (Гринвилл, Южная Каролина) в 1963 году появился памятник в честь Рудольфа Андерсона. Во время установки мемориала не было подходящего самолета U-2, поэтому вместо него основу монументальной композиции составил самолет F-86 «Сейбр», на котором Андерсон летал во время Корейской войны [17]. Некоторые обломки самолета U-2 находятся в музеях Кубы.

На региональном уровне «монументальной» политики большую роль играют институты гражданского общества, которые выступают с инициативами возведения или реконструкции памятников с целью мемориализации заслуг своих земляков. Так, в 50-ю годовщину смерти Рудольфа Андерсона при поддержке Университета Фурмана и Исторического музея Гринвилла посвященный ему мемориал был обновлен. Тринадцать гранитных плит, выстроенных вокруг истребителя F-86 «Сейбр», символизируют 13 дней Карибского кризиса и описывают

детство, выдающуюся военную карьеру Р. Андерсона и его гибель, связанную с мирным урегулированием Карибского кризиса [18].

Кроме установки памятников и мемориалов монументальная политика включает в себя такую форму мемориализации как присвоение имен погибших различным объектам социальной инфраструктуры. Например, имя Р. Андерсона носит Эскадрилья майора Рудольфа Андерсона младшего из «Арнольд Эйр Сообщества» в университете Клемсона, который он окончил в 1948 году [19]. Для увековечивания памяти военнослужащих характерно называть в их честь объекты стратегического значения и устанавливать на территории последних мемориальные таблички. Так, здание 47-й оперативной группы на авиабазе Лафлин (штат Техас) было переименовано в «Андерсон Холл» в 2001 году.

Следует отметить, что в контексте «монументальной» политики США проявляется тенденция так называемой «американской исключительности». США, будучи довольно молодым государством, пытаются доказать, что они занимают особое место в истории и среди других народов. Эта страна, не имеющая такого богатого исторического наследия, как государства Старого Света, пытается «догнать» их в данном контексте. Отсюда и большое количество «облаченных в бронзу» героев на всех уровнях «монументальной» политики. По итогам некоторых конфликтов число различных мемориалов и памятников превышает число погибших.

На двух рассматриваемых уровнях «монументальной» политики США (национальном и региональном) такие характеристики, как объект и масштаб, носят разноплановый характер. Региональные памятники, посвященные военнослужащим, чаще чем национальные являются персонифицированными, то есть объектом мемориализации выступает конкретная фигура, а не собирательный образ солдата. Монументы в регионах в большинстве своем выполнены в сдержанном стиле, чтобы не выбиваться из городской архитектуры, чего нельзя сказать о «столичных» памятниках. Чаще всего мемориалы в столице и крупных городах США находятся там по причине статуса увековеченных личностей, а мемориалы в провинциальных городах штатов находятся там по причине причастности увековеченной фигуры к данному месту: родился, учился, проживал. Памятники и мемориалы, находящиеся в Вашингтоне, являются частью величественного столичного архитектурного ансамбля. По этой причине они спроектированы очень оригинально и выглядят очень масштабно. Также в столице и крупных городах большинство памятников посвящено ключевым фигурам американской истории, например президентам США. Региональные ме-

мемориалы выполнены в сдержанном стиле и также являются частью архитектурного ансамбля, только «уютно-провинциального». Их возводят, чтобы увековечить память о герое-земляке и с целью патриотического воспитания. Такие мемориалы, как и во многих других странах, воспринимаются как символ гордости и используются для формирования региональной идентичности посредством сопричастности к кому-то или чему-то «великому».

Литература

1. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. С. 285–312.
2. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, №4(69). С. 106–123.
3. Ефремова В.Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 50–65.
4. Святославский А.В. Памятники в исторической коммуникации (на материале мемориальных сооружений и памяти установлений Москвы второй половины XIX — начала XX в.) // Историческая память в военных монументах: историографический обзор / В.А. Рубин, Е.А. Фомина. Вып. 16. М., 1997. С. 199–211.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
6. Johnson J.E. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // Post-Soviet Affairs. 2013. №27(3). P. 269–288.
7. Clack T. Thinking through Memoriscapes: Symbolic Environmental Potency on Mount Kilimanjaro, Tanzania // Academia [сайт]. URL: https://www.academia.edu/1395639/Thinking_Through_Memoriscapes_Symbolic_Environmental_Potency_on_Mount_Kilimanjaro_Tanzania
8. Липман М. Пантеон национальных героев как элемент символической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб., 2021. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/24756-mariya-lipman-panteon-natsionalnyh-geroev-simvolicheskaya-politika>
9. Moor I. Vilnius Memoriscap: Razing and Raising of Monuments, Collective Memory and National Identity // Linguistic Landscape an International Journal. 2019. № 5(3). P. 248–280.

10. Гуркина Н.С. Гудон и Канова у истоков монументальной скульптуры США // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. №3 (40). С. 168–172.

11. Piehler K.G. Remembering War the American Way / Smithsonian Institution Press. Washington, D.C. 1995.

12. Linenthal E.T. Sacred Ground: Americans and Their Battlefields. Urbana, 1991. P. 110–117.

13. Mossman B.C., Stark M.W. The Last Salute: Civil and Military Funerals 1921–1969. Washington, DC. 1991. P. 3–18.

14. Rudolf Anderson Jr // Find a Grave [сайт]. URL: <https://www.findagrave.com/memorial/7553231/rudolf-anderson>

15. U2 Pilot is Dead // The Spokesman-Review. Spokane, Washington. Associated Press. November 1, 1962. P. 1. [сайт]. URL: <https://news.google.com/newspapers?id=m20pAAAIBAJ&sjid=AukDAAAIBAJ&pg=6287%2C27658>

16. Final Rites // Wilmington Morning Star. (North Carolina). (UPI photo). November 6. 1962. P. 1. URL: <https://news.google.com/newspapers?id=bEVjAAAIBAJ&sjid=QHQNAAAAIBAJ&pg=712%2C1238262>

17. Rudolf Anderson Jr // Veteran Tributes. [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20100811062423/http://www.veterantribute.org/TributeDetail.asp?ID=173>

18. Clein C. How the Death of a U.S. Air Force Pilot Prevented a Nuclear War // History [сайт]. URL: <https://www.history.com/news/the-cuban-missile-crisis-pilot-whose-death-may-have-saved-millions>

19. Программа церемонии, вводный курс для выдающихся выпускников учебного корпуса офицеров запаса BBC, авиабаза Максвелл, Алабама, 26 июля 2011 г. // Air University (AU). URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Holm-Center/AFROTC>

А.Д. Дерендяева

Геральдическая символика как отражение процессов формирования региональной идентичности (на примере городов республиканского значения и областей Республики Казахстан)

Важной проблемой, с которой столкнулось постсоветское общество в результате посткоммунистической трансформации, оказался «кризис идентичности», определяющийся двумя характерными чертами. С одной стороны, во многих бывших советских республиках процесс конструирования идентичности складывался с трудом, в силу

возникших глубоких социальных противоречий и этнокультурных конфликтов. С другой стороны, на фоне изменения ценностных установок произошло переосмысление географических, политических и социальных границ локальных территорий, что было отражено в формировании регионального самосознания.

Изучение проблем региональных идентичностей на постсоветском пространстве остается актуальным и в историческом, и в практическом смыслах, поскольку во многих странах сохраняется разрыв между политико-культурным и инструменталистским подходом к конструированию данного процесса. К тому же данная ситуация усугубляется латентными конфликтами в некоторых территориальных измерениях. Под термином «регион» (лат. *regio* — «страна», «область») понимается географически локализованная местность со своей спецификой исторического или культурного развития [1, с. 76]. В некоторых работах «регион» считается большой территория с определенными природными условиями, одинаковой направленностью производительных сил [2, с. 22]. В современном научном дискурсе политической географии и регионалистики термин «регион» трактуется неоднозначно (как среди зарубежных авторов — К. Риттер, Р. Хартсхорн [3; 4] и др., так и среди отечественных — В.А. Колосов, Н.С. Мироненко, Р.Ф. Туровский [5; 6; 7] и др.). Данное понятие может совпадать и с более широким пространством (страна, государство), и с менее протяженным (область, край, город). Стоит уточнить, что в исследовании категория «регион» будет сводиться к более узким локальным местностям — области и городу.

При анализе специфики региональной идентичности важным является исследование символического пространства, в котором одну из ключевых ролей играет геральдическая символика, поскольку она связана с местом жизни, с представлениями о роли, которую должна играть данная территория в судьбе страны. Герб отражает исторический опыт региона, создает коллективное видение социальной реальности, а также способствует консолидации какого-либо народа. Исходя из этого, ключевой целью исследования становится изучение геральдической символики и ее связи с процессами становления региональной идентичности в постсоветском Казахстане.

Республика Казахстан представляет особый интерес среди бывших советских республик. На сегодняшний день Казахстан считается полиэтничным государством. В начале 1990-х гг. казахи составляли менее половины населения страны (около 40% [8, с. 370]), со временем этническая ситуация изменилась. В настоящее время среди проживающих в государстве около 68,51% казахов, 18,85% русских, 3,25% узбеков,

1,47% уйгуров, 1,42% украинцев, 1,08% татар [9] и др. Из-за такого этнического плюрализма в рамках одной территориальной общности сохраняется латентный конфликт, который может перейти в активную стадию размежевания [10, с. 62]. К тому же многие исследователи отмечают сохранение родоплеменных устоев у казахов [11, с. 119].

Для обеспечения территориальной целостности государства органы власти проводят политику формирования многосоставной (евразийской) идентичности и выступают за единую казахстанскую нацию, пытаясь предотвращать конфликты. Данный процесс носит системный, целенаправленный характер, вместе с тем власть пытается тактически маневрировать между этнической (казахской) и евразийской (многонациональной) идентичностями [12]. В целом основные направления политики идентичности сводятся к инструментальному характеру. Прежде всего это выражается в «изобретенных традициях» [13], обращенных к историческому прошлому казахского народа, а также к формированию новых ценностных установок (переписывание школьных учебников по истории, переименование административно-территориальных единиц, введение национальных праздников, коммеморативные практики и т.д.). Однако при формировании региональной идентичности не всегда предоставляется возможным применение только инструментального подхода (который носит субъективный характер), поскольку важную роль играют политико-культурные установки какой-либо территориальной общности, так как в их основании лежат объективные предпосылки. К таким предпосылкам, прежде всего, относится специфика географического, культурного и социального пространства, геополитические факторы, а также сама история местности [14, с. 23]. Важна объективная оценка сочетания инструментального и политико-культурного подходов в рамках какого-либо региона.

Процесс развития казахстанской символики, о чем свидетельствуют некоторые исследования (Н. Атыгаев, Г. Бабаяров, А.Д. Грач, А.Е. Рогожинский и др. [15; 16; 17; 18]), ведется с ранних периодов существования древнетюркской общины. Уже тогда на территории Средней Азии в качестве родовых фамильных знаков использовались тамги (печати, удостоверительные знаки), которые были присущи каждому племени. Они выступали не только в качестве тотемических знаков, но и показывали символы каганской власти. Преемственность тамги и ее отдельных атрибутов прослеживается и в период существования Казахского ханства, прежде всего у киргиз-кайсаков [19, с. 26].

Процесс формирования областной и городской символики в казахстанских землях начинает носить более системный характер с того момента, когда казахские жузы присоединяются к Российской импе-

рии, а затем оказываются на территории советского государства. За это время геральдическое пространство казахстанских территорий претерпевает реформу барона Б.В. Кёне [20], а затем испытывает влияние советских реформ официальной символики. Территориальная символика в Российской империи и в СССР носила унифицированный характер, даже на уровне местных локальных образований — областей и городов, поскольку герботворчество строго контролировалось государством, отражало идеологические установки страны [21, с. 332].

С момента обретения независимости для символического пространства Республики Казахстан начинается новый этап развития, обусловленный введением совершенно иных гербов, отражающих специфику казахстанской истории. В настоящее время некоторые административно-территориальные единицы до сих пор не имеют своего официально утвержденного герба, поскольку региональные сообщества не видят в них никакой практической значимости [22, с. 139–173].

В основе региональной символики всех городов республиканского значения (Нур-Султан, Алматы, Шымкент) и почти всех казахстанских областей в качестве доминирующей формы геральдического щита выбран восточный круг, что соответствует государственному гербу Республики Казахстан и показывает связь с традициями территорий Малой Азии, Среднего Востока, Дальнего Востока, Центральной Азии. Исключения составляют такие области, как Актыубинская, Мангистауская и Северо-Казахстанская. Так, в Актыубинской области герб выступает как современный логотип в виде буквы «А», в яркой желто-оранжевой палитре [23]. Герб Мангистауской области выполнен как изображение пещерной (наскальной) живописи и полностью уходит к тюркским корням, поскольку на нем изображен всадник на лошади, держащий в своих руках лук. Известно, что почитание коня в Республике Казахстан прослеживается с давних времен, так как он выступает священным символом. Сохранение тюркских традиций в региональной символике неслучайно, доля казахского населения в данном регионе на 2021 г. самая высокая по всей стране — 91,22% от всего этнического состава [9].

В то же время единственным регионом в Республике Казахстан, где доля проживающих русских на сегодняшний день считается больше, чем в других территориальных измерениях, является Северо-Казахстанская область. Число живущих здесь русских составляет 49,53% от общей численности населения [9]. В этой области на гербе изображена летящая лошадь, что говорит о том, что на территории региона было найдено древнейшее окультуренное животное. В качестве обрамления символа используются пшеничные колосья, конста-

тирующие факт развитого сельского хозяйства, а также соответствие русским традициям геральдики советского периода. Колосья не просто являются символом хлеба, но и указывают на значимость данной местности в освоении целинных земель [24]. Стоит отметить, что и административный центр этого региона — Петропавл (Петропавловск), который находится в 40 км к югу от границы с Россией, сохраняет свой прежний топоним, а доля русских в этническом составе этого города превышает число казахов почти в два раза (59,28% и 29,99% соответственно) [8].

Для некоторых образований Республики Казахстан характерна подчеркнутая лояльность, единство с официальной символикой, поскольку на их областных и городских гербах присутствует такая же цветовая семантика, либо изображаются аналогичные государственному гербу ключевые элементы. Золотой (желтый) или голубой цвет используют в своих палитрах фактически все области, за исключением Актюбинской и Мангистауской. Кроме того, субординация с государством подчеркивается в виде изображенного на геральдическом щите знака тенгрианства — шанырака, этот элемент в своей региональной символике изображают Атырауская область, Жамбыльская область, Западно-Казахстанская область и Туркестанская область. На этом фоне особенно выделяется герб Акмолинской области, поскольку вверху официального символа региона размещается элемент государственного флага Республики Казахстан — солнце, под которым парит орел (беркут), что говорит о стремлении к идентичности с центром.

Также в основу областной символики был положен природный ландшафт, его можно увидеть на гербах Акмолинской области, Атырауской области, Восточно-Казахстанской области и Жамбыльской области. Региональными элементами здесь становятся горы, леса, моря, реки. Изображенные на официальном символе Алтайские горы обозначают геополитическое положение Восточно-Казахстанской области, а река Ишим отражает географические особенности Акмолинской области.

Очевидно, что не только природные элементы могут показывать региональную идентичность каких-либо локальных сообществ. Поэтому на гербах данных областей в качестве знаков также используются изображения представителей флоры и фауны (Атырауская область, Жамбыльская область, Костанайская область, Павлодарская область). На гербе Атырауской области размещаются два осетра, что связано с Каспийским морем [25]. Яркий пример региональной самоидентификации показывает Костанайская область, на щите которой изображен черный степной жаворонок и тюльпан Шренка, являющиеся эндеми-

ками Наурзумского заповедника в данном регионе. На гербе Павлодарской области в центре располагается изображение архара, дикого горного барана, занесенного в Красную книгу Казахстана.

В некоторых областях в качестве центральных элементов геральдического щита используются фантастические (мифические) животные (Алматинская область, Туркестанская область). Так, в Алматинской области в форме спирали изображен крылатый барс и грифон, что говорит о преемственности тюркских традиций. Туркестанская область использует на своей символике образы двух крылатых снежных барсов.

Многие гербы содержат в своей основе знаки главной хозяйственной отрасли региона, его промышленное достояние (Акмолинская область, Атырауская область, Западно-Казахстанская область, Карагандинская область, Кызылординская область). Так, на геральдическом щите Западно-Казахстанской области изображена домбра, которая олицетворяет культуру региона, в дополнение к ней идут буровая вышка и шестерня. Герб Кызылординской области в качестве основной фигуры использует изображение космодрома Байконур, а также нефтяной вышки.

Гербы городов республиканского значения — Нур-Султана, Алматы и Шымкента представлены в традиционной для Казахстана восточной форме геральдического щита и содержат в своей цветовой семантике схожие оттенки: синий (голубой), красный и золотой. В казахской культуре синий (голубой) цвет показывает независимость и величие, красный символизирует огонь, рост и развитие, а золотой (желтый) оттенок обозначает богатство, достаток, стремление к победе [26, с. 9]. Наблюдая некую системность в создании данных гербов, можно отметить еще одну схожую деталь, которая объединяет их — наличие на официальных знаках национального орнамента, отображающего тюркскую культуру.

В то же время городские символы содержат несколько существенных отличий друг от друга. Так, герб города Нур-Султана в качестве основных элементов использует символ мифологического архетипа — мирового дерева — Байтерека (пер. «большое дерево», «тополь»), которое выступает в качестве центра создания мира и обозначает гармонизирующее начало. Второй составляющей герба является шанырак, показывающий историческую преемственность тюрко-монгольских кочевников Центральной Азии и является знаком общего дома всех народов [27, с. 195].

Герб города Алматы в качестве символов использует изображения представителей флоры и фауны, а также природный ландшафт. На пе-

реднем плане геральдического щита размещается изображение снежного барса, держащего в своей пасти цветущую ветку яблони. Изначально, в 1993 г., когда герб города был утвержден, яблоневых цветков было шесть, что олицетворяло районы города. В настоящее время цветков яблони, как и районов, восемь. На заднем плане изображена снежная вершина гор Алатау, показывающая идентичность с географическим положением территории [28].

В основу официального символа города Шымкента был заложен природный ландшафт: на фоне неба изображены горы и возвышающееся солнце. Данные элементы показывают геополитическое расположение территории, она находится у самого подножия Угамского хребта (Западный Тянь-Шань). Солнце в казахстанской культуре выступает как символ величия, мудрости, а также возвышение над мирскими проблемам [29]. Дополнительный смысл гербу придает восьмиконечная звезда, вписанная в восточный щит и обозначающая порядок и построение нового.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что региональная символика областей и городов республиканского значения современного Казахстана была сформирована посредством применения инструментального подхода, что означает прежде всего централизованный, системный и унифицированный характер нового символического пространства. Как следствие, это проявляется в том, что гербы схожи между собой, имеют одинаковую форму, цветовую семантику, однотипные геральдические (и не геральдические) фигуры. В то же время нельзя не отметить, что дезинтеграционные процессы, возникшие внутри страны, часто не только становились этническими размежеваниями определенных территориальных целостностей, но и в некоторых случаях порождали конфликт между центром и регионами. Такая особенность выразилась в своеобразной «ландшафтизации» местности, при формировании и геральдической символики, и собственной идентичности. Гербы регионов Казахстана не просто попали в общую унифицированную систему, но и отражали специфику своего природного и культурного ландшафта, а также национальные особенности коренного населения. В-третьих, можно выявить фактически полное отсутствие исторической преемственности в геральдике тех периодов, когда казахские жузы входили в состав Российской империи и советского государства. Имперские регалии, советское прошлое никак не отражены в современных гербах административно-территориальных единиц Республики Казахстан. Зато прослеживается преемственность с тюркскими традициями, стремление отразить в символике кочевой образ жизни казахстанцев с помощью цветовой палитры, национального орнамента, ис-

торических фигур. В целом можно отметить, что, несмотря на провозглашенный органами государственной власти курс конструирования евразийской (многонациональной) идентичности, в современном Казахстане доминируют процессы формирования этнической казахской, в меньшей мере казахстанской идентичности, причем данная политика находит свое место и в региональном измерении — в городах республиканского значения и в областях, что выражается и в геральдической символике.

Литература

1. Мурзина И.Я. Теория и практика культурологических исследований. М., 2015.
2. Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. №2.
3. Ritter K. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen. Berlin, 1822-1843.
4. Hartshorne R. Recent Developments in Political Geography, I // The American Political Science Review. Vol. 29, No. 5.
5. Колосов В.А. «Низкая» и «высокая» геополитика // Отечественные записки. № 3 (4). 2002.
6. Мироненко Н.С. Концепция территориальной структуры в свете задач страноведения // Вестник Московского университета. 1982. № 6.
7. Туровский Р.Ф. Географические закономерности электорально-го транзита в посткоммунистических странах // Полития. № 4. 2004–2005.
8. Проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. № 2 (45). 2014.
9. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на 2021 г. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT306055>
10. Семененко И.С., Лапкин В.В. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5.
11. Забирова А.Т. Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане // Социологические исследования. 2003. № 12.
12. Дунаев В.Ю., Курганская В.Д. Казахстанская модель межэтнической интеграции. Алматы, 2003.
13. Hobsbawm E. The Invention of Tradition. N.Y., 1983.

14. Назукина М.В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь, 2018.
15. Атыгаев Н.А. Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы, 2015.
16. Бабаяров Г., Кубатин А. Символы власти и правителя Западно-тюркского каганата. Бишкек, 2015.
17. Грач А.Д. Петроглифы Тувы, I. Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции. М., 1957.
18. Рогожинский А.Е. «Ханская» тамга казахских джучидов. Алматы, 2014.
19. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998.
20. Закутнов О.И. Реформы российской геральдической системы Барона Б.В. Кёне // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1(58).
21. Перфильев Ю. Региональная символика в поисках идеологии // Политический альманах России. М., 2001.
22. Аксенов К.Э., Бассин М. Идентичность и география в постсоветской России. СПб., 2003.
23. Журсин Ж. Представлен логотип Актюбинской области. 26 июля 2017. URL: <https://rus.azattyq.org/a/28638788.html>
24. Фидченко А. Герб Северо-Казахстанской области. 20 июня 2011. URL: <https://mtrk.kz/ru/2011/06/20/gerb-severo-kazahstanskoj-oblasti>
25. Russian Centre of Vexillology and Heraldry. Герб Атырау. URL: <http://www.heraldicum.ru/kazakstn/subjects/towns/atyrau.htm>
26. Елибаева К.Ж. Символика и семантика цвета в казахской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4 (48) июль–август.
27. Кенесов Е.К. Казахская фитонимия как отражение духовной сути и художественно-эстетических идеалов народа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2.
28. Проскурин В. Герб столичного города. Очерки истории Алматы. URL: <https://vernoye-almaty.kz/gerb.shtml>
29. Russian Centre of Vexillology and Heraldry Last Modified. Герб Шымкента. URL: <http://www.heraldicum.ru/kazakstn/subjects/towns/shimkent.htm>

В.Н. Козулин
«Австрийская Русь»:
особенности формирования идентичности
у населения Галичины (середина XIX в.)*

Австрия, как известно, когда-то была «лоскутной империей». В ее состав входило множество различных народов — больших и малых. При этом негерманские народы составляли в ней большинство (прежде всего венгры и различные славянские народы). Среди многих других славянских народов определенную часть населения империи составляли и, условно говоря, русские. По крайней мере, их самоназвание было такое (или, зачастую, «русины»), и они были потомками населения Древней (Киевской) Руси. Эти этнические меньшинства компактно проживали на территории империи.

Говоря об «Австрийской Руси», прежде всего нужно ответить на вопрос, что именно, какие части Австрийской монархии считать таковой. Наиболее очевидный ответ — это королевство Галиции и Лодомерии (примерно совпадавшее с границами древнерусских Галицкого и Владимиро-Волынского княжеств). Оно вошло в состав Габсбургской империи после первого раздела Польши в 1772 г. и состояло (если не считать исконно польских территорий, например, Кракова) в основном из бывших Русского и Бельского воеводств Речи Посполитой (в 1775 г. к нему была присоединена также молдавская Буковина, которая входила в состав королевства до 1849 г., а потом стала самостоятельным герцогством). Однако, кроме этой самой большой «русской» части Австрии, имевшей статус королевства, в ее составе еще с XVII века было немало этнически связанного с Древней Русью населения. Это компактно проживавшие в нескольких комитатах Венгерского королевства русины (жители Карпатской или Подкарпатской Руси).

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

Рис. 1. Герб Русской земли (Галиции). С печати Владислава Опольского. 1378 г.

В литературе вопрос об Австрийской Руси и тем более об истории формирования ее региональной идентичности практически не исследовался. На русском языке существует только одна обширная работа по истории русского движения в Галичине [1], есть еще одна похожая работа на английском, но она посвящена Подкарпатской Руси и охватывает более узкий период [2]. История борьбы народов Габсбургской монархии за независимость также достаточно основательно рассмотрена в старом советском двухтомном издании «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980–1981) [3–4]. Упоминания о русском населении Австрии содержатся в исследованиях по истории русинов, как называют современную восточно-европейскую народность, сформировавшуюся как раз, в том числе (и даже большей частью), на территории Австрийской империи в конце XVIII — XIX в. [5–9]. История национального русского (русинского) движения в Австрии более или менее подробно освещалась в дореволюционных изданиях (см., напр.: [10–12]), отчасти в изданиях по истории Галичины [13–15]. Не так давно вышла в свет интересная монография А.В. Мартынюка, в которой подробно рассматривается история взаимосвязей Австрии и Восточной Европы, в частности политические и культурные связи Австрии с Древней Русью, но, к сожалению, только в период Средневековья (XIII — начало XVI в.) [16]. Существует также много общих работ по истории Австрии, в которых так или иначе затрагивается тема этнических меньшинств [17–23].

Галицко-Волыньское княжество окончательно утратило свою независимость в конце XIV в. и оказалось под властью частично Польши, частично — Литвы (с 1569 г. — под властью объединенного польско-

литовского государства, Речи Посполитой). В составе Польши и Литвы захваченные земли обычно назывались Червонной (то есть «красной») Русью или просто Русью. По первому разделу Польши (1772 г.) вся эта территория была аннексирована Австрийской империей и вошла в ее состав под названием «Королевства Галиции и Лодомерии». Самоназвание ее населения было «русский», «руский», «русский» (в письменной традиции использовались все эти три формы — единообразие орфографии тогда не существовало). С началом австрийского господства в Галичинé (как часто называют эти земли в исторической литературе, с ударением именно на последнем слоге) входит в употребление еще и термин «русины» (или более латинизированный «gutheni»). Со временем самоназвание «русины» (которое встречалось и в московских литературных памятниках, у великороссов [1, с. 5]), наряду со словом «русские», получило широкое распространение и среди населения. При этом прилагательным от слова «русин» оставалось слово «русский»/«руский» (а не «русинский»).

Несмотря на долгое пребывание под иноземным владычеством, население «австрийской Руси» в значительной своей части ощущало единство с некогда общей древнерусской народностью и близкое родство с жителями Московской Руси. У галичан были давние культурные связи с этой более молодой, северо-восточной Русью. Так, например, митрополит Московский и всея Руси Петр, который основал Успенский собор в Кремле и перенес митрополичью столицу из Владимира в Москву (в начале XIV в.), был выходцем из Галичины, где он до переезда в Москву основал монастырь, на р. Рате, в нынешней Львовской области. Известный московский первопечатник Иван Федоров (XVI в.) бежал из Москвы в Литву, а потом переселился во Львов, где в основном и прожил оставшиеся годы своей жизни и напечатал много книг, в том числе в 1574 г. букварь, который посвятил «возлюбленному честному, христианскому русскому народу», имея в виду местное «русское» население Львова [24, с. 23]. Галичанином был известный русский деятель эпохи Петра Великого Стефан Яворский. Важную роль в сохранении общерусского самосознания и культуры в Галичине играла православная церковь, хотя в период пребывания в составе католической Польши большое распространение там приобрели католическая и униатская церкви (главным образом среди дворянства и мещанства). Широкие массы коренного населения упорно сопротивлялись натиску католицизма и полонизации. Большую роль в сохранении религиозной самобытности и тем самым в становлении национальной идентичности сыграло «Ставропигийское братство», возникшее в XV в. при Успенской церкви недалеко от центра Львова, на нынешней Русской улице

(в первой половине XV века она называлась улицей Соляников). В 1593 г. константинопольский патриарх Иеремия подтвердил права этого Успенского братства, которое получило статус патриаршей Ставропигии (от греческого «утверждаю крест»).

После присоединения Галичины к Австрийской империи положение русинов несколько улучшилось. В 1774 г. императрица Мария Терезия учредила в Вене духовную семинарию, в которой было шесть вакансий для галицких епархий, в 1783 г. Иосиф II учредил такую же семинарию во Львове, а в 1784 г. там же был открыт и университет с богословским факультетом. С 1787 года в университете было введено преподавание на местном русском языке. В течение десяти лет русины заняли в университете все кафедры на богословском факультете и многие светские кафедры. Среди профессоров не было ни одного поляка [9, с. 914].

Рис. 2. Герб Королевства Галиции на фоне австрийского имперского герба (двуглавого орла). Русский трофей от Галицийской битвы (1914 г.). Фото из журнала «Нива». 1914. № 47¹

---

¹ Иллюстрация заимствована из «Википедии» — свободной Интернет-энциклопедии: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Галиция>

В XIX веке у «русского» населения, как и у других народов Австрийской империи, идет активный процесс формирования национального самосознания, начинает складываться идентичность. Лидеров этого движения, представителей национальных славянских интеллектуальных элит, называют общим словом «будители». Особый всплеск национальных движений в империи происходит в период «Весны народов» — эпоху европейских революций 1848–1849 гг., сильно затронувшую и Австрию. К этому времени негласным лидером русинских будителей становится Яков Федорович Головацкий, профессор Львовского университета, которого иногда называют «галицким Ломоносовым» [1, с. 63].

В то время русинские будители с оружием в руках помогали Австрии в подавлении венгерской революции, потому что воспринимали Венгрию как большую угрозу своей самобытности и идентичности, чем Австрию, которая более толерантно к ним относилась. Венгрия проводила политику насильственной мадьяризации в отношении проживавших на ее территории подкарпатских русинов. У славянских будителей тогда стала популярной идея «австрославизма» — стремление создать из этой монархии, где большинство населения составляли славянские народы, некую «славянскую империю», которая стала бы источником благоденствия для всех австрийских славян [1, с. 64]. Но при этом среди славянских народов по многим вопросам не было единства. Едва ли не в большей степени, чем других славян, это касалось русских (русин) и поляков. Для галичан, в силу их исторического опыта, единственной альтернативой австрийскому господству было польское. А Польша, по сравнению с Австрией, гораздо в большей степени подавляла эту народность. По словам Я.Ф. Головацкого, Австрия предлагала русинам, «хотя неизвестно надолго ли, свободу, равноправность и конституцию, а Польша — рабство и политическое самоубийство...» [25, с. 9–10].

Таким образом, идентичность русского населения империи (потомков жителей Древней Руси — точнее будет сказать) формировалась в значительной степени именно в противовес полякам. Это еще больше сближало русинов Австрии с великороссами, в исторической памяти которых компонент противостояния с поляками также был всегда силен. Неслучайно это одно из ведущих направлений в общественно-политической мысли русинов называют «москвофильством» (см.: [1; 26]).

Другое направление, которое возникло примерно в то же время — это так называемое украинофильство или «украинство». Его представители, как отмечает Н.М. Пашаева, «ограничивали свой политиче-

ский и культурный кругозор только Украиной, включая в нее Галичину как „украинский Пьемонт“, враждебный России». При этом вопрос о противостоянии этих двух течений общественной мысли русинской интеллигенции середины XIX века не так прост. По словам все той же исследовательницы, москвофилы вовсе не противопоставляли себя «украинцам». Многие москвофилы даже признавали язык русинов украинским, а один из их лидеров, Иван Наумович называл себя «Малорусином». Они выступали не против украинской культуры и языка, а лишь против украинского национализма, солидаризировавшегося с поляками. Русинские москвофилы строили свою идентичность, как уже было сказано, в противовес полякам.

Любопытно, что в этом споре москвофилов и украинцев на стороне последних выступал известный русский писатель, революционер-демократ Н.Г. Чернышевский. Он обрушился с критикой на москвофильский журнал, издававшийся во Львове, под названием «Слово», обвиняя его в том, что оно «вообразило в поляках вражду против русинской национальности» и «объявляет от имени русинов, что они не хотят соединиться с другими малороссами». Чернышевский мыслит исключительно в классовой парадигме, заявляя, что «малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы», и что «малорусский поселанин и польский поселанин имеют совершенно одинаковую судьбу» (цит. по: [1, с. 62]). На самом деле помещиками в Галичине, в итоге долгого польского засилья, являлись исключительно поляки или же совершенно «ополячившиеся», перешедшие в католицизм, практически потерявшие свою «русскую» (русинскую) идентичность (как, например, Потоцкие, Дзедушицкие и др.) [там же].

Проанализированный материал, а именно история общественно-политической мысли австрийских «русских» (чаще называемых русинами), в частности история взглядов на русинскую идентичность у местной интеллигенции XIX века, побуждает задуматься в очередной раз о необычайной пестроте современного населения Украины, которая, благодаря этой ее особенности, скорее напоминает федерацию — конечно, в меньшем отношении, чем Россия, но не в меньшем, чем, например, Федеративная Республика Германии.

Если говорить конкретно о предмете нашего разговора — Галичине (которая находится в составе Украины с 1939 года), то это, безусловно, особый, уникальный, украинский регион, исторические судьбы которого были, как видим, тесно связаны не столько с Восточной, сколько с Центральной Европой, но вместе с тем и, в разные исторические периоды, — с Московской Русью, Российской империей, совет-

ской и даже постсоветской Россией. Ведь и в новейшие времена этот регион дал современной России многих небезызвестных общественных и культурных деятелей — например, политика Григория Явлинского, режиссера Романа Виктюка, политолога Лилию Шевцову, журналиста Матвея Ганапольского (все они родились и долгое время жили во Львове). Во Львове также провел детство и учился известный музыкант Юрий Башмет. Думаю, этот список можно было бы продолжить. Львов всегда был центром культуры и, очевидно, унаследованных еще от Древней Руси, демократических тенденций. Эта самая западная часть Украины (Галичина, исторически во главе с городом Львовом), на наш взгляд, есть одна из точек соприкосновения, то, что как раз больше всего сближает (а не разобщает, как считают иногда) русскую и украинскую культуры. Вообще, если бы люди больше внимания уделяли изучению истории, а не сиюминутным политическим трендам, между народами было бы меньше конфликтов и войн и гораздо больше взаимопонимания. Следует заметить, что в прежние времена в политике памяти (хотя такого термина тогда и не существовало) Российской империи и СССР делался упор именно на эти точки соприкосновения галицийской истории и культуры с российской, и только в последнее время этот регион (и в Украине, и в России) стараются представить как чуть ли не самый чуждый России и даже антироссийский. История, да и реальное положение дел, подтверждают, что это далеко не так. Например, 26 февраля 2014 г. львовяне организовали массовую акцию в поддержку русскоязычной части Украины, призвав всех жителей города в этот день говорить только по-русски. Тем самым они выразили протест против отмены языкового закона, предоставлявшего официальный статус региональным языкам [27; 28].

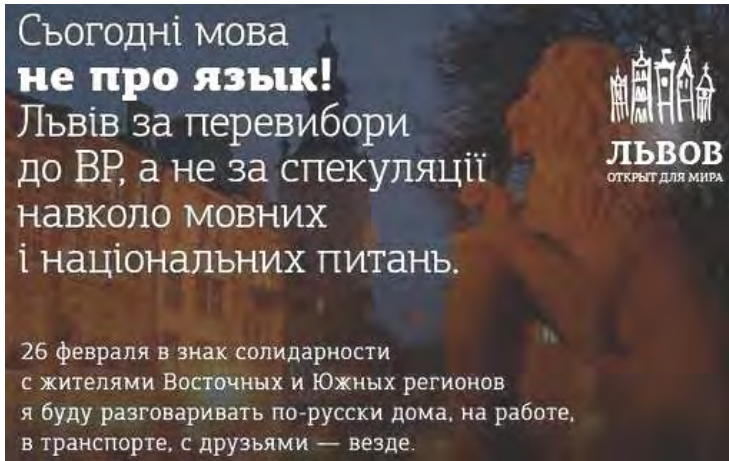

Рис. 3. Рекламний постер акції «Львов говорить по-русски», проходившої во Львові 25 лютого 2014 р.¹

Литература

1. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2002.
2. Magocsi P.R. The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge, 1978.
3. Освободительные движения народов Австрийской империи. Т. I. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980.
4. Освободительные движения народов Австрийской империи. Т. II. Период утверждения капитализма. М., 1981.
5. Козулин В.Н. К вопросу о формировании национальной идентичности русинов // Дневник Алтайской школы политических исследований №32. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2016. С. 135–140.
6. Суляк С.Г. Русины: этапы истории (часть 1) // Русин. 2005. № 1 (1). С. 49–60.
7. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
8. Wallace R. The Rusyn of the Carpathians // Endangered Peoples of Europe: Struggles to Survive and Thrive. L., 2001. P. 125–136.
9. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Toronto, 2002.

¹ Оригинал иллюстрации: [27].

10. Арабажин К.И. Галицко-русское литературно-общественное движение // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. Т. VIIа. СПб., 1892. С. 913–922.
11. Головацкий Я.Ф. Карпатская Русь (Историко-этнографический очерк) // Журнал министерства народного просвещения. Т. CLXXIX. 1875. Июнь. С. 386–390.
12. Головацкий Я.Ф. О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времен Австрийского владения в той земле. Львов, 1865.
13. Свистун Ф.И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. 2-е доп. изд. Trumbull, Conn., 1970.
14. Смирнов М.П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси. СПб., 1860.
15. Шараневич И.И. История Галицко-Володимирской Руси. Львов, 1863.
16. Мартынюк А.В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов. М., 2019.
17. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007.
18. Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848—1938 гг. М., 2004.
19. Митрофанов П.П. История Австрии. Часть I. (С древнейших времен до 1792 г.). СПб., 1910.
20. Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952.
21. Шарый А.В., Шимов Я.В. Корни и корона: Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2011.
22. Шарый А.В., Шимов Я.В. Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2015.
23. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.
24. Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. Луен, 1973.
25. Головацкий Я.Ф. Русины в 1848 году (Памяти Т.Г. Шевченко) // Основа. 1862. №4. Апрель. С. 1–27.
26. Ваврик В.Р. Геноцид карпато-русских москвофилов. М., 2007.
27. Львовяне 26 февраля говорили по-русски // Grad.ua. 26.02.2014. URL: <https://grad.ua/lenta-novostey/38474-l-vovyane-26-fevralya-govorili-po-russki.html>
28. Великі роковини. Як шість років тому проходила акція «Львов говоріт по русскі» // Amp.my.ua. 26.02.2020. URL: <https://amp.my.ua/news/cluster/2020-02-26-veliki-rokovini-iak-shist-rokiv-tomu-prokhodila-aktsiia-lvov-govorit-po-russki>

Обсуждение в Интернете

Топу Росчи/Тони Рокки

29 июня 2021 в 22:16

Спасибо за интересный доклад! На протяжении многих лет я знакомился с пестрым перечнем названий Галиции, Закарпатья и Буковины в работах русских националистов в России и прорусских и русинских элементов в бывшей Австро-Венгрии и в Америке. Все названия земель дают впечатление, что эти земли были частями Киевской Руси: Галийцкая Русь, Червоная (Красная) Русь, Карпатская Русь, Прикарпатская Русь, Подкарпатская Русь, Закарпатская Русь, Угорская (Венгерская) Русь, Пряшовская Русь (в современной Словакии), Буковинская Русь, Зеленая Русь (Буковина). В привисленских губерниях (бывшее Царство Польское), регионы Холм и Подласье часто назывались русскими националистами Холмской Русью (или Забужкой Русью) и Подляской Русью. Тоже существуют Белая Русь и Черная Русь.

Вячеслав Козулин

29 июня 2021 в 0:38

Тони, спасибо за отзыв и дополнения, которые подтверждают мои мысли. Русей в Европе много «разбросано».

Топу Росчи/Тони Рокки

3 июля 2021 в 16:34

Пожалуйста, уважаемый Вячеслав! Тема многих Русей в Европе заслуживает глубокого исследования. Смотрите тоже: <https://zapad-rus.su>

О.Ю. Курныкин Формирование национальной и региональной идентичности и политический процесс в Кыргызской Республике*

Политическая система Кыргызской Республики заметно отличается от других государств Центральной Азии, обретшими независимость после распада СССР. Динамизм политических процессов, периодиче-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

ская смена руководства страны (нередко в результате массовых протестных выступлений), реальные властные полномочия парламента придают своеобразие политической истории современного Кыргызстана на фоне системы пожизненного правления, сложившейся в других центральноазиатских государствах. «Кыргызский феномен» привлекает внимание экспертов в различных областях знаний (политологии, социологии, истории, культурологии, социальной психологии и т.д.). В данной статье предпринимается попытка рассмотреть политические процессы в этой стране через призму сложно структурированной идентичности (национальной, региональной, родоплеменной, семейно-клановой) и исторической памяти кыргызского народа.

За Кыргызстаном на рубеже XX–XXI вв. закрепился имидж «центральноазиатской Швейцарии», превратившийся в бренд, пользовавшийся спросом, прежде всего, в странах Запада и приносивший Кыргызстану немалые дивиденды (в частности, иностранная помощь стала существенным источником пополнения государственного бюджета). Кыргызстан в 1990-е гг. занимал третье место в Евразии по размерам американской помощи на душу населения [1], значительные суммы из-за рубежа шли на финансирование неправительственных организаций в Кыргызстане.

Среди западных политологов широкое хождение на рубеже XX–XXI вв. получила концепция транзита политических систем центральноазиатских государств от советской административно-командной модели к демократизации государственной и политико-общественной структуры в соответствии с западными стандартами. Однако довольно быстро выявились ограниченные аналитические возможности концепции транзита для объяснения реальных политико-институциональных процессов в странах Центральной Азии. Встал вопрос о том, в каком направлении реально осуществляется этот транзит и каково его содержательное наполнение. Надежды на превращение Кыргызстана в «островок демократии» в Центральной Азии к началу XX в. померкли, хотя политический процесс в стране, несмотря на периодические сбои, сохраняет конкурентный характер и высокую адаптивность к внешней среде.

Среди политологов утверждается представление о многослойности и сегментированности политической культуры народов центральноазиатских государств, сочетающей в себе традиционализм и модернизм, субкультуры городских и сельских слоев населения, вождизм и апелляцию к демократии, светскость и религиозность и т.д. [2, с. 5].

Вместе с тем возникает вопрос: насколько активность кыргызского общества, периодически вырывавшаяся на поверхность в виде про-

тестных выступлений, отражала процессы демократизации политической системы и институтов. Сложившейся в Кыргызстане в период независимости государственно-политической системе свойственна открытость, множественность политических акторов и динамизм их структурирования [3] и вместе с тем повышенная конфликтность, когда вопрос о власти решался на «улице», а не в рамках утвержденных законодательных процедур.

Общей закономерностью для государств, приобретших реальный суверенитет в результате распада имперских структур и многонациональных государственных образований, стало формирование этноцентристской версии национальной истории с присущими ей проявлениями мифологизации и удревления исторической традиции. Идеализация прошлого, обретение новой, основанной на национальных и этнокультурных аспектах идентичности, стало общим трендом практически для всех независимых государств, возникших в результате ликвидации Советского Союза.

Неотъемлемым элементом становления суверенного, независимого государства является актуализация исторической памяти и мифологизация прошлого. В советский период кыргызы составляли менее половины населения республики (43,8% по данным переписи 1970 г.); подобная ситуация актуализировала вопрос о доминировании историко-культурного наследия титульного этноса в общегосударственном комплексе исторической памяти. Ключевую роль в историко-культурной легитимизации кыргызского государства и мобилизации кыргызского этноса играет мощный пласт народного эпоса, ставший не только частью культурного наследия, но и системообразующим фактором национального самосознания кыргызов. В стране сложился культ эпического чудо-богатыря Манаса, в честь которого воздвигнуты памятники. Именем Манаса назван столичный аэропорт и университет. Высшая награда Кыргызстана — орден Манаса. В 1995 г. на государственном уровне было отмечено тысячелетие национального эпоса «Манас». «Манасоведение» признано отдельным направлением исследований и введено в качестве обязательного учебного курса в учебные программы вузов всей страны. При этом ряд авторов относит эпос «Манас» и его сказителей-манасчи к «сверхобычным явлениям», выходящим за рамки рационального научного познания [4, с. 17].

В общественно-политическом дискурсе Кыргызстана получил распространение не устоявшийся в научной литературе термин «кыргызчылык», под которым понимается совокупность традиционных воззрений, норм, практик, сложившихся в ходе исторической эволюции кыргызов, включая генеалогические предания, мифологизирован-

ную историю этноса, паломничество к святым местам. По сути, «кыргызчылык» — это форма самоидентификации кыргызов, базирующаяся на традиционных ценностях, нормах, социальных связях кыргызского кочевого общества. Вместе с тем в общественно-политической практике современного Кыргызстана понятие «кыргызчылык» может наделяться различной коннотацией, как положительной (как средство сохранения самобытности кыргызского этноса, его особого мировосприятия и «особого пути» [5, с. 2]), так и отрицательной (как средоточие патриархальности, антимодернизма, разьедающих общество паразитизма, nepотизма и коррупции [6]). В целом, «кыргызчылык» трактуется как целый пласт традиционной культуры кыргызов, обеспечивающий последним уникальное место в мировом сообществе.

По признанию кыргызских исследователей, кыргызское общество, переживающее период становления новых социальных структур, «остается крайне зависимым от своего прошлого» [7, с. 157]. Очевидно, историческое наследие способно оказывать влияние на базовые основы современной государственности, и кыргызский кейс дает тому убедительное подтверждение. Традиции кочевничества на протяжении веков определяли особенности самоорганизации кыргызского общества. При наличии общепризнанной иерархии между племенами у кыргызов не сложился единый центр власти. Формированию централизованной авторитарной модели государственности не благоприятствовали традиции военной демократии, органичные для кочевого образа жизни.

Б.М. Торогельдиева отмечает преобладание патриархального и подданнического типов политической культуры кыргызского народа, что в современных условиях является причиной маргинализации политической сферы. Вместе с тем в ходе исторической эволюции кыргызского общества сформировалась «многослойная социальная идентификация».

Эволюция кыргызского кочевого сообщества привела к появлению в XV–XVI вв. так называемых «крыльев» (правого и левого) — обширных территориальных объединений (союзов племен). После присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи родоплеменная организация кыргызов, по оценкам А. Болпоновой, довольно успешно адаптировалась к новациям русского царизма [8, с. 62]. Традиционная кочевая организация оказалась встроенной в систему колониального управления. Более серьезный натиск традиционные структуры кыргызов испытали при советской власти. Перевод кочевников на оседлый образ жизни (нередко принудительный), рост численности городского населения и распространение в связи с этим го-

родских форм социальной организации были направлены на преодоление кочевого традиционализма среди кыргызов. Однако и советский вариант модернизации не привел к полному вытеснению родоплеменной самоидентификации из сознания кыргызов. Историческая память, базирующаяся на традициях кочевничества и родовой стратификации кыргызского общества, стала формой сохранения самобытности этноса в условиях советской идеократической модели государственности. Более того, именно в советский период в Киргизии произошел негласный симбиоз советской государственности и родоплеменного традиционализма, когда назначение на ответственные посты в республике происходило с учетом родовой принадлежности. Неудивительно, что становление Кыргызской Республики как суверенного государства после распада СССР сопровождалось определенной и, очевидно, неизбежной ретрадиционализацией социальной организации кыргызов, что не могло не отразиться на политических и общественных процессах в стране. Вторжение родовой самоидентификации в политическую жизнь имело далеко идущие последствия для кыргызской государственности, актуализировав проблему родовых и семейно-клановых взаимосвязей и солидарности. В результате в руках региональной и клановой элиты оказался инструментарий для продвижения своих интересов во властных структурах. Кыргызский исследователь А. Болпенова расценивает присутствие архаики во власти в Кыргызстане как «крайне негативный фактор», приведший к повсеместному распространению коррупции и круговой поруки на основе принадлежности к определенному клану [8, с. 64]. Столь жесткая оценка архаичных проявлений социальных связей имеет под собой основания, но с учетом возможности их замещения современными формами социальной организации.

В советский период выявились региональные различия между более русифицированным и развитым Севером со столицей Фрунзе (Бишкек) и преимущественно аграрным Югом, политическим и экономическим центром которого являлся Ош. Высвобождение из-под контроля союзного центра привело к «суверенизации» политической жизни в стране, когда определяющее влияние на трансформацию государственно-политической системы Кыргызстана стали оказывать внутренние факторы. В советский период сложилось традиционное доминирование «северян» при занятии ответственных партийных и хозяйственных постов, хотя представители «южан» время от времени допускались во властные структуры республики. Южные области Кыргызстана тяготели к ферганскому историко-культурному и территориально-хозяйственному (земледельческому) комплексу, входивше-

му в свое время в состав Кокандского ханства, что придавало специфические черты самоидентификации «северян» и «южан». Наличие крупной узбекской общины в южных областях Кыргызстана (около 1 млн чел.) и требования создания узбекской автономии с центром в Оше побуждали местных кыргызов к отстаиванию своих позиций в качестве доминирующего этноса и консолидации на базе защиты кыргызской этнокультурной традиции в ее более консервативном варианте по сравнению с относительно урбанизированным Севером.

Сегментированность социальной идентификации, отмечаемая многими исследователями, проявляется и в несовпадении и даже разновекторности процессов, связанных с самоидентификацией городских и сельских страт кыргызского общества. Происходит взаимопроникновение, диффузия политических практик, но при этом остается открытым вопрос о том, в каком направлении будет эволюционировать политическая культура в стране — в направлении модернизации, архаизации или же возникнет (что более вероятно) их сложный симбиоз. Стихийная урбанизация, развернувшаяся в 1990-е гг. в условиях ухудшения социально-экономической ситуации в стране и выразившаяся в массовом переселении сельской молодежи в города, прежде всего, в Бишкек, вела к маргинализации молодежи, росту безработицы и в конечном итоге — к вторжению в городскую среду норм, правил и поведенческих стереотипов, свойственных сельскому традиционному социуму. Особенно это проявлялось в периоды политических кризисов, когда часть молодежи, не удовлетворенная своим статусом и материальным положением, считала себя вправе присваивать имущество из разграбленных магазинов.

Живой, динамичный, подчас непредсказуемый политический процесс в Кыргызстане оборачивается нестабильностью, внеконституционными механизмами решения вопроса о власти, стремительным возвышением новых лидеров и, нередко, их столь же стремительным падением. Возникает соблазн расценивать вовлечение многочисленных участников в массовые акции протеста как проявление демократизации и становления гражданского общества в Кыргызстане. Однако первоначальный энтузиазм относительно вхождения Кыргызстана в ряды устойчивых демократий значительно померк к концу первого десятилетия XX века в результате политических кризисов 2005 и 2010 гг., приведших к устранению от власти прежних руководителей страны. Стала очевидной значительная роль в этих событиях мобилизации на основе клановой и родоплеменной солидарности. Представляется существенным для понимания специфики политического процесса в современном Кыргызстане суждение Б.М. Торогельдиевой о том, что

«...кыргызский народ смог сохранить родовую самоидентификацию как социальную основу для политической мотивации» [7, с. 158].

В советский период была ослаблена прежняя родоплеменная стратификация кыргызского общества, особенно среди городских слоев. Однако в сельской местности, где проживала большая часть населения республики, родоплеменные связи продемонстрировали устойчивость и способность к регенерации после распада СССР.

Изначальный сельский «коллективизм» имел преимущества над городскими формами самоорганизации, находившимися на начальном этапе своего становления. Сельский ментальный комплекс в значительной мере базируется на родовой самоидентификации. Родоплеменные традиции вбирают в себя харизматический тип лидерства; каганы, бии, манапы, наделявшиеся властными функциями в традиционном кыргызском обществе, обязаны были защищать и обеспечивать выживание народа.

Родовая самоидентификация ослабляет и затрудняет формирование общегражданской самоидентификации, приводит к «сегментированию» политической структуры общества. Подобная сегментация проявляется в разнообразии представлений о формах социальной солидарности, ценностных ориентирах, механизмах взаимоотношений между властью и обществом.

Среди политологов закрепилось представление о смешанном характере политической культуры центральноазиатских народов. Учитывая исторические, культурно-религиозные характеристики региона, данный тезис не вызывает сомнений, однако он не дает ответа на вопрос о причинах вариативности политических систем в государствах Центральной Азии.

Одним из структурообразующих элементов политической системы Кыргызстана является клановость, базирующаяся на трансформированных родоплеменных традициях кыргызского общества. Неотъемлемыми атрибутами клановости являются патронажно-клиентные взаимоотношения, порождающие кумовство, коррупцию, столкновение интересов клановых групп. Клановость неформализована и не представлена в конституционных основах Республики и ее законодательстве, но она стала важнейшей составляющей политического процесса в стране. Наряду с закрепленной в конституции и законодательно оформленной государственно-политической структурой Кыргызской Республики в реальной политической практике функционирует параллельная система политических взаимоотношений, в основе которой лежит родоплеменная идентичность. Клановость в современных условиях возрастания мобильности общества утрачивает свою территори-

альную привязанность, сохраняя и даже актуализируя представления об общности происхождения от одного мифологизированного предка. Современные кланы не только могут преодолевать территориальную привязанность, но и приобретать новые качества и функции, обусловленные текущими политическими процессами и интересами. Происходит вращение клановости в государственную структуру, кланы осовремениваются, расширяют свои функции, приобретают качества довольно действенного политического инструмента для решения вопросов о доступе к властным полномочиям или государственным ресурсам. Вместе с тем родоплеменной и семейно-клановый факторы в условиях Кыргызстана не позволяют монополизировать властные ресурсы в одних руках, в результате авторитарные тенденции в политической системе страны наталкиваются на ограничители.

Прошедшие три десятилетия существования суверенного, независимого Кыргызстана оказались чрезвычайно насыщенными политическими трансформациями, проявившимися в попытках освоения заимствованной извне модели демократии, в сложном переплетении и взаимовлиянии традиционализма и модернизации в политической жизни и общественном сознании, в поисках самоопределения и идентичности кыргызского народа. Опыт Кыргызстана способствовал преодолению упрощенных представлений об историческом транзите государств «незападного типа» в направлении либерализма и рыночной экономики. Выявились, что традиции кочевничества (даже после отказа от кочевого образа жизни) представляют непреходящую историко-культурную ценность для кыргызов и являются основой их национальной идентичности. Кроме того, политические процессы в современном Кыргызстане невозможно анализировать вне контекста сохранения родоплеменной и клановой самоидентификации, ставшей действенным фактором мобилизации в условиях соперничества региональных и клановых элит.

Литература

1. Добронравин Н. СССР после распада // Свободный Кыргызстан. От Ошской трагедии до «народной революции». URL: <http://www.idelo.ru/435/19.html>

2. Плотников Д.С. Центральная Азия в контексте мировой политики. Пермь, 2020. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/plotnikov-centralnaya-asia-v-kontekste-mirovoj-politiki.pdf>

3. Павлов Е.В. Трансформация политических систем республик Центральной Азии в условиях глобализации: дисс. ... к.полит.н. Биш-

кек, 2008. URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie/transformacija-politicheskikh-sistem-respublik-centralnoj-azii-v-uslovijah.html>

4. Бакчиев Т.А. Введение в манасоведение: краткий курс лекций. Бишкек, 2008. URL: <http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/2015/12/BACHIEB-T.pdf>

5. Айтпаева Г., Молчанова Е. Кыргызчылык, поиск между духовностью и наукой. URL: <https://aigine.kg/images/Publications/article5.PDF>

6. Суранова А. Кыргызчылык. Часть I. Паразитизм. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_blogs_suranova/24900934.html

7. Торогельдиева Б.М. Особенности политической культуры современного кыргызского народа // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 7. С. 157–160. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Torogeldieva%20B.M..pdf>

8. Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 3–4. С. 57–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-klany-kyrgyzstana-istoriya-i-sovremennost>

Н.В. Лагошина

***Влияние антикварной католической традиции
на формирование ирландской идентичности XVIII в.****

В истории Ирландии XVIII век часто называют веком протестантов из-за доминирующего положения в обществе, которое они занимали в этот период. После неудачной попытки Якова II занять трон и победы протестантских сил под командованием Вильгельма Оранского в 1691 г. ирландские католики были лишены собственности и гражданских прав в соответствии с рядом законов, известных как уголовные законы. Ситуацию для католиков ухудшала потеря лидерства, которая произошла, когда большая часть оставшейся католической знати, как гэльский-ирландского, так и староанглийского происхождения, отправилась в изгнание на европейский континент. Эти «дикие гуси» построили карьеры в военной, церковной и торговой сферах в странах Европы. Победившее протестантское меньшинство в Ирландии, пытаясь закрепить свое положение в обществе, начало реализацию уголовного законодательства.

Напряжение между католиками и протестантами является ключевой темой в истории Ирландии, и религиозный раскол сыграл важную роль в ирландской историографии XVIII в. Трактовка ирландской истории протестантскими учеными была связана с конструированием их

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №19-39-90024 от 27.08.2019 г. (номер внутренней регистрации РФФИ/19-53-ИС).

собственной идентичности и намерением обосновать легитимность протестантской церкви Ирландии [1, р. 21]. В конце XVII в. протестанты, такие как архиепископ Ашер, заявляли, что Святой Патрик и ранняя церковь в Ирландии не были связаны с Римом и фактически являлись протопротестантами. Святой Патрик был признан протестантами в 1700-х гг. как символический защитник и покровитель, что свидетельствует о растущем «ирландском духе» ирландских протестантов [1, р. 58]. Неудивительно, что ирландские католики также оглядывались на далекое прошлое в попытках воссоздать свою идентичность. В данной статье исследуются труды ирландских антикваров в контексте формирования идентичности католиков.

Несмотря на обширный интерес зарубежных историков к изучению социального, политического и правового положения ирландских католиков в данный период, проблеме идентичности уделялось меньше внимания. Невозможно получить полную картину без понимания того, как это группа идентифицировала себя.

В XVIII в. слово «антиквар» использовалось для обозначения ученых далекого прошлого, хотя иногда оно также использовалось как синоним термина «историк» [2, р. 169–170]. Кроме того, как утверждает К. О'Халлоран, «антиквары были, по большей части, историками ранней Ирландии», и отмечает, что в Ирландии XVIII в. граница между историками и антикварами была размытой [3, р. 3].

Попытки реконструировать ирландскую идентичность связаны с изменением общественно-политической ситуации в Ирландии 1700-х гг. Новые реалии свидетельствовали о том, что предшествующее толкование ирландской истории больше не отвечало потребностям католического населения [2, р. 181]. К. О'Халлоран утверждает, что большая часть дебатов ирландских антикваров в этот период была сосредоточена вокруг проблемы смягчения или ужесточения уголовного законодательства, а также благородного происхождения ирландцев [3, р. 163]. Уголовные законы сильно повлияли на формирование идентичности, так же как они повлияли на политический аспект антикварной письменности.

Новая ирландская католическая идентичность должна была объяснить потерю общественно-политических прав католической знати Ирландии. Большинство гэльского дворянства покинуло родину после Вильямитской войны, что привело к окончательному разрушению гэльского социального строя, который сохранялся до того момента [2, р. 298]. Авторы литературных источников на гэльском языке сетуют на потерю лидерства в результате бегства «диких гусей» из Ирландии. Например, поэт Д. О'Бруадаир называл ситуацию в октябре 1691 г.

(после Лимерикского договора) как катастрофу или «крушение» Ирландии [4, р. 164]. В одноименном стихотворении он оплакивал «всех наших дворян, которые погибли в бою, людей, отправленных за океан, священников нашей церкви, переживших изгнание», возникшее в результате поражения Якова II и большей части оставшейся гэльской аристократии [4, р. 177].

Изучение поэзии XVIII в. в качестве исторического источника восходит к так называемому тезису «Скрытая Ирландия», который Д. Коркери представил в 1920-х гг. [5, р. 47]. Он утверждал, что историки проигнорировали настоящую Ирландию в XVIII в., которая была скрыта от монологов англоязычных историков, ее можно было найти лишь в «подпольной» гэльской культуре, которая сохранилась, несмотря на преследования.

Уголовные законы привели к эмиграции молодого населения, покидающего родину для продолжения образования или построения военной карьеры на континенте. Ирландские католики, стремящиеся получить высшее образование, были вынуждены уехать на континент. Поскольку военная служба в Ирландии католикам была запрещена, многие молодые люди покинули остров, чтобы служить в армиях католических держав на континенте. Внук Ч. О'Конора Родерик поступил на службу в ирландскую бригаду во Франции [6, р. 498], Дж. Мак-Геогеган некоторое время служил капелланом этого подразделения [7, р. 13]. Необходимость покинуть Ирландию для получения образования или военной карьеры также расширила кругозор ирландских католиков высших слоев населения в XVIII в. [8, р. 21].

Не связанный с политикой О'Халлоран воспринял ганноверское правопреемство как прагматический подход к расширению прав католиков [2, р. 298] и поддерживал легитимность Георга III, говоря, что «нынешнего правителя и его предков по линии Якова I объединяет священная кровь трех королевств» [3, р. 17]. Для ирландского антиквара притязания правящего монарха были совершенно законными, а происхождение Георга III от Якова I означало, что он имел шотландскую и ирландскую кровь, что закрепило его притязания на управление Ирландией и Шотландией. Он также обращает внимание на ирландские корни короля, упоминая, что Георг III имел ирландское происхождение от Кеннета Мак Альпина, гэльского правителя Дал Риады, покорившего пиктов и ставшего первым королем Шотландии [9, р. 209]. В восхвалении О'Конором родословной нынешнего монарха было упоминание о том, что Кеннет I получил помощь и поддержку в создании шотландской колонии от древней династии О'Ниллов, королей Тары [9, р. 208]. По мнению О'Халлорана, претензии Георга III на

шотландский трон существуют потому, что короли Ирландии решили помочь его предкам [10, р. 37–55].

Творчество одного из последних католических землевладельцев в стране, потомка последнего Верховного короля Ирландии, Ч. О'Конора служит связующим звеном между более ранним гэльским обществом, из которого он произошел, и новыми политическими и культурными реалиями, с которыми Ирландия столкнулась в середине XVIII в. [6, р. 128]. Ч. О'Конор сыграл важную роль в развитии ирландской антикварной письменности того периода [3, р. 22]. Как указывает К. О'Халлоран, он был «фактически единственным человеком в англоязычном обществе, который знал архаичный язык бардовской литературы» [3, р. 104].

Рассказы О'Конора об ирландских королях и политической организации представляют собой попытку интегрировать новое политическое мировоззрение в ирландскую католическую идентичность, которая приняла ганноверскую преемственность и стремилась интегрировать католиков в существующую политическую систему. Его «Исследование католических законов» 1771 г. посвящено возможности католиков принести клятву верности, чтобы продемонстрировать свою преданность королю, обеспечив себе лучшее юридическое положение [3, р. 263].

Одним из аспектов истории О'Конора являются частые отсылки на «конституцию» Ирландии, существующую в раннехристианский период. Автор заявляет о том, что древние ирландцы обладали упорядоченной политической системой, что резко контрастировало с широко распространенными представлениями, согласно которым ирландцы являлись варварами и беззаконниками [11, р. 137]. Он описывает приход норманнов под покровительством папы Адриана IV как «отмену Конституции» [9, р. 25]. Эта «конституция» запрещала произвольное использование власти королями, и О'Конор хвалит верховного правителя Ирландии Айлиля Молта за «его частое обращение к нации и ее представителям в Таре» [9, р. 25]. Он поддерживает монархию, ограниченную представительным органом, создавая прецедент для своих политических идеалов в далеком прошлом. О'Конор описывает золотой век образования в Ирландии, который расцветает при таком политическом устройстве. Он восхваляет королей О'Ниллов за то, что они взаимодействовали с народом, не избрав жизнь, отделенную от своих подданных, и были чужды идеалам, которые «отвергают равенство человеческой природы» [9, р. 26]. О'Конор был убежден, что «короли — это только слуги народа» [9, р. 27]. Данное утверждение отражает иной взгляд на природу королевской власти, отличный от абсолютист-

ской теории божественного права монархии, которая лежала в основе правления Стюартов и была ключевой частью якобитизма.

О'Конор уделяет большое внимание обучению и учености ирландцев в «Острове святых и ученых». Падение Рима и захват Европы различными германскими племенами привели к потере значительной части знаний, но, как отмечает антиквар, «науки попали в объятия принцев Уи Нейллов, благодаря покровительству которых они процветали, пока император Запада Карл Великий не распространил научное знание с помощью профессоров из Ирландии» [9, р. 28]. Упоминание правителей из королевской династии Уи Нейллов наравне с Карлом Великим означает объединение обеих монархий и смелое заявление о важности и престиже королей Ирландии. Также интересно отметить свидетельство о «союзе и дружбе» Карла Великого с Уи Нейллом, увековеченных в Версале. Франция, представленная как наследница старой империи Каролингов, продолжает многовековой союз с Ирландией.

Ослабление Ирландии внешними и внутренними проблемами, возникшее в результате отсутствия единой нации, сделало возможным норманнское завоевание. В трактовке данного периода ирландской истории О'Конором есть явное намерение изобразить его как золотой век с трагическим концом, который, в свою очередь, отражает настоящее, косвенно призывая вернуться к политическим идеалам и обычаям золотого века.

«История Ирландии» католического священника, прожившего большую часть жизни во Франции, Дж. МакГеогегана, демонстрирует неизменную приверженность делу якобитов, подчеркивает важность церкви и описывает ущерб, нанесенный Ирландии иноземцами [2, р. 294]. В его трудах описывается история церкви в Ирландии, деятельность ирландских священнослужителей на континенте, разрушения, вызванные приходом викингов, а также острые проблемы, связанные с реформами святого Малахии, буллой папы Адриана IV и вторжением англо-норманнов [7, р. 12–13].

Большая часть повествования МакГеогегана о периоде между приходом Св. Патрика и завоеванием норманнов посвящена хронике истории ирландской церкви. Историк подчеркивает, что хотя гойделы в течение длительного периода времени праздновали Пасху в особую дату, это было не потому, что они отвергли власть Рима, а в результате отличных расчетов. Он также цитирует заявление Беды Достопочтенного о том, что «это не может повлиять на их святость. Они творили чудеса, обращали к Богу, которого любили всем сердцем, множество душ» [12, р. 262]. Другими словами, ирландцы были настолько святы-

ми, что неточности в отношении правил, установленных церковью, не так важны, как их понимание сути христианства.

Показывая роль ирландцев в сохранении образования и его восстановлении на континенте, он заявляет о важности ирландского этноса на международной арене и приводит аргумент, что другие нации в Европе получили научные знания и основы государственности от ирландцев. В «Предварительной беседе» он заявляет, что «в то время как готическое невежество распространилось по всей Европе» Ирландия стала маяком религии и науки, привлекающим студентов из-за границы. МакГеогеган утверждает, что в то время, когда самые могущественные страны XVIII в. погрязли в варварстве, Ирландия была самой образованной и набожной страной в Европе. Утверждение былой «славы» Ирландии являлось важной частью формирования новой идентичности, которой не хватало славных достижений прошлого [7, р. 223].

МакГеогеган повествует об ирландских монахах, которые отправились в Европу и распространили христианство повсюду от Франции и Германии до Италии и Испании [7, р. 203]. Он также перечисляет многих духовных лиц и ученых из Европы, которые отправились в Ирландию для получения образования, в качестве доказательства его представления об Ирландии как интеллектуальной столице Западной Европы в период раннего Средневековья [3, р. 94].

МакГеогеган сетует об утрате некоторыми католиками гэльской идентичности. Он обращает внимание на тот факт, что «ирландцы теперь стыдятся дополнений О и Мак, которые одновременно характеризуют их благородное происхождение и древность их имен. Мы видим, что некоторые ... изменяют свои имена, что может возникнуть только из-за невежества, слабости ума или глупого желания соответствовать английскому вкусу» [7, р. 231]. Работы МакГеогегана оказывали влияние на идентичность, формируя историческое сознание ирландских католиков в Ирландии в поддержку новой идеологии.

Другой ирландский историк-антиквар С. О'Халлоран, преуменьшая важность христианства, сосредотачивается на изначальной «милезийской» цивилизации, от которой, как утверждается, произошли гэльские ирландцы. Его работы демонстрируют влияние гуманистического подхода и идей Просвещения. В первую очередь, его подход к ирландской католической идентичности сосредоточен на славе древней ирландской учености и военного превосходства.

В то время как другие антиквары обвиняли викингов в гибели «Острова святых и ученых», О'Халлоран рассматривал христианизацию, подорвавшую воинственный дух ирландцев, как падение интел-

лектуальной культуры Ирландии. Он утверждает, что «ранние христиане были крайне невежественны и являлись скорее врагами, чем друзьями ученых» [13, р. 169], в то время как «потомки вождей и героев стали учителями и священниками» [13, р. 170]. Утверждение, что христианство смягчило ирландцев и сделало их уязвимыми перед вторжением викингов и англо-норманнов, похоже на аргументы о том, что Рим также был серьезно ослаблен мирными идеалами христианства. Позднее эта идея появилась в книге Э. Гиббона «История падения Римской империи», в которой христианство обвинялось в падении Рима. Отвлечение ирландского антиквара к интеллектуалам и предпочтение образа жизни военных, свободного от обмана и притязаний образованных людей, во многом перекликается с идеями Руссо. Воспевание О'Халлораном мифических персонажей из ирландского фольклора в качестве примера для подражания предвещает культурный национализм XIX в. Ирландский антиквар задается вопросом: «Кому нужны библейские герои, если мы можем взглянуть на наших собственных?» [13, р. 220]. Он пытается использовать историю Ирландии для формирования идентичности и культурных ценностей, выдвигая новые исторические личности в качестве примеров мужества, патриотизма и самопожертвования.

Представление О'Халлорана об идентичности ирландских католиков основано на их происхождении от героических ирландцев древности и в значительной степени игнорирует католическую сторону идентичности. Утверждая, что ирландцы имели развитую цивилизацию задолго до принятия христианства, он пытается сместить ключевой аспект идентичности с религии на этническую принадлежность, что резко отличается от антикварной литературной традиции XVII в. Его целью является объединение католиков и протестантов как граждан одной нации и государства.

Труды ирландских историко-антикваров предвещают появление ирландской католической историографии, доступной для всего мира. Посредством написания ирландской истории католики прилагали сознательные усилия по созданию собственной идентичности, соответствующей новым историческим реалиям.

Описывая события древности и, в некоторых случаях, предлагая совершенно разные интерпретации исторических фактов, историки-антиквары пытались изменить концепцию ирландской католической идентичности и привить современникам гордость за свое прошлое. Труды О'Конора и МакГеогеана были направлены на сохранение элементов гэльской католической культуры, существующей до Лимерикского договора 1691 г., и укрепление самобытности католиков, в то

время как произведения О'Халлорана, в которых нивелируется религиозный аспект этой идентичности, а основное внимание автора сосредоточивается на героической эпохе, представляют собой новое видение «ирландскости». Эти истории содержат в себе ключевые элементы ирландской идентичности в переходный период, поскольку она одновременно модернизировалась и сохраняла преемственность с прошлым.

Литература

1. McCormack B. Perceptions of St. Patrick in Eighteenth-Century Ireland. Dublin, 2000.
2. Connolly S. Divided Kingdom: Ireland, 1630–1800. Oxford, 2008.
3. O'Halloran C. Golden Ages and Barbarous Nations. Notre Dame, 2005.
4. O'Bruadair D. Duanaire Dhaibhidh Ui Bhruadair. L., 1917.
5. Cullen L. The Hidden Ireland // Studia Hibernica. No. 9, 1969. P. 7–47.
6. O'Connor C. Charles O'Connor of Belanagare: An Irish Scholar's Education // Studies: An Irish Quarterly Review. Vol. 23. No. 89, 1934. P. 124–143.
7. MacGeoghegan J. The History of Ireland, Ancient and Modern. N.Y., 1845.
8. O'Ciardha E. Ireland and the Jacobite Cause, 1685–1766. Dublin, 2002.
9. O'Connor C. Dissertations on the History of Ireland. Dublin, 1766.
10. Geoghegan V. A Jacobite History: The Abbe MacGeoghegan's «History of Ireland» // Eighteenth-Century Ireland. Vol. 6 (1991). P. 37–55.
11. O'Connor C. Letters of Charles O'Connor of Belanagare. Washington, D.C., 1988.
12. Ward R., Ward C. The Catholic Pamphlets of Charles O'Connor // Studies: An Irish Quarterly Review. Vol. 68. No. 272 (1979). P. 259–265.
13. O'Halloran S. An Introduction to the Study of the History and Antiquities of Ireland. Dublin, 1772.

Обсуждение в Интернете

Никита Самойлов
17 апреля 2021 в 22:34

Наталья Анатольевна, спасибо за интересную и содержательную статью! Говоря о роли католицизма в формировании ирландской иден-

тичности, хотелось бы узнать Ваше мнение о следующем: как известно, еще в раннее Новое время ирландское общество было в значительной степени разделено на враждовавшие кланы, а католицизм не мог примирить их между собой. Можно ли говорить о том, что именно попытки Англии утвердить в Ирландии свое правление и религию привели к сплочению большей части ирландского населения вокруг католицизма?

О.Г. Лекаренко
Декларация о европейской идентичности 1973 г.
и Европейское политическое сотрудничество:
роль внешнего фактора

14 декабря 1973 г. страны-члены Европейского экономического сообщества (ЕЭС) приняли Декларацию о европейской идентичности. Большую роль в ее появлении сыграл внешний фактор, а именно политика США. В апреле 1973 г. помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер, выступая перед редакторами агентства «Ассошиэйтед пресс» в отеле «Вальдорф — Астория» в Нью-Йорке, предложил объявить 1973 год «Годом Европы» и скрепить отношения между США и странами Западной Европы подписанием новой Атлантической хартии. В своей речи американский политик отметил, что послевоенное Атлантическое сообщество безопасности, основанное на общем восприятии угрозы, должно уступить место новому сообществу, скрепленному общими интересами, ценностями и перспективными задачами на будущее. Г. Киссинджер призвал к развитию трансатлантических отношений на основе всестороннего подхода, включающего как совместную оборону, так и политическое и экономическое сотрудничество. Большой резонанс вызвала часть выступления Г. Киссинджера, в которой он противопоставил США, имеющие глобальные интересы и обязательства, европейским странам с их региональными интересами. Главную роль в усилении трансатлантического сотрудничества Г. Киссинджер отдавал Организации Североатлантического договора (НАТО), а не отношениям с Европейским сообществом. Как подчеркнул американский политик, создание единой Европы не является самоцелью, а должно служить укреплению общего единства западных стран [1].

С началом 1973 г. положение Европейского сообщества заметно окрепло после вступления в его состав Великобритании, Дании и Ирландии. Оно могло не только на равных конкурировать с США в торгово-экономической сфере, но и ставило задачу продвигать коллектив-

ное участие западноевропейских стран в международной дипломатии через запущенный в 1970 г. механизм Европейского политического сотрудничества (ЕПС). В США с тревогой наблюдали за развитием данного процесса. Г. Киссинджер осознавал, что интересы Европы не всегда будут совпадать с интересами Америки и что единая Европа будет настаивать на европейском взгляде на мировые дела, что в свою очередь бросит вызов американской гегемонии в Атлантическом альянсе [2, p. 82, 86; 3, p. 131].

В странах Западной Европы инициативу «Года Европы» восприняли как попытку Вашингтона утвердить свою гегемонию, затормозить развитие ЕПС и заставить европейские страны пойти на уступки США по торговым и финансовым вопросам в обмен на сохранение ядерных гарантий и присутствие американских войск в Европе. Предложенный Г. Киссинджером всесторонний подход к трансатлантическим отношениям не учитывал специфику процесса европейской интеграции. Европейское сообщество могло вести диалог с США только по торговым вопросам, в других сферах европейские правительства сохраняли полную автономию. Европа была равной или почти равной США в экономическом отношении, но оставалась зависимой в оборонной сфере, что ослабляло переговорные возможности европейцев. Страны Западной Европы предпочитали вести отдельные переговоры в рамках соответствующих институтов (НАТО — военно-политические, ГАТТ — торговые, МВФ — финансовые вопросы) [4, p. 139–140].

Европейцы не хотели вступать в переговоры с США на условиях, предложенных Г. Киссинджером, и поспешили с тем, чтобы определиться с собственными интересами и выработать коллективный ответ Вашингтону. В итоге слово «хартия» было заменено на слово «декларация» (название «Атлантическая хартия» ассоциировалось с подписанным в 1941 г. лидерами США и Великобритании документом, скрепившем их союз против нацистской Германии). Европейцы отвергли американское предложение об одном документе, охватывающем одновременно военные, политические и экономические аспекты отношений, и предложили составить две декларации: об Атлантическом альянсе и об отношениях между США и Европейским сообществом. Параллельно в ЕЭС планировалось разработать третий внутренний документ о европейской идентичности [5, p. 243].

Составление декларации об отношениях США–ЕЭС было перенесено в ЕПС. 10 сентября 1973 г. министры иностранных дел ЕЭС одобрили проект декларации об отношениях США–ЕЭС и инструктировали Политический комитет продолжить работу над декларацией о европейской идентичности. В проекте декларации об отношениях

США–ЕЭС был ясно изложен принцип, что США должны признать политическую роль Европы в мире и относиться к ней как к нечто большему, нежели дополнению к собственной политике [6, р. 385]. США были вынуждены принять предложение европейцев о составлении двух документов, но были недовольны двухуровневой процедурой (сначала выработка проекта декларации внутри сообщества и затем согласование с США) и невозможностью влиять на внутренние дискуссии в Европейском сообществе. Работа над составлением декларации об Атлантическом альянсе протекала значительно проще, так как США являлись членом НАТО. Проект соответствующей декларации был представлен в НАТО министром иностранных дел Франции М. Жобером 3 октября 1973 г.

Возможно, США и странам Западной Европы удалось бы согласовать текст обоих документов, если бы не начавшаяся 6 октября 1973 г. очередная арабо-израильская война. «Война Судного дня» вызвала острейший конфликт между атлантическими союзниками и приостановила работу над декларациями. В ходе военных действий Израиля с арабскими странами большинство государств Западной Европы дистанцировалось от политики США, направленной на поддержку Израиля. Другим последствием войны стал нефтяной кризис. К началу 1970-х гг. государства, входящие в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК), научились выступать единым фронтом против западных нефтяных компаний в вопросах цен и контроля над нормами добычи нефти, следствием чего стал начавшийся рост цен на нефть. С началом арабо-израильской войны арабские страны сократили добычу нефти и ввели эмбарго на ее поставки в те страны, которые оказывали поддержку Израилю. Результатом такой политики стало резкое повышение цен на нефть, что больно ударило по экономикам западноевропейских стран.

6 ноября 1973 г. страны-члены ЕЭС приняли Декларацию по миру на Ближнем Востоке, в которой была сформулирована общая позиция европейских стран в отношении арабо-израильского конфликта. Прорарабская декларация, принятая без предварительного согласования с США, призывала конфликтующие стороны к мирным переговорам в рамках ООН. В ней были перечислены основные условия мирного соглашения: недопустимость присвоения территорий силой; освобождение Израилем территорий, захваченных во время войны 1967 г.; уважение суверенитета, территориальной целостности и независимости каждого из государств региона и их права жить в мире в рамках безопасных и признанных границ; учет законных прав палестинцев [7, р. 300–301]. Приняв Декларацию по миру на Ближнем Востоке, европей-

цы впервые официально сформулировали независимое мнение ЕЭС по внешнеполитическому вопросу, которое шло вразрез с целями и интересами американской внешней политики.

Проблемам Ближнего Востока был посвящен и первый саммит ЕЭС, состоявшийся 14–15 декабря 1973 г. в Копенгагене. Копенгагенский саммит, на который были приглашены министры иностранных дел арабских государств, подтвердил позицию ЕЭС по миру на Ближнем Востоке от 6 ноября 1973 г. и дал старт европейско-арабскому диалогу по экономическим вопросам, включая поставки энергоресурсов [8, р. 377–378].

На том же саммите была принята Декларация о европейской идентичности, подготовленная Политическим комитетом ЕПС. Декларация характеризовала «девятку» как «сообщество ценностей», открытое для других европейских наций, которые разделяют те же идеалы и цели. В качестве общих ценностей назывались представительная демократия, право закона, социальная справедливость и уважение прав человека. В документе говорилось, что международная обстановка и растущая концентрация власти и ответственности в руках небольшого числа великих держав требуют от Европы объединиться и говорить одним голосом, чтобы быть услышанной и играть соответствующую роль в мире. Вторая часть декларации, озаглавленная как «Европейская идентичность в отношении к миру», обрисовывала принципы отношений ЕЭС с третьими странами или группами стран, включая США, с которыми «девятка» «намеревалась поддерживать конструктивный диалог и развивать сотрудничество на основе равенства». Документ заканчивался напоминанием о динамическом характере европейской конструкции [9, р. 93–97]. В декларации понятие «европейская идентичность» применялось по отношению к ЕЭС, то есть идентичность определялась скорее в политических, нежели культурных терминах [10, р. 245].

После принятия Европейским сообществом Декларации по миру на Ближнем Востоке арабские страны сняли ограничения на поставки нефти в страны сообщества (кроме Нидерландов, которые продолжали поддерживать Израиль), но цены оставались высокими. В декабре 1973 г. страны ОПЕК вторично объявили о повышении цен на сырую нефть и пересмотрели нормы ее добычи. Нефтяной кризис привел к углублению депрессии в мировой экономике и особенно больно ударил по странам Западной Европы. США призвали западноевропейские страны к объединению в противостоянии нефтяному кризису. Сами страны-члены ЕЭС на саммите в Копенгагене не смогли выработать общие меры в ответ на энергетический кризис. Зависимость западно-

европейских стран от поставок нефти из стран Ближнего Востока делала их зависимыми от процесса ближневосточного урегулирования, который, в свою очередь, зависел от способности США надавить на Израиль.

Нефтяной кризис позволил США восстановить свое лидерство в западном блоке. В странах Западной Европы понимали, что выход из экономического кризиса невозможен без сотрудничества с крупнейшей экономикой мира. По инициативе США 11–14 февраля 1974 г. в Вашингтоне состоялась энергетическая конференция. В ходе конференции большинство стран-членов ЕЭС согласилось с американскими предложениями об институционализации энергетического сотрудничества. По итогам работы конференции была учреждена координирующая группа, которая стала основой для создания в ноябре 1974 г. Международного энергетического агентства. Странам-потребителям нефти постепенно удалось добиться отмены нефтяного эмбарго и склонить страны ОПЕК к диалогу, а не конфронтации с Западом.

После нефтяного шока и Вашингтонской энергетической конференции европейцы сдались в попытках сформулировать общую политику в отношении США. Однако сообществу следовало решить проблему, как в рамках ЕПС принимать американские взгляды в расчет, не подрывая автономности процесса принятия решений. 20–21 апреля 1974 г. на неформальной встрече министров иностранных дел под Бонном (в замке Гимних) была найдена так называемая формула Гимниха, предусматривавшая возможность проведения консультаций с третьей стороной по мере необходимости и при наличии консенсуса. На встрече в Гимнихе также было принято решение о том, что работа над декларацией по НАТО должна быть продолжена.

Официально текст формулы Гимниха был опубликован по итогам следующей встречи министров иностранных дел стран-членов ЕЭС 10–11 июня 1974 г. В нем говорилось: Если один из членов ЕПС поднимет вопрос об информировании или консультациях с союзным или дружественным государством, «девятка» может обсудить данный вопрос и по достижении соглашения уполномочить страну, председательствующую в ЕЭС, провести консультации от ее имени [11, р. 97–98]. На практике это означало, что лояльное по отношению к США государство получало возможность удалить вопрос, не устраивающий Вашингтон, из европейской повестки дня и перевести его на двусторонний уровень. Таким образом, формула Гимниха подтвердила невозможность проведения европейской внешней политики, идущей вразрез с американскими интересами.

19 июня 1974 г. на саммите НАТО в Оттаве была одобрена Декларация об атлантических отношениях, которая поставила точку под «Годом Европы». Оттавская декларация, подписанная главами государств и правительств стран-членов НАТО в Брюсселе 26 июня 1974 г., подтвердила неделимость обороны Североатлантического альянса, вовлеченность США в европейские дела, готовность усилить практику дружественных и своевременных консультаций, подчинение экономических различий между союзниками интересам совместной безопасности. Декларация признавала, что дальнейшее движение к европейскому единству со временем должно оказать благотворное влияние на вклад членов Европейского сообщества в совместную оборону Альянса [12].

Подписание Оттавской декларации было не тем, что Г. Киссинджер предлагал изначально, однако она все же стала победой атлантической концепции над европейскими политическими устремлениями [13, р. 322]. В декларации не упоминалась особая политическая роль Европы в международных делах. Европейцы отказались от попыток воздействовать на мирный процесс на Ближнем Востоке и решили воздерживаться от всех политических вопросов в европейско-арабском диалоге. Таким образом, на Ближнем Востоке «девятка» признала разделение труда с США, которые отвечали за мирное урегулирование арабо-израильского конфликта, а европейцы ограничили свое участие экономической сферой [13, р. 338–339].

«Год Европы» стал разочарованием как для США, так и для стран Западной Европы. Американская инициатива бросила вызов европейским странам, которые в ответ решили углублять политическое сотрудничество в рамках ЕЭС. В Вашингтоне опасались, что единая Европа может стать не только экономическим соперником, но и политическим конкурентом США. Американские страхи оказались преувеличенными. Национальные интересы европейских государств, перевешивавшие общеевропейские интересы, и зависимость стран Западной Европы в оборонной сфере от США и НАТО не дали европейскому политическому единству пойти дальше риторики. Как только европейские страны почувствовали, что смогут лучше защитить свои интересы в согласии с США, европейское единство быстро испарилось. В итоге Соединенным Штатам удалось сохранить свое лидерство в Североатлантическом альянсе, а европейцы осознали, что сопротивление американской инициативе «Года Европы» является недостаточной основой для интегрированной внешней политики и что объединение против США невозможно.

Литература

1. Address Given by Henry A. Kissinger (New York, 23 April 1973). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2002/9/30/dec472e3-9dff-4c06-ad8d-d3fab7e13f9f/publishable_en.pdf
2. Kissinger H. *The White House Years*. L., 1979.
3. Kissinger H. *Years of Upheaval*. L., 1982.
4. Ludlow N. P. *The Real Years of Europe? U.S. — West European Relations during the Ford Administration // Journal of Cold War Studies*. 2013. Vol. 15. №3.
5. *The Strained Alliance: U.S. — European Relations from Nixon to Carter* / Ed. by M. Schulz, T.A. Schwartz. Wash., Cambridge, 2010.
6. *Text of European Community's Proposal on Relations with the US // The New Europe and the United States: Partners or Rivals* / Ed. by G. Mally. Lexington, 1974.
7. *Statement by the Nine Foreign Ministers on the Situation in the Middle East, Brussels, 6 November 1973 // European Foreign Policy: Key Documents* / Ed. by C. Hill and K. E. Smith. London, N.Y., 2000.
8. *Communique of European Community 'Summit' Meeting, 15 December 1973 // The New Europe and the United States: Partners or Rivals* / Ed. by G. Mally. Lexington, 1974.
9. *Declaration on European Identity by the Nine Foreign Ministers, Copenhagen, 14 December 1973 // European Foreign Policy: Key Documents* / Ed. by C. Hill and K. E. Smith. London, N.Y., 2000.
10. Gfeller A.E. *A Contested Identity: France and the Year of Europe, 1973–1974 // The Road to a United Europe: Interpretations of the Process of European Integration*. Brussels, 2009.
11. *Text of the Gymnich Formula, 10–11 June 1974 // European Foreign Policy Key Documents* / Ed. by C. Hill and K. E. Smith. L.; N.Y., 2000.
12. *Declaration on Atlantic Relations Issued by the North Atlantic Council ("The Ottawa Declaration"), 19 June 1974*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26901.htm?
13. Mockli D. *European Foreign Policy during the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Europe*. L., 2009.

Н.С. Малышева
Идентичность региональных организаций
(на примере МЕРКОСУР)*

Интерес исследователей к вопросу о том, каким образом формируется общая региональная и институциональная идентичность, возник сравнительно недавно [1, 2, 3]. Региональная идентичность, исследуемая, главным образом, на примере европейской интеграции, подразумевает разделяемую гражданами стран-участниц солидарность в отношении друг друга и в отношении региональных институтов, чувство общности в рамках регионального объединения. Институциональная же идентичность подразумевает позиционирование региональной организации как самостоятельного, целостного актора, взаимодействующего с окружающим миром и отстаивающего свои интересы. Таков, в частности, подход А. Оэлснер, которая утверждает, что совокупность основных идей, целей и интересов, которую участники приписывают определенному институту, в конечном итоге обретает особую идентичность, в результате чего институты становятся самостоятельными акторами, способными озвучивать свои собственные интересы. Без такой способности региональные институты утрачивают жизнеспособность и возможность действовать как социальный субъект. Просчеты в конструировании региональной идентичности также могут сказаться на «акторности» организации — способности регионов оказывать воздействие на окружающую среду [4].

Каким образом формируется идентичность региональных организаций? Процесс ее формирования зависит от трех факторов — роли политических лидеров, иницирующих процесс интеграции, наличия одного или нескольких государств-лидеров, способных влиять на форму, задачи, структуру создаваемой организации; а также характер взаимодействия как стран-участниц друг с другом, так и самой региональной организации с внешней средой. Представление об идентичности региональной организации складывается путем анализа официальных документов, заявлений, выступлений, в которых отражены принимаемые решения и обязательства — как на уровне самой организации, так и на уровне стран-участниц.

В то время как лидерами европейской интеграции являлись Франция и Германия, в МЕРКОСУР интеграционные процессы возникли на основе договоренностей Аргентины и Бразилии в 1980-е годы. Институциональная идентичность МЕРКОСУР в экономической сфере

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

наиболее явно выражается в самом его названии — Общий рынок стран Южного конуса. Приоритет экономической интеграции был также обозначен в рамках двусторонних переговоров Аргентины и Бразилии, предшествовавших созданию самой организации, а также Асунсьонском договоре 1991 г., поставившем задачу создания общего рынка на основе свободного перемещения товаров, капитала, рабочей силы и услуг [5]. Довольно скоро страны-участницы преуспели в создании таможенного союза, введя в 1995 г. единый внешний таможенный тариф; вплоть до 1998 г. росла и динамика внутрирегиональной торговли. Однако валютно-финансовые кризисы в странах-участницах, произошедшие в конце 1990-х — начале 2000-х гг., привели к обесцениванию национальных валют и снижению интеграционного потенциала МЕРКОСУР. Результатом стало введение таможенных пошлин во взаимной торговле и односторонние изменения ставок единого внешнего тарифа. Экономический спад повлек за собой критику неолиберальной экономической политики, проводимой странами региона на протяжении 1990-х годов, и расхождение взглядов участников на будущее организации [6]. За сохранение таможенного союза выступала Бразилия, в то время как Парагвай и Аргентина придерживались идеи создания зоны свободной торговли. В итоге модель интеграции была подвергнута ревизии и в настоящее время характеризуется противоречивыми чертами: с одной стороны, участники предприняли немало усилий для преодоления экономической асимметрии и несовершенства институтов в МЕРКОСУР, о чем свидетельствует, например, создание региональных фондов для поддержки малого и среднего предпринимательства, подписание в 2010 г. Таможенного кодекса и др. С другой стороны, главная цель организации — формирование общего рынка — так и остается недостижимой. А. Оэлснер определяет это как проявление кризиса идентичности МЕРКОСУР, возникшего из-за расхождения коллективной и институциональной идентичностей [4]. Однако отметим, что в данном случае уместно говорить об ослаблении именно экономического аспекта идентичности данной организации. Другая составляющая идентичности МЕРКОСУР — приверженность демократии, — не только не ослабевала со временем, но еще более усиливалась.

Демократический «профиль» будущей организации определили Декларация Игуасу 1985 г., Программа экономической интеграции и сотрудничества 1986 г. и Договор интеграции, сотрудничества и развития 1988 г. В Декларации Игуасу президенты Аргентины и Бразилии заявили о том, что процессы демократизации на континенте должны привести к большому сближению и интеграции между народами реги-

она, и что двусторонние отношения между Бразилией и Аргентиной будут примером такого сотрудничества [7].

Демократия как неотъемлемый атрибут организации была также обозначена в Протоколе Ушуайя 1998 года, который официально подтвердил важность демократии и верховенства закона в МЕРКОСУР. Этот протокол стал непосредственной реакцией стран-участниц на попытку государственного переворота в Парагвае в 1996 году. Еще одним документом стал Протокол Монтевидео о согласии с демократическими принципами МЕРКОСУР от 2011 г., после чего, как считает А. Оэлснер, принцип демократии утратил значимость для стран-участниц, поскольку исчезли и явные угрозы демократическим режимам [4]. Однако есть основания не согласиться с таким мнением. В 2012 г. после импичмента «левого» президента Фернандо Луго в Парагвае МЕРКОСУР временно приостановил членство этого государства в организации, сочтя процедуру импичмента неконституционной. Одновременно с этим МЕРКОСУР принял в свои ряды Венесуэлу, что ранее было невозможно из-за вето Парагвая. В 2017 г., в свою очередь, было временно приостановлено и членство Венесуэлы. Как пояснялось в официальном заявлении стран МЕРКОСУР по этому поводу, членство приостановлено до тех пор, пока правительство Николаса Мадуро не выпустит из тюрем всех политзаключенных, не распустит созданное им Национальное учредительное собрание и не восстановит демократический порядок в стране [9].

Таким образом, демократия представляет собой основополагающий принцип «акторности» МЕРКОСУР в процедуре приема и временного исключения своих участников. Принцип демократии лежит в основе и межрегионального взаимодействия МЕРКОСУР. Так, в Рамочном соглашении о межрегиональном сотрудничестве МЕРКОСУР и ЕС оба объединения заявляют о своей «полной приверженности содержанию и принципам Устава ООН и демократическим ценностям, верховенству закона и поощрению и уважению прав человека» [10].

В то же время это можно воспринимать не как кризис идентичности, а как временное отсутствие у МЕРКОСУР «акторности», компенсируемое активным включением организации в трансрегиональные связи. За последние несколько лет МЕРКОСУР преуспел в заключении соглашений о свободной торговле с Перу (2005 г.), Израилем (2007 г.), Египтом (2010 г.), Палестиной (2011 г.), Ливаном (2014 г.), а также Южноафриканским таможенным союзом (2008 г.). После затяжных переговоров продолжительностью в двадцать лет, в 2019 г. было заключено соглашение о зоне свободной торговли между МЕРКОСУР и ЕС [11].

Благодаря заключению соглашений о создании зон свободной торговли организация смогла сохранить своего рода «акторность», поскольку это не только поддерживало авторитет МЕРКОСУР на международной арене, но и свидетельствовало о его способности к самоорганизации и преодолению внутренних разногласий стран-участниц.

Таким образом, идентичность МЕРКОСУР включает три измерения: политическое, экономическое и внешнее. Политическое измерение сосредоточено вокруг принципа демократии, противопоставляемого авторитарному прошлому латиноамериканских стран. Экономическое измерение отражено в названии организации — Общий рынок стран Южного конуса. Однако тот факт, что общий рынок до сих не достигнут, ставит под сомнение способность МЕРКОСУР влиять на его членов и указывает на явное несоответствие. Наконец, внешнее измерение — внешние связи стран Южного конуса, показывает, как участие в трансрегиональных связях и переговоры с другими региональными институтами могут содействовать сплочению участников организации и укреплению региональной идентичности.

Литература

1. Hettne B. Beyond the “New” Regionalism // *New Political Economy*. 2005. No. 10. P. 543–571.
2. Кузнецов Д.А. Возможности формирования комплексного подхода к исследованиям региональной интеграции и трансрегионализма // *Мировая политика*. 2019. № 1. С. 1–13.
3. Cabalero Santos S. Identity in MERCOSUR: Regionalism and Nationalism // *Global Governance*. 2015. Vol. 21. No. 1.
4. Oelsner A. The Institutional Identity of Regional Organization, or Mercosur’s Identity Crisis // *International Studies Quarterly*. 2013. Vol. 57. No. 1.
5. The Treaty of Asuncion. URL: <https://www.worldtrade-law.net/document.php?id=fta/agreements/mercosurfta.pdf>
6. Воловик Н.П., Изряднова О.И. Развитие Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР) // *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 6. № 7.
7. Declaração de Iguazu. URL: https://web.archive.org/web/20070622045515/http://www2.mre.gov.br/dai/b_argt_256_733.htm
8. Campos G. From Success to Failure: Under What Conditions Did Mercosur Integrate? // *Journal of Economic Integration*. 2016. Vol. 31. No. 4.

9. Страны МЕРКОСУР приняли решение о приостановке членства Венесуэлы в блоке. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4464611>

10. Interregional Framework Cooperation Agreement the EC and Mercosur, 1999. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ar14013>

11. ЕС и МЕРКОСУР договорились. URL: <https://ru.euro-news.com/2019/06/29/eu-and-mercosur-reach-trade-agreement>

П.Г. Нелюбин
Между нихондзинрон и религией Запада:
проблема идентичности японских христиан
периода Мэйдзи

«Христианский век» в Японии (1549–1639 гг.), закончившийся кровавой бойней христиан в Симабаре и самоизоляцией страны, в целом не столь кардинально повлиял на характер нации и не изменил образ жизни японцев, за исключением какурэ-кириситан (тайных христиан), которые выжили на западе Кюсю и сохраняли свою веру в условиях подполья. Но христиане взяли реванш в период Мэйдзи (1868–1912 гг.). Во второй половине XIX в., под мощным военным и дипломатическим давлением и в результате внутреннего кризиса, который привел к краху сёгуната Токугава, Япония открыла свои порты, а затем и всю страну для торговли с внешним миром и проведения реформ, а также для христианских миссионеров. Лидирующее место «конкурента в культуре», принадлежавшее Китаю, занял Запад. Японские ученые и мыслители получили прямой доступ к западной литературе и могли знать о том, что именно очарованные «экзотикой» японской культуры западные исследователи писали о них. Эти события привели к обострению националистических настроений внутри страны. Новый «Христианский век» начался в 1873 г., когда были окончательно отменены так называемые «антихристианские» указы. В отличие от первого Христианского века, который был католическим, теперь именно протестанты, особенно американские миссионеры, обратились к молодым японским интеллектуалам (в основном самурайского происхождения) раннего Мэйдзи. Многим из них христианство казалось неким воплощением конфуцианства [1, р. 347]. Однако христианство, по мнению некоторых японских исследователей, пришло в Японию «не для обогащения местной культуры, а для ее вытеснения» [2, р. 15]. Фактически христианство само по себе несло идею противостояния традиционным японским ценностям, провоцируя подъем

националистических настроений в японском обществе. Тем не менее христианство, как и прочие религиозные культуры, тоже начало приспособливаться к нарастающей в эпоху Мэйдзи волне национализма. Период Мэйдзи в Японии изобилует значительными переменами в обществе, и далее будет показано, как некоторые из этих перемен повлияли на восприимчивость японцев к различным проявлениям религиозной деятельности, в частности — к христианству.

Данная тема слабо изучена, так как основное внимание уделяется положению японских христиан в середине XX в., а периоду Мэйдзи незаслуженно отдается роль «предыстории». Однако эта проблема может быть интересна для исследователей, изучающих период Мэйдзи, а также представляет серьезный интерес для науки, в особенности для востоковедения, истории и культурологии.

Информация для написания данной работы была почерпнута из научных и научно-популярных трудов японских исследователей, поддерживающих идеи нихондзинрон, а также трудов, критикующих их.

Любая попытка, какой бы скромной она ни была, раскрыть проблему идентичности японцев (в том числе и японских христиан) периода Мэйдзи должна учитывать дебаты вокруг литературы о нихондзинрон («теории об уникальности японцев»). Если рассматривать нихондзинрон как националистическую теорию, то ее истоки следует искать еще в XVII–XVIII вв. Тогда в Японии зародилось культурное движение кокугаку, последователи которого отстаивали самобытность японской культуры и говорили о необходимости уйти от китайского культурного влияния. Именно на идеи кокугаку ссылались впоследствии первые теоретики нихондзинрон.

Нихондзинрон посвящено большое количество работ как японских, так и западных авторов, исследующих японскую культуру и национальную самобытность, акцентирующих внимание на ее отличительных чертах по сравнению с культурами других народов, в первую очередь — западных. Часто литература о нихондзинрон уравнивает понятия «самобытность» и «уникальность» в отношении японцев, а в крайних случаях приводит доводы в пользу превосходства японской культуры над всеми остальными. Согласно большинству таких исследований, японская культура однородна в гармонична¹, содержит в себе уникальные модели невербального общения и ставит акцент на принятии коллективных решений на основе консенсуса [3, р. 151]. Это контрастирует с индивидуализмом и разобщенностью внутри западного общества (в широком смысле). При этом литература, посвященная ни-

---

¹ Имеется в виду ва (和). Это понятие в японской культуре, связанное с гармонией внутри какой-либо социальной группы.

хондзинрон, подразумевает, что это не образец социальных отношений, который может быть скопирован другими культурами, и это связано не только с уникальностью японцев, но и с природой японского языка, который «слишком трудно понять большинству не-японцев» [4, р. 17]. С позиции этих исследований, японскую культуру часто преподносят в качестве уникальной и даже превосходящей весь остальной мир.

На литературе, посвященной нихондзинрон, следует остановиться более подробно. Ее можно разделить на две категории. К первой мы отнесем «радикальные» работы, полностью поддерживающие постулаты нихондзинрон. Ко второй — «умеренные» работы, опирающиеся на исторические факты.

Среди наиболее известных произведений, которые можно отнести к первой категории, можно выделить «Хризантему и меч» Р. Бенедикт, «Япония как номер один» Э. Фогеля, «Японское общество» Т. Наканэ, «Анатомия зависимости» и «Анатомия личности» Д. Такео, а также «Японцы и евреи» И. Бен-Дасана. Следует отметить, что некоторые из этих книг пользовались большим влиянием на Западе и не все ученые относят их к той же категории, что и некоторые популистские материалы, нацеленные на внутренний рынок Японии. Однако даже некоторые книги ученых кажутся рассчитанными на широкую и, возможно, неакадемическую аудиторию, и не всегда содержат научный аппарат сносок и библиографии. Они часто представляют довольно «плоскую» картину японской культуры, не принимая во внимание социальное, региональное и даже этническое разнообразие, которое действительно существовало и существует в Японии. Возможно, из-за этого, но в основном потому, что содержание таких книг вызывает отклик у многих японцев, эти работы хорошо продавались и часто переиздавались [5, р. 52].

Эти книги и идеи, которые в них проповедуются, вызвали серьезную критику. Что касается второй категории, сейчас активно издается литература, направленная на борьбу с нихондзинрон, которая ставит под сомнение как методологию (или ее отсутствие), так и утверждения авторов нихондзинрон. Критика обычно направлена на то, чтобы доказать, что японское общество не так однородно, как представляется, что «гармония» не является чем-то естественным для японцев, а вместо этого существует значительное ограничение свободы личности, и что «консенсус» редко бывает подлинным консенсусом. Так, например, Н. Нисикава, критикуя «Хризантему и меч» Бенедикт, пишет: «Местное территориальное разнообразие не принимается во внимание, и в результате Япония изображается как страна, в которой долгое время су-

ществовали однородная нация и неизменная культура» [6, р. 247]. П. Дейл, говоря о культуре японцев, замечает «преобладание внешнего мира социально обусловленных норм над волевой и эмоциональной сферой индивида» [7, р. 112], а К. Хеншолл отмечает: «то, что внешне кажется сбалансированной гармонией и консенсусом, часто оказывается не более чем случаем, когда младшие подчиняются старшим» [8, р. 149].

С другой стороны, некоторые авторы-сторонники нихондзинрон осознают опасность стереотипных утверждений. Например, Э. Хамагути, утверждая, что японское «я» — это «я», основанное на отношениях, и что «коллективизм» является фундаментальным аспектом японского общества, замечает, что это не говорит о том, что личность человека полностью отсутствует. «Тот факт, что между участниками отношений может развиваться спонтанное сотрудничество, не означает, что человек в такой системе настолько встроен в организацию, что полностью теряет свою автономию» [9, р. 299]. В работе, посвященной принцу-регенту Сётоку, С. Хаяси и Ю. Курода, в части, касающейся нихондзинрон, настаивают на том, что ва (гармония) является «центральной нормой японской культуры» [4, р. 123] и «Японцы... будут пытаться приспособить [новые идеи извне общества] к своей традиционной модели двусмысленности и релятивизма, установленной еще в седьмом веке» [4, р. 137], в то же время результаты этого исследования показывают, что на самом деле очень мало аспектов японского общества можно квалифицировать как «однородные» [4, р. 53]. Другими словами, они действительно предполагают, что ключевые аспекты современного японского общества могут быть прослежены от утверждений конкретной исторической личности, правившей более 1300 лет назад и, по сути, не изменились, что делает их работу типичным образцом нихондзинрон. Тем не менее она не соответствует стереотипному образцу литературы нихондзинрон, поскольку в ней предпринимается попытка выдвинуть аргументы, основанные на серьезных доказательствах, которые стоит принять во внимание. Безусловно, с некоторым скептицизмом следует отнестись к интерпретации таких данных, а не к самим данным. Японское общество действительно может соответствовать многим аспектам, на которые авторы-сторонники нихондзинрон обращают внимание, но интерпретировать их можно по-разному. «Вознаграждение за консервативное поведение, склонность к бунту, принимающая ритуальные формы, и к поглощению инакомыслия не должны объясняться аргументами сторонников нихондзинрон как «национальный характер»: их можно рассматривать как реакцию на тревожность и напряжение, создаваемые современностью и работой

системы, которая искренне ценит стабильность не как ложное сознание, а как реальную опору ее представления о себе» [10, р. 130].

Тот факт, что литература, пропагандирующая нихондзинрон, при всех ее очевидных слабостях, оказалась настолько популярной, сам по себе имеет большое значение для освещения некоторых аспектов японской идентичности. Возможно, эти теории нашли отклик у многих японцев, поскольку темпы их взаимодействия с остальным миром увеличились. Таки Т. Лебра замечает: «Чувство собственной культуры у человека проявляется или обостряется, когда он соприкасается с... другой [культурой]. Так сложилось исторически, что японцы активизируются в вопросах самоидентификации и провозглашении того, кем они являются, по мере усиления их контактов с внешним миром» [11, р. 263]. Этот факт может иметь особое значение при рассмотрении вопроса об обращении в «западную» веру, истоки которой лежат за пределами Японии.

Следует отметить, что некоторые из противников теории нихондзинрон, похоже, также допускают необоснованную критику. К примеру: «японцы не более молчаливы, чем любая другая нация... Западные люди также не особо болтливы» [7, р. 113]. Как можно доказать или опровергнуть подобное утверждение?

Стоит признать, что в литературе, посвященной нихондзинрон, есть слабые места и многие из постулатов, например, об уникальности японцев, которые часто преувеличиваются, и о японском превосходстве над другими, которые неудобно граничат с нацизмом, можно не принимать во внимание. Однако само существование таких широко распространенных взглядов нельзя упускать из виду.

Нихондзинрон является продуктом реакции Японии на международную политическую ситуацию и влияние глобализации. Когда путь «вестернизации» был единственным способом выжить в качестве нации, японцы стремились создать свою собственную идентичность среди «передовых» народов. В этом процессе христианство, особенно протестантизм, пришедший в XIX в., оказали не столь ощутимую поддержку. В отличие от стран Латинской Америки, которые были колонизированы еще в XVI в. и быстро стали католическими, христианская религия не предлагала японцам очевидных причин для ее принятия: она оставалась религией абсолютного другого, во многом чуждого Запада. Христианство не стало «универсальной ценностью», идеологическим конструктом, способным содействовать модернизации Японии. Такой ценностью стал комплекс кокутай («тело нации»), сторонники которого настаивали на некоей неразрывной связи между японским императором и его подданными, которая формирует «тело

нации». Позднее понятие кокутай стало распространяться на все, что японцы считали уникальными чертами своей нации, как: религия (синтоизм), государственное устройство, воинский дух (бусидо) и т. п. [12, р. 421]. Как видим, в отличие от христианства, комплекс кокутай не противоречит идеям нихондзинрон, а гармонично подкрепляет их. Как бы то ни было, христианство слишком приспособилось к условиям государства, чтобы оставаться в критической оппозиции идеологии кокутай, кокутай был мифическим телом нации под властью Императора, идеологией ультранационализма.

Принимая во внимание приведенные выше аргументы, японцев, идентифицирующих себя как «христиан» в Японии периода Мэйдзи, можно разделить на два типа: христиане, настроенные националистически и христиане, выступающие против национализма.

Что касается первого, то некоторые японские богословы пытались развить некое «японское христианство», которое, однако, не получило широкого распространения. Известный проповедник Утимура Кандзо (1861–1930) был убежден, что японский христианин должен стать независимым от западной опеки [13, р. 323]. Христианский национализм Утимуры, который принял форму независимого и нецерковного движения, был в оппозиции как к государственному национализму, так и к христианскому сектантству. Однако, даже несмотря на свою относительно «про-японскую» позицию, он пострадал от националистической реакции, кульминацией которой стал «Имперский рескрипт об образовании», провозгласивший императора священным и неприкосновенным. В 1891 г. Утимура, тогда преподававший в школе, был обвинен в предательском презрении к императору, поскольку он сделал легкий поклон вежливости вместо глубокого поклона, требуемого на специальной церемонии чтения «Императорского рескрипта», и был уволен.

Еще одним ярким примером такого «христианства» можно считать религию какурэ-кириситан. Адаптация христианства к религиозной культуре Японии привела к появлению «кириситанизма», синкретической религии, включающей в себя элементы христианства, буддизма, синтоизма и местных верований, имеющей как явные сходства, так и заметные отличия от традиционного католицизма. Вероятно, это результат гонений на христианство в течение 250 лет, но, в то же время, это закономерный результат «попытки иностранной религии пустить корни на японской земле» [14, р. 147]. Данный феномен, в свою очередь, может выступать в качестве яркого примера «нихондзинрон». В настоящее время этот тип христианства присутствует среди новых религий (недавно появившихся синкретических религиозных институ-

тов) или «новых» новых религий, в которых некоторые элементы христианства сосуществуют с японскими мифами или анимизмом [15, p. 43].

Второй тип — преобладал среди приверженцев «традиционных» христианских конфессий [16, p. 215]. Мы выделим два подтипа внутри этой группы: какурэ-кириситан, вернувшиеся в лоно католической церкви после «Второго открытия Японии» и «новые» католики-японцы, крещенные миссионерами. Несмотря на некоторые различия между данными подтипами, их объединяла общая характеристика — потребность в духовном общении со Святым Престолом, что делало их некими «агентами влияния» с точки зрения японских властей. Нельзя отрицать, что этот тип японских христиан был связан с националистическими настроениями в меньшей степени (в период Мэйдзи подавляющее число католических священников были европейцами).

Таким образом, литература, опирающаяся на идеи нихондзинрон и претендующая на то, чтобы быть антропологическим исследованием идентичности японцев, на самом деле является проявлением национализма и реакции на глобализацию перед лицом западного колониализма. Мы попытались выделить критические замечания в отношении нихондзинрон и его взаимоотношений с христианством в Японии. Подобная критика дает полезную перспективу для понимания идентичности японских христиан периода Мэйдзи.

Литература

1. Howes J.F. Japanese Christians and American Missionaries. Princeton, 1982.
2. Caldarola C. Cristianity: The Japanese Way. Leiden, 1979.
3. Doi T. The Anatomy of Self. Tokyo, 1988.
4. Hayashi C., Kuroda Y. Japanese Culture in Comparative Perspective. CT, 1997.
5. Befu H. Hegemony of Homogeneity. Melbourne, 2001.
6. Nishikawa N. The Interpretations of Japanese Culture. Kyoto, 2001.
7. Dale P. The Myth of Japanese Uniqueness. L., 1986.
8. Henshall K. Dimensions of Japanese Society — Gender, Margins and Mainstream. London, 1999.
9. Hamaguchi E., Kumon S., Creighton M. A Contextual Model of the Japanese: Towards a Methodological Innovation in Japan Studies // Journal of Japan Studies. 1985. №11 (2).
10. Clammer J. Japan and Its Others. Melbourne, 1995.
11. Lebra T. The Japanese Self in Cultural Logic. Honolulu, 2004.

12. Klaus J.A. Shinto und die Konzeption des Japanischen Nationalwesens, Kokutai. Leiden, 1998.
13. Atsushro A. Uchimura and the Bible in Japan. Oxford, 2011.
14. Scalapinp R.A. The Foreign Policy of Modern Japan. Berkeley, 1977.
15. Mullins M.R. Christianity Made in Japan: A Study of Indigenous Movements. Honolulu, 1998.
16. Jennes J. A History of the Catholic Church in Japan. Tokyo, 1973.

Г.З. Папашвили
Сравнительный анализ формирования идентичности
гонконгцев и тайваньцев в условиях
колониального правления

В условиях происходящих в мире социально-политических процессов одной из актуальных проблем становится формирование идентичности в связи со стремлением локальных этнических групп к национальной и этнической самоидентификации. Необходимо учитывать многогранность понятия «идентичность», которое в случае жителей Гонконга и Тайваня имеет различные трактовки в научной литературе. Так, например, Я. Чжун в своей статье [1] говорит об отрицании тайваньцами своей принадлежности к китайской нации, но о соотношении их с ней в этническом и культурном плане. Жоу-Лань Чэнь отмечает формирование новой этнической идентичности тайваньцев в условиях смены социально-политических контекстов, когда размывается их исконная этническая принадлежность [2]. В статье Мин-Ли Яо [3] высказывается мысль о формировании национальной идентичности тайваньцев посредством символической трансформации китайского культурного наследия, когда тайваньцы предстают в качестве «воображаемого сообщества». В статье Сиу-Лун Чоу и Кин-Ва Фу выявляется различие между двумя группами жителей Гонконга – «гонконгцами» и теми, кто соотносит себя с китайцами на материке. В статье Кевина Тзе-Вай Вонга [4] противопоставляются друг другу национальная и локальная идентичность жителей Гонконга и констатируется доминирующая роль последней.

Прежде всего необходимо отметить, что Тайвань, в отличие от Гонконга, неоднократно подвергался колонизации (а, соответственно, и внешнему влиянию) до оккупации его Японией в 1895 г. по условиям Симоносекского договора [5]. Степень и значение этого влияния для последующего формирования идентичности тайваньцев в период японского колониального правления (1895–1945 гг.) и после него, без-

условно, требует детального изучения и является предметом отдельной научной работы. Колониальный период в истории Гонконга начался в 1842 г., когда его территория перешла под управление Британской империи, и завершился передачей его под юрисдикцию КНР в 1997 г.

Чтобы перейти к рассмотрению и сравнительному анализу формирования идентичности жителей Гонконга и Тайваня в колониальный период, необходимо дать краткую характеристику населения двух островов.

Население Тайваня в XIX в. имело весьма неоднородный состав. На острове, по различным данным, сосуществовали четыре группы населения: 1) аборигенное население – «дикари» (их еще называли «неотесанные туземцы»), обитавшие в глубине острова и на его восточном побережье. Аборигены делились на несколько племен, каждое из которых для общения использовало собственный диалект, имевший частичное сходство с малайским языком. Часть из них, вероятно, мигрировали с Филиппинских островов, часть с Малайского (Малаккского) полуострова, другие – с японских островов и с острова Борнео (Калимантан); 2) пинг-пу-ван (англ. Ping-oo-hwans) – аборигены, проживающие на плоскогорьях, примыкающих к побережью острова, которые в результате постоянного контакта с этническими китайцами частично переняли манеру их поведения и некоторые обычаи (что нередко приводило даже к смешанным бракам), однако отличались некоторой простотой и наивностью, чем китайцы активно пользовались; 3) хакка (кант. 客家, букв. чужеземцы) – коренные жители Шаньдунского полуострова в северной части материкового Китая, которые постепенно мигрировали в южную часть страны и на прилегающие к ней территории (в т.ч. и на Тайвань). Для общения они использовали исключительно собственный диалект, поэтому проживали обособленно; 4) этнические китайцы (ханьцы) – переселенцы из провинции Фуцзянь в материковом Китае, находившиеся под властью губернатора этой провинции и обосновавшиеся преимущественно в западной и северной частях Тайваня [6–9]. Следует подчеркнуть, что ханьцы составляли большинство населения острова, начиная с 1683 г., когда Тайвань был оккупирован маньчжурами и стал частью территории имперского Китая.

Гонконг до 1842 г. являлся отдаленной частью Цинской империи, население которой состояло из представителей уже упомянутой этнической группы хакка, а также кантонцев (англ. Puntis), которые, подобно первым, говорили на собственном диалекте (кантонский) и проживали отдельно от представителей других народностей. Так, в XIX в.

население Тайваня, по сравнению с населением Гонконга, имело более пестрый этнический состав, в котором количественное преимущество было у ханьцев. В Гонконге подавляющее большинство населения составляли кантонцы.

Сравнение путей формирования идентичности гонконгцев и тайваньцев в колониальный период невозможно без учета того, что цели оккупации колонизаторами (британцами и японцами) территорий Гонконга и Тайваня существенно отличались. Британской империи территория Гонконга представлялась значимой с геостратегической точки зрения, поскольку остров Гонконг был окружен группой более мелких островов, расположение которых, с одной стороны, не позволяло вражеским военным кораблям пройти мимо них, а с другой – давало возможность китайским джонкам отрезать Гонконг от коммуникации с внешним миром [10]. Наличие гавани также сыграло свою роль. Как подчеркнул в 1846 г. бывший глава британского Министерства торговли Уильям Гладстон, «...оккупация Гонконга Британской империей преследовала исключительно интересы тех, кто вовлечен в торговлю с Китаем. Нет иной необходимости превращать его в морскую или военную базу, кроме как для обеспечения безопасности торговых операций» [11]. Так, остров выступал в качестве торгового и оборонительного форпоста Британской империи в Азии.

Япония рассматривала остров Тайвань с позиции расширения территории, которая, помимо прочего, включала в себя большое количество освоенных и неосвоенных плодородных земель, а также неразработанных месторождений угля и золота [12].

После колониальной оккупации Тайваня в 1895 г. японское правительство, в соответствии с Симоносекским договором, предоставило населению острова возможность в течение двух лет сделать выбор: остаться и приобрести статус подданных Японии или же покинуть остров. Часть жителей острова, несогласных с положением вещей, предпочла оставить свой дом и отправиться на поиски лучшей жизни. Однако некоторые из несогласных, которые предпочли остаться, пополнили ряды повстанцев, оказывавших активное сопротивление оккупации, которое, правда, продлилось недолго. Уже 22 октября 1895 г. войска повстанцев вынуждены были сдаться, когда японская армия захватила столичный город Тайнань, а 8 февраля 1896 г. окончательно подавила сопротивление, восстановив полный контроль над островом [13, 14]. Следует отметить, что восстания на Тайване всегда были частым явлением из-за непрекращающихся вооруженных столкновений между аборигенным населением и Цинскими властями [15].

Сразу после оккупации Тайваня и подавления восставших японское правительство сосредоточилось на проведении политики японизации населения Тайваня (яп. 同化dōka – ассимиляция). Эта политика подразумевала, в первую очередь, трансформацию образа жизни и культуры тайваньцев. Учреждение японцами различного рода учебных заведений стало отправной точкой формирования их идентичности в рамках политики ассимиляции. Большинство преподавателей в школах говорили исключительно на японском языке, поскольку он приобрел статус государственного и национального для тайваньцев. Это существенно усложнило процесс обучения для большей части тайваньских школьников в первые годы существования колонии. Также в первое десятилетие японского правления были открыты начальные школы для японских детей, на которые в совокупности приходилось 60 учителей и 2000 учеников. Для коренных жителей Тайваня было построено 130 начальных школ, при этом на одну школу приходилось в среднем по 4 учителя. Позже были открыты медицинская и языковая школы, а также институт повышения квалификации преподавателей [16]. Так, образовательная политика с самого начала японского правления на Тайване демонстрировала некоторое неравенство коренных тайваньцев и японцев, вопреки заявлениям последних об уважении тайваньского образа жизни и ценностей.

В начале XX в. в Китае активизировались реформистские и революционные элементы, начался подъем националистического движения, отголоски которого были слышны и на Тайване. Эти события спровоцировали рост антияпонских настроений на острове и сопутствующие им подстрекательства к беспорядкам со стороны тайваньцев, недовольных японским правлением и вдохновленных доктриной Сунь Ятсена. Однако многие из тех, кто проживал в малых и крупных городах Тайваня, напротив, стали приспосабливаться к существованию в условиях колониального правления японцев и усваивали их образ жизни. Они передвигались на велосипедах, активно пользовались современными технологиями (телефонами и услугами почтовых отделений), носили современные прически, а также традиционную японскую одежду и обувь. Тайваньский язык также претерпел большие изменения, обогатившись выражениями-комбинациями японских и европейских слов [17]. В глазах китайцев Тайваня остров был довольно безопасным для жизни местом.

Некоторое влияние на формирование идентичности тайваньцев оказал и стиль городского строительства, основанный на архитектуре, свойственной японским реалиям: только за 15 лет японского правления город Тайбэй, являвшийся административным центром японского

колониального правительства на Тайване, приобрел вид японского Токио – его пронизывала сеть оживленных улиц, расположенных перпендикулярно относительно друг друга, по всему городу располагались жилые строения в восточном стиле, – как правило, одноэтажные, – при этом не менее заметным было влияние современной для того периода архитектуры, нашедшей отражение в ряде домов европейского стиля [18].

С момента провозглашения Японией политики ассимиляции (*dōka*) в отношении Тайваня и до 1937 г. японское правительство неоднократно заявляло, что эта политика направлена на обеспечение равенства прав и свобод всех жителей острова, однако фактически дискриминация в отношении коренного населения сохранялась. Например, тайваньцы не имели права занимать высокопоставленные должности в правительстве, а их работа оплачивалась в разы ниже, чем труд японцев. Подобное отношение к коренным жителям Тайваня вынудило местную элиту сформировать альтернативные варианты национальной идентичности в противопоставление навязываемой японцами. Всего выделяют четыре типа национальной идентичности тайваньцев в этот период: 1) считающие, что Тайвань должен освободиться от японского господства при помощи Китая и впоследствии снова стать его частью; 2) полагающие, что тайваньцы ничем не отличаются от ханьцев в материковом Китае и ожидающие освобождения от японского господства со стороны Китая; 3) и, напротив, ратовавшие за отчуждение от Китая и взятие курса на сохранение тайваньского языка и культуры. Отдельно выделяют тех, кто призывал бороться за независимость путем революции.

Немаловажным фактором формирования идентичности тайваньцев в колониальный период стали также средства массовой информации – местные газеты и радиостанции, использовавшиеся японцами для политической, культурной и иной пропаганды, в т.ч. политики ассимиляции и связанного с ней курса на расширение территории Японии, а также и тайваньцами – для отстаивания собственной идентичности. Так, например, самой крупной официальной газетой являлась *Taiwan Daily News*. На ее страницах, в начальный период существования Тайваня как колонии (1908–1920 гг.), публиковалась информация по отдельным направлениям колониальной политики, в т.ч. о политике администрации по развитию инфраструктуры острова, а также обсуждалось и поощрялось «улучшение» культуры тайваньцев. В разделе освещения событий и в передовых статьях всячески восхвалялась жизнь тайваньцев под управлением Японии, говорилось о важности распространения японского языка на Тайване, налаживании торговых

связей острова с Японией и т.д. Частная газета Taiwan People's News (1923–1937 гг.) публиковала материалы, направленные на противостояние японскому колониальному режиму (в т.ч. содержащие критику политики ассимиляции), в которых отстаивалась необходимость использования письменного китайского языка и важность сохранения связей между Тайванем и Китаем. Газета пользовалась большой популярностью у ханьской части населения острова. Китайскоязычные страницы газеты были написаны на так называемом «тайваньском китайском языке», который отличался от мандаринского диалекта китайского языка (широко используемого в материковом Китае) тем, что он включал в себя слова, фразы и грамматику из разговорного тайваньского языка, а также из японского. Что касается тайваньских радиостанций, большинство из них находилось в руках японцев, поэтому японское правительство использовало их как инструмент внедрения японского языка в разговорную практику тайваньских ханьцев, включая учащиеся школ, посетителей храмов и общественных собраний. В годы Второй мировой войны, когда японские войска несли огромные потери и нуждались в людских ресурсах, появилась необходимость трансляции большего количества передач на тайваньском языке, поскольку 43% жителей Тайваня в те годы не владели японским языком. С этой целью была создана отдельная радиостанция [19].

Переходя к рассмотрению факторов, повлиявших на формирование идентичности жителей Гонконга в колониальный период, следует сказать, что его оккупация Великобританией, в первую очередь, имела целью превратить остров в опорный пункт иностранной торговли в Азии, поскольку при нем имелась гавань, в которой при различных погодных условиях могли пришвартоваться любые торговые судна [20].

После перехода Гонконга под управление Британской империи в 1842 г. колонисты столкнулись с проблемой коммуникации с китайским населением и отсутствием локальной элиты, на которую можно было бы опираться при управлении колонией. Британцы вынуждены были полагаться на неавторитетных членов китайского сообщества. Кроме того, в первые годы в колониальном правительстве было достаточно много некомпетентных служащих, не имевших управленческих качеств [21]. Трудности создавала и финансовая зависимость колониальной администрации от субсидий Казначейства Ее Величества. Так, администрации колонии потребовалось, по меньшей мере, тридцать лет, чтобы сформировать основу для взаимодействия с местным китайским населением и приобрести финансовую самостоятельность.

Это позволило Гонконгу к концу 1870-х гг. стать автономно управляемым аванпостом Британской империи.

В течение первых лет существования Гонконга как колонии отношения между британцами и китайским населением складывались не лучшим образом, что, в частности, отражалось на развитии системы образования. В 1840–1860-х гг. в этой сфере проявляли инициативу, главным образом, протестантские и католические миссионеры. Обучение требовало огромных усилий и денежных вложений. В миссионерских школах, таких как Колледж Св. Павла (англ. St. Paul's College), детям прививали традиции христианской семьи и христианские ценности, давали необходимые для жизни знания и навыки [22].

Первые светские учебные заведения в Гонконге начали открываться в начале 1860-х гг. Среди них были правительственные и частные начальные школы. Самой первой из правительственных школ стала Центральная школа (англ. Government Central School), директором которой был назначен д-р Фредерик Стюарт, с 1862 г. осуществлявший надзор за работой правительственных школ в колонии. Согласно его отчету о положении дел в области образования, несмотря на то что количество обучающихся в Центральной школе постепенно возрастало, из 14 тыс. гонконгских детей, имевших достаточный возраст для получения школьного образования, лишь 1,87 тыс. по факту посещали школы. Остальные дети росли в неблагоприятных условиях, не получая должного воспитания, и впоследствии становились пиратами или уличными преступниками. Поэтому позиция Стюарта заключалась в том, чтобы принудить всех китайских детей посещать школу. Также он выразил некоторые сомнения в качестве традиционного китайского образования, подчеркнув, что оно не нацелено на развитие совокупных умственных способностей и понимание смысла выученного материала, а лишь на тренировку памяти [23].

Развитие ситуации в сфере образования в 1870–1880-е гг. достаточно подробно отражено в отчетах д-ра Айтеля, инспектора по работе школ в Гонконге, сменившего на этом посту Ф. Стюарта. По его словам, в начале 1880-х гг. количество учащихся правительственных школ (включая светские и религиозные) составило 4,37 тыс., а концу десятилетия это число увеличилось в 2,2 раза. Кроме того, к 1889 г. функционировало 107 частных школ, не получавших государственной поддержки, в которых обучались 2 тыс. детей. Существовала также Полицейская школа (с 477 обучающихся) и Римско-католический реформаторий (с 72 воспитанниками). В процессе обучения стал больше использоваться английский язык, поскольку уровень владения им у выпускников оценивался как недостаточно высокий. Вместе с тем Ай-

тель констатировал крайне низкий уровень образования китайцев, подчеркивая необходимость обучения не только мальчиков (что для правительства всегда являлось делом первой важности), но и девочек. Так, данные отчетов свидетельствуют о возрастании в Гонконге числа начальных учебных заведений, количества их посещающих, а также затрат правительства на развитие образования в колонии [24–26].

Одним из значимых событий в жизни гонконгцев стало открытие Гонконгского университета 11 марта 1912 г. Основу для его создания заложил губернатор Гонконга в 1907–1912 гг. Фредерик Лугард, который отмечал, что основание университета явилось следствием желания побудить китайских студентов получать ученые степени по стандарту равных присваиваемым в европейских и, в особенности, американских университетах. Обучение китайских студентов велось в соответствии с идеалами, определявшими истинного британского джентльмена [27–28]. В течение последующих десятилетий университет претерпел ряд трансформаций и фактически стал локомотивом развития высшего образования в Гонконге.

Так, образовательная деятельность британцев в Гонконге в первые годы его существования как колонии не имела правительственной поддержки и осуществлялась преимущественно миссионерскими организациями. Некоторая системность в образовательной политике появилась с момента открытия в Гонконге первой правительственной школы в 1862 г. В последующие десятилетия с переменным успехом происходило развитие системы образования, сопровождавшееся корректировкой образовательного процесса, открытием новых школ и колледжей. Немаловажную роль сыграл Гонконгский университет, определивший вектор развития высшего образования в колонии.

Необходимо отметить, что существуют и другие факторы, оказавшие влияние на национальное самоопределение гонконгцев, впоследствии приведшие к формированию у них колониального менталитета, оставившего след в их самосознании [29].

Таким образом, пути формирования идентичности гонконгцев и тайваньцев в колониальный период имеют больше различного, чем общего. Принадлежность территорий Гонконга и Тайваня Китаю обусловлена исторически, однако этнический состав населения двух островов в рассматриваемый период существенно отличался. Различие целеполагания колониалистов в отношении оккупации островов Гонконга и Тайваня нашло свое отражение в формировании идентичности населения двух островов. Заинтересованность Японии в расширении своей территории определила ее целенаправленную политику по превращению коренных жителей Тайваня в японских подданных путем

трансформации их образа мысли и культурного кода. Политика в области образования также работала на выполнение этой цели. Так, совсем не удивительной представляется ответная реакция части тайваньского общества, направленная на защиту своей исконной идентичности. Тем не менее японцы все же достигли некоторых успехов за счет политики ассимиляции – к концу периода японского правления на Тайване японским языком овладели более половины жителей острова. Многие из них успешно адаптировались к жизни в условиях колонизации, фактически идентифицировав себя с японцами.

Британская империя в отношении Гонконга имела, прежде всего, коммерческий интерес, но необходимость управления колонией заставила британцев предпринимать шаги, направленные на взаимодействие с китайским населением острова, включая создание системы начального и высшего образования с преподаванием преимущественно на английском языке. Судя по всему, более длительный период колониального правления в Гонконге (в сравнении с аналогичным на Тайване) обусловил более содержательную политику в области образования, включавшую обучение и воспитание в русле британских традиций с привнесением в коммуникативную практику гонконгцев английского языка, ставшего впоследствии государственным, наряду с китайским.

С учетом всего вышесказанного, можно утверждать, что колонизация как явление, так или иначе, оставляет свой отпечаток в историческом развитии того или иного общества, порой оказывая существенное влияние на национальную самоидентификацию его членов в постколониальный период.

Литература

1. Zhong Y. Explaining National Identity Shift in Taiwan // *Journal of Contemporary China*. 2016. Vol. 25. Iss. 99. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10670564.2015.1104866?scroll=top&needAccess=true>

2. Chen R-L. Taiwan's Identity in Formation: in Reaction to a Democratizing Taiwan and a Rising China // *Asian Ethnicity*. 2013. Vol. 14. Iss. 2. URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631369.2012.722446>

3. Yao M. The Symbolic Construction of Taiwanese National Identity: The Cultural Discourse of National Heritage at Lukang Lung-Shan Temple // *Heritage & Society*. 2017. Vol. 10. Iss. 3. URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2159032X.2018.1556035?scroll=top&needAccess=true>

4. Tze-Wai Wong K., Zheng V., Wan P-S. Local Versus National Identity in Hong Kong, 1998–2017 // *Journal of Contemporary Asia*. 2020. URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00472336.2020.1799235>

5. Treaty of Shimonoseki. Article 2 (b) / Taiwan Documents Project. URL: <http://taiwandocuments.org/shimonoseki01.htm>

6. The Island of Formosa. Its Aborigines and Its Immigrants // *London St. James Gazette*. 1895. 19 Apr. URL: <https://newspaperarchive.com/london-st-james-gazette-apr-19-1895-p-4/>

7. News by Mail. Concerning Formosa // *London and China Telegraph*. 1895. 4 Jun. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-jun-04-1895-p-14/>

8. The Island of Formosa // *New York Times*. 1876. 3 Sep. URL: <https://search.proquest.com/docview/93525545/FABC07A992504EF5PQ/12?accountid=30386>

9. A Visit to the Island of Formosa // *The North-China Herald*. 1855. 21 Apr. URL: <https://search.proquest.com/docview/1324917425/FABC07A992504EF5PQ/14?accountid=30386>

10. Hong Kong // *Sangamo Journal*. 1841. 4 Jun. URL: <https://newspaperarchive.com/sangamo-journal-jun-04-1841-p-2/>

11. Colonial Hong Kong. From the China Mail of May 21 // *London Daily News*. 1846. 25 Jul. URL: <https://newspaperarchive.com/london-daily-news-jul-25-1846-p-4/>

12. The Island of Formosa: Chinese Possession Which Has Many Undeveloped Sources of Prosperity // *New York Times*. 3 Sep. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/island-formosa/docview/95162907/se-2?accountid=30386>

13. The Japanese in Formosa // *London and China Telegraph*. 1895. 28 Oct. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-oct-28-1895-p-24/>

14. Formosa // *London and China Telegraph*. 1896. 17 Feb. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-feb-17-1896-p-3/>

15. Contemporary Chat // *London Mid Surrey Times and General Advertiser*. 1894. 4 Aug. URL: <https://newspaperarchive.com/london-mid-surrey-times-and-general-advertiser-aug-04-1894-p-7/>

16. Japan's Work in Formosa // *London and China Telegraph*. 1904. 3 Oct. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-oct-03-1904-p-6/>

17. Ferguson D. Formosan Chinese // Chinese Recorder and Missionary Journal. 1909. Vol. 40. №9. P. 494–496. URL: <https://archive.org/details/chineserecord-er40lodwuoft/page/494/mode/2up?q=Formosan>
18. The City of Taipeh // London Standard. 1910. 26 Mar. URL: <https://newspaperarchive.com/london-standard-mar-26-1910-p-3/>
19. Hsu C-J. The Construction of National Identity in Taiwan's Media, 1896–2012. Leiden. 2014. P. 15–31.
20. The News from China // Patriot. 1841. 12 Apr. URL: <https://newspaperarchive.com/patriot-apr-12-1841-p-2/>
21. The Government of Hong Kong // London Daily News. 1846. 30 Apr. URL: <https://newspaperarchive.com/london-daily-news-apr-30-1846-p-6/>
22. China // Patriot. 1851. 19 May. URL: <https://newspaperarchive.com/patriot-may-19-1851-p-10/>
23. Hong Kong // London and China Telegraph. 1866. 14 May. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-may-14-1866-p-4/>
24. Hong Kong // London and China Telegraph. 1878. 19 Aug. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-aug-19-1878-p-4/>
25. Education in Hong Kong // London and China Telegraph. 1882. 4 Sep. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-sep-04-1882-p-9/>
26. Education in Hong Kong in 1889 // London and China Telegraph. 1890. 8 Aug. URL: <https://newspaperarchive.com/london-and-china-telegraph-aug-08-1890-p-5/>
27. British Culture in the Far East: Sir F. Lugard And A University Scheme // The Manchester Guardian. 1910. 14 Sep. URL: <https://search.proquest.com/historical-newspapers/british-culture-far-east/docview/475131398/se-2?accountid=30386>
28. University History. The Early Years // The University of Hong Kong. URL: <https://hku.hk/about/university-history/the-early-years.html>
29. Папашвили Г.З., Курныкин О.Ю., Тажиева М.Н. Британское влияние как фактор формирования современной идентичности гонконгцев // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6. С. 46–50. DOI: 10.14258/izvasu(2020)6-07. URL: <http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282020%296-07>

А.М. Савоськин
**Резня в Сребренице 1995 года в освещении бошняцкой
и сербской сторон**

Печально известные события времён Боснийской войны, произошедшие в июле 1995 года в городе Сребреница, вошли в историю под названием «Резня в Сребренице». Сам по себе этот факт демонстрирует отношение международного сообщества к данному инциденту. Однако объективность подобного восприятия часто ставится под сомнения различными исследователями и представителями сербской стороны. Боснийская же сторона, наоборот, зачастую говорит о преуменьшении числа жертв в официальной статистике и настаивает на пересмотре и дальнейшем преследовании причастных к данным событиям сербов. Так или иначе, Резня в Сребренице признаётся самым массовым убийством в Европе со времён Второй мировой войны [1]. Официальная статистика говорит о не менее чем 8 тысячах убитых боснийских мусульман, подавляющее большинство из которых являлись мужчинами [2]. Официальные власти современной Республики Сербской признали ответственность за совершённые убийства [3]. В 2010 году сербская скупщина также принесла извинения за массовое убийство, однако отказалась от упоминания этого инцидента как геноцида [4].

Геноцид, согласно определению ООН, – действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую [5]. Подходят ли под это определение действия Войска Республики Сербской в июле 1995 года? Именно этот вопрос становится ключевым в процессе обсуждения этих событий. И несмотря на признание факта убийства гражданского населения, сербская сторона (как Республика Сербская, так и Сербия) отрицает факт геноцида.

Разбирательства по итогам трагических событий продолжались вплоть до 2017 года, однако вряд ли хоть одна из сторон осталась довольна итогом работы международного трибунала. Тема геноцида боснийских мусульман становится камнем преткновения в диалоге между двумя сторонами, препятствуя, наряду с множеством похожих факторов, диалогу между двумя некогда мирно сосуществовавшими народами. Особенно остро это обстоятельство проявляется внутри современного трёхсоставного боснийского общества.

Для понимания контекста необходимо кратко упомянуть о сути произошедшего в Сребренице и о его значимости для сложившейся военной и политической обстановки в регионе. Сребреница до Боснийской войны являлась преимущественно мусульманским (в югославском, т.е. этническом, а не конфессиональном понимании этого

слова) городом, в котором численность боснийцев-мусульман доходила до 75% населения [6]. В начале войны город был захвачен сербскими войсками, однако позднее был отбит формированиями под командованием Насера Орича. С 1993 года Сребреница фактически была в осаде. В попытке урегулирования ситуации, по инициативе Совета Безопасности ООН Сребреница стала зоной безопасности, что, однако, практически не изменило фактического положения осаждённого мусульманского города. Июль 1995 г. воспринимался сербской стороной как решающий момент в процессе дальнейшего урегулирования конфликта в свою пользу, а потому сербские вооружённые части предприняли массированное наступление на мусульманские территории. Другой важной предпосылкой наступления на Сребреницу стали действия вышеупомянутого Насера Орича и других бошняцких¹ отрядов, активизировавших свои нападения на сербских военных и окрестные сербские сёла.

Наступлению сербов стремились помешать силы НАТО, но в своих намерениях они были скованы угрозой уничтожения находящихся на территории Сребреницы голландских миротворцев. Однако размещение в городе миротворческого гарнизона не остановило наступление сербов. Выход голландцев из города превратил Сребреницу в яркий пример неэффективности действий ООН на Балканах в момент вооружённого конфликта.

Так или иначе, Сребреница была в короткие сроки и без особого сопротивления взята силами ВС Республики Сербской. Дальнейшие события до сих пор достаточно противоречиво подаются различными сторонами, однако в целом, по итогам многочисленных расследований, подавляющая часть международного сообщества и МТБЮ (Международный трибунал по бывшей Югославии) в частности считают их проявлением геноцида.

Данное событие предредило судьбу самопровозглашённой Республики Сербской и её генералов. Крайнее осуждение со стороны официальных лиц и общественности многих стран привело не только к снижению дипломатического веса сербской делегации на последующих переговорах в Дейтоне, но и к военной операции сил НАТО против сербских войск уже в августе 95-го.

Дейтонские соглашения, в свою очередь, были призваны не только принести мир в Боснию, но и попытаться претворить в жизнь один из

---

¹ Используя слово «бошняки» в данной статье, автор имеет в виду этническое происхождение (также может использоваться наименование «боснийцы-мусульмане»). Слово «боснийцы» обозначает национальную принадлежность в гражданском понимании, и может включать в себя как бошняков, так и сербов.

наиболее противоречивых экспериментов государственного строительства. Босния и Герцеговина с 1995 года – фактически весьма напоминает конфедерацию, с существующими в стране двумя этнотематами, сербским (Республика Сербская) и мусульманско-хорватским (Федерация Боснии и Герцеговины). На территориях этих двух образований де-факто существуют независимые друг от друга законы, валюта, номерные знаки и т.д. По итогам Дейтонского мира, функции контроля над государством были переданы в руки уполномоченных представителей от ООН – Верховных представителей, назначаемых с 1997 года и имеющих полномочия превосходящие полномочия членов президиума Боснии и Герцеговины [7].

Главной задачей миростроительства в Боснии становится стабилизация общественно-политической структуры общества и сглаживание острых этнических противоречий. Особый статус в этом контексте приобретала Сребреница, которая в представлении Европы должна была стать символом долгожданного мира в Боснии. Город, формально являющийся частью Республики Сербской, фактически был передан под управление Сараево. Стоит отметить, что это противоречило представленным ранее принципам национальной политики в регионе, особенно учитывая тот факт, что демографическая картина в муниципалитете изменилась как раз из-за событий 1995 года [6].

На данный момент большинство исследователей склонны говорить о несостоятельности планов ООН в Боснии, и в Сребренице в частности. Нет никаких оснований полагать, что этнические противоречия между сербами и бошняками сходят на нет. Постоянные апелляции обеих сторон к эпизодам военного времени являются наиболее ярким подтверждением этого предположения.

Тема геноцида регулярно упоминается в различных СМИ и не перестаёт быть актуальной для простого населения Боснии и Герцеговины [8; 9]. Работа МТБЮ была завершена совсем недавно и нельзя говорить о том, что её итоги были встречены однозначно. Таким образом, эпизоды, подобные Сребренице, являются объектом современной политики памяти не только в Боснии и Герцеговине, но и на всём постюгославском пространстве в целом.

Одним из наиболее спорных моментов в диалоге о Сребренице остаётся количество жертв. Мнение бошняцкой стороны в данном вопросе во многом совпадает с официальной версией, говорящей об около 8000 человек, убитых в результате насильственных действий военных Республики Сербской [10]. Сербская же сторона, вполне закономерно, сообщает о завышенной оценке числа жертв и принадлежности большей их части к военным отрядам Армии БиГ [11]. Так или иначе,

произвести подсчёт оказывается невероятно трудно в связи со спецификой гражданской войны в Боснии. Инциденты с убийством гражданского населения были повсеместными и регулярными с обеих сторон, и почти в каждом населённом пункте можно было найти определённое количество погибших в результате кровавых разборок на руинах бывшей югославской республики.

Тем не менее некоторые из множества комиссий так и не признали события в Сребренице как геноцид. В частности, Независимая международная комиссия по изучению пострадавших народов в районе Сребреницы за период с 1992 по 1995 год говорит о нескольких сотнях погибших гражданских и 5 тысячах уничтоженных военных 28-й Дивизии Армии Боснии и Герцеговины [12]. Вероятно, события июля 1995-го станут предметом дальнейших расследований различных комиссий и впрямь, ведь каждая из сторон настаивает на подлинности собственной версии.

В контексте данного спора важным является установление факта присутствия на территории Сребреницы вооружённых формирований боснийских мусульман. В частности, речь идёт об отряде Насера Орича. Согласно резолюции 824 СБ ООН [13], на территориях, являющихся зонами безопасности, не должно быть никаких вооружённых формирований, кроме собственно миротворцев. Однако о присутствии на территории города Насера Орича и его бригады, являвшихся частью регулярных войск Армии БиГ, свидетельствует множество предшествующих июлю 1995 г. событий. В частности, об этом в процессе суда говорил Радислав Крстич, один из главных обвиняемых в Гаагском трибунале [14]. Важными были показания Филиппа Морийона, французского генерала, занимавшего пост командующего силами ООН в Боснии в 1992-1993 гг. С его слов, резня в Сребренице была спровоцирована действиями Орича, бригада которого квартировалась как раз в Сребренице [15]. Орич, с его слов, устраивал вооружённые набеги на окрестные сербские сёла, причём делал это в православные праздники. По мнению генерала, «Младич, по сути, попал в Сребренице в ловушку. Он ожидал встретить сопротивление, но его не было. Он не ожидал, что произойдет резня, но он полностью недооценил количество ненависти, которая накопилась (в рядах солдат ВРС – прим. автор). Я не верю, что он управлял массовыми убийствами, но я не знаю наверняка. Это мое личное мнение». Таким образом, суть самого инцидента кардинально меняется, и мы имеем дело с военной операцией сербских военных против мусульманских вооружённых формирований. Морийон не отрицал факт уничтожения невиновных гражданских лиц, однако акцентировал внимание на том, что операция в Сребренице не

была спланированным актом геноцида и не координировалась командованием.

Подобная «оправдательная» для сербов точка зрения также достаточно распространена среди сербских [11] и просербских авторов, среди которых, в частности, достаточно и российских исследователей, к примеру Е.Ю. Гуськова [16].

Однако подавляющая часть экспертов, в особенности западных, трактует произошедшее в Сребренице именно как геноцид. На увековечивание памяти жертв направлена достаточно широкая мемориальная кампания. Наиболее крупные мемориальные процессы происходят ежегодно на кладбище в Поточари, где помимо непосредственно могил существует масштабный мемориальный комплекс, в котором указаны имена 8732 человек. Вопросами памяти жертв Сребреницы занимается множество фондов, как боснийских, так и европейских, и мировых. По итогам событий в Сребренице снято множество документальных и художественных фильмов, выпущено несколько мемуаров свидетелей тех событий.

Интересна позиция мировой общественности. Не все страны однозначно признают инцидент в Сребренице как геноцид. В частности, российская сторона в 2015 году заблокировала резолюцию СБ ООН, в которой действия сербской стороны в Сребренице классифицировались как геноцид [17].

Особенно остро вопрос о Сребренице обсуждается в политической среде Республики Сербской. Часто к этой теме апеллирует нынешний член президиума БиГ от РС Милорад Додик, недавно выступивший с комментарием к вышеозначенному отчёту независимой комиссии: «Это наша правда об этих событиях. Мы принимаем отчет, хотя это совсем непросто для сербской стороны, ведь в нём говорится о том, как отдельные безответственные люди совершали преступления. Преступления действительно там происходили, но за них уже вынесли приговоры» [18]. Подобные заявления вполне в духе бывшего президента Республики Сербской, однако на фоне предыдущих лет, когда данную тему старались не поднимать, слова Додика выглядят как вызов европейскому сообществу, которое, по всей видимости, является последним интересантом в вопросе сохранения Боснии и Герцеговины в привычном состоянии.

Господствующие тенденции в оценке событий тех лет, безусловно, в большей степени соответствуют мнению боснийской стороны. Мнение о том, что события в Сребренице не являлись геноцидом, всё ещё считается несколько маргинальным в экспертной среде, несмотря на достаточно объёмный перечень аргументов сторонников подобной

точки зрения. Несомненно, многие из транслирующих подобное мнение имеют за собой определённую политическую заинтересованность, однако нельзя отрицать и тот факт, что существующая доказательная база с обеих сторон достаточно противоречива, а потому позиция сомневающихся в столь однозначных трактовках данных событий имеет под собой определённое основание. Несмотря на то, что подобные дискуссии лишь подогревают и без того сложные отношения внутри Боснии и Герцеговины, для уточнения истины необходимо снятие запрета на определённые точки зрения, даже если в конечном итоге они могут не соответствовать реальности.

Одной из главных причин маргинализации подобной точки зрения является историческая политика различных причастных к ситуации акторов, проявляющаяся в первую очередь в трансляции безальтернативной точки зрения через различные инструменты влияния: СМИ, систему образования, кинематограф и литературу. Другим не менее важным фактором является запрет на законодательном уровне отрицания событий в Сребренице как геноцида, существующий в Боснии и Герцеговине [19]. Выяснение всех подробностей произошедшего в Сребренице в 1995 г. потребует немало времени, учитывая, что современные реалии в Боснии и Герцеговине не благоприятствуют установлению объективных фактов.

Литература

1. Secretary-General Kofi Annan's Message to the Ceremony Marking the Tenth Anniversary of the Srebrenica Massacre in Potocari-Srebrenica, 2005. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2005/sgsm9993.doc.htm>
2. ICTY. Case No. IT-98-33-T Prosecutor v. Radislav Krstic. URL: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf>
3. Otvaranje najmračnije stranice // VREME, 01.07.2004 URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=384060>
4. Сербский парламент извинился за массовое убийство в Сребренице // Лента.Ру URL: <https://lenta.ru/news/2010/03/31/apology/>
5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Резолюция 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml
6. Mulacic M. Ethnic Cleansing, Genocide and Demographic Changes in Bosnia and Herzegovina. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/733639>

7. Brljavac B. Civil Society in Bosnia – Obstacle or Opportunity?
URL:
https://www.researchgate.net/publication/303939313_Civil_society_in_Bosnia_-_obstacle_or_opportunity
8. 26. godišnjica genocida u Srebrenici. // Radio Slobodna Evropa BiH. URL: <https://ba.voanews.com/a/bih-srebrenica-godisnjica-genocid-komemoracija-ukop/5961422.html>
9. Kolumna Vildane Selimbegović: Crnogorska lekcija o Srebrenici. // Istraga. URL: <https://istraga.ba/kolumna-vildane-selimbegovic-crnogorska-lekcija-o-srebrenici/>
10. Report about Case Srebrenica: the First Part. URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/documents/srebrenica.pdf>
11. Genocid u Srebrenici nikad nije dokazan. // Novosti.rs. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/dosije/aktuelno.292.html:456578-Genocid-u-Srebrenici-nikad-nije-dokazan>
12. Concluding Report of the Independent International Commission of Inquiry on Suffering of All People in the Srebrenica Region between 1992 and 1995. URL: <https://incomfis-srebrenica.org/>
13. Резолюция Совета Безопасности ООН №824 (1993). URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/824\(1993\)](https://undocs.org/ru/S/RES/824(1993))
14. ICTY. Case No. IT-98-33-T Prosecutor v. Radislav Krstic. URL: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf>
15. ICTY. Case No. IT-02-54-T Prosecutor v. Slobodan Milosevic. URL: https://www.icty.org/x/cases/slobodan_milosevic/trans/en/040212ED.htm
16. Эксперт: события в Сребренице не имеют ничего общего с геноцидом // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20150709/1123082201.html>
17. Россия заблокировала резолюцию Совбеза ООН по Сребренице // BBC News. Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150708_un_srebrenica_russia
18. Милорад Додик приветствовал выводы международной комиссии: «Перед словом «Сребреница» не может стоять «геноцид», потому что его не было» // Балканист. URL: <https://balkanist.ru/milorad-dodik-privetstvoval-vyvody-mezhdunarodnoj-komissii-pered-slovom-srebrenitsa-ne-mozhet-stoyat-genotsid-potomu-chto-ego-ne-bylo/>
19. Высокий представитель ООН по БиГ ввел запрет на отрицание геноцида в Сребренице. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11974575>

Н.Ю. Самойлов

Особенности формирования региональной идентичности и политика памяти в Северной Ирландии (1998–2020 гг.)

Уличные погромы и беспорядки весны 2021 года вновь актуализировали североирландскую проблему [1]. Длившаяся три десятилетия острая фаза конфликта уже позади, но установившееся в конце 1990-х годов равновесие остается хрупким. Сохраняющаяся напряженность вместе с рядом других особенностей делают североирландский кейс уникальным в контексте изучения региональной идентичности и политики памяти. Во-первых, особенность данного региона заключается в том, что Северная Ирландия до недавнего времени являлась спорной территорией, на которую претендовали два государства. Только по итогам подписанного в 1998 году Белфастского соглашения (также именуемого Соглашением Страстной пятницы), в конституцию Республики Ирландия были внесены поправки, подтверждающие ее отказ от притязаний на территорию Северной Ирландии [2]. Во-вторых, в самой Северной Ирландии проживают несколько больших этноконфессиональных групп, различных как в религиозном (католики, протестанты), так и в этническом плане (потомки шотландцев, ирландцев, валлийцев, англичан). Коллективная память данных групп зачастую связана с историей тех государств (Великобритании или Ирландии), с которыми они отождествляют себя. Это ведет к различной, зачастую диаметрально противоположной трактовке общих исторических событий — не только тех, что произошли в течение последних тридцати лет, но и происходивших ранее. История взаимоотношений ирландцев и британцев трудна и неоднозначна, и значительную роль в ней на протяжении столетий играл религиозный фактор. Необходимо отметить, что, хотя многочисленные социологические и междисциплинарные исследования [3; 4; 5] показывают корреляцию между национальной самоидентификацией и конфессиональной принадлежностью населения Северной Ирландии, ставить знак равенства между ними нельзя. Так, большинство тех, кто идентифицирует себя как ирландца, являются приверженцами католичества. Однако среди них встречаются и протестанты, и последователи других конфессий, а также атеисты [6, р. 41]. Кроме того, в силу особенностей проживания населения в регионе, преобладание той или иной конфессиональной и национальной идентичности может сильно меняться от района к району — например, в расположенных на северо-востоке районах (Мид-энд-Ист-Антрим, Козуэй-Кост-энд-Гленс и ряде других) доминирующей идентичностью является британская. При этом в части центральных и западных районов (Дерри-энд-Страбан, Мид-Алстер, расположенный на

юго-востоке район Ньюри, Морн-энд-Даун) — ирландская. При этом часть населения региона идентифицирует себя не как британцев, а как англичан, валлийцев или шотландцев. Стоит при этом отметить, что в 2015 году в Северной Ирландии была проведена административная реформа, в ходе которой произошло преобразование двадцати шести прежних районов в одиннадцать более крупных.

Говоря об идентичности, стоит отметить возраст как фактор ее формирования. В Северной Ирландии регулярно проводятся переписи населения, в которых собирается подробная статистика в том числе по возрастам. Так, согласно переписи 2011 года, 25% участвовавших выбрали в качестве своей идентичности ирландскую. При этом в разных возрастных группах процент людей, выбравших данный вариант, был различным. Например, в возрастной группе от 0 до 34 лет как «ирландцев» себя определили 53% респондентов, в то время как в старшей возрастной группе (65 лет и старше) выбравших данный вариант было лишь 10% [7]. Североирландскую идентичность указал 21% жителей региона (отметим, что выбрать при анкетировании североирландскую идентичность стало возможно только с 1989 года). Таким образом, формирование некой общей идентичности, явно преобладающей над остальными, является на настоящий момент невозможным. Процент жителей региона, выбирающих ирландскую или британскую идентичность, остается стабильно высоким. Североирландскую идентичность, с того момента как ее стали включать в опросные листы, стали выбирать чаще [8, р. 60–62], но к настоящему времени она не является преобладающей в регионе.

На формирование региональной идентичности в Северной Ирландии влияют особенности восприятия прошлого, сложившиеся коммеморативные практики. Острая фаза конфликта, традиционно именуемая в Великобритании как «The Troubles» (на русский язык иногда переводится как «Смута» [9]), заняла несколько десятилетий, с конца 1960-х годов до конца 1990-х годов. За это время появились на свет несколько поколений, а жертвами конфликта стали более трех тысяч человек [10]. Восприятие кровавых событий прошлого жителями Северной Ирландии соотносится с «дробной» структурой населения региона. Тяжелым и неудобным для Великобритании является вопрос об актах насилия со стороны британского государства. Наиболее известным из них стал расстрел британскими военными 30 января 1972 года безоружных демонстрантов во время марша в городе Лондондерри (Дерри) — «Кровавое воскресенье» (англ. Bloody Sunday). В то же время трагическим спутником конфликта стали террористические акты, похищения и убийства, осуществлявшиеся Ирландской республи-

канской армией (равно как и ее многочисленными ответвлениями). При этом обоюдное насилие совершалось и различными группировками так называемых лоялистов и националистов — сторонников и противников сохранения Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. Все это говорит о наличии общего прошлого, изобилующего темными страницами, но различного настоящего, в котором у каждой из сторон есть своя правда. В этой ситуации Лондон стремится взять под контроль формирование политики памяти в регионе. По мнению исследователей Патриции Ланди и Марка Макговерна, проводимая Великобританией политика памяти заключается в намеренном замалчивании роли британского государства в совершавшемся насилии, в продвижении воспоминаний об определенных жертвах конфликта и предоставлении права голоса определенным очевидцам событий [11, р. 4].

Таким образом, политику Великобритании можно охарактеризовать как «политику забвения». Цель данной политики заключается в сохранении существующего порядка вещей и обеспечения стабильности в регионе. Таким образом, Великобритания стремится создать и закрепить непротиворечивый нарратив, в котором бы обходились острые углы, связанные в основном с действиями британских вооруженных сил и спецслужб. Однако в формировании исторической памяти большую роль в Северной Ирландии играет не только Великобритания. Значительную роль в формировании у населения Северной Ирландии представлений о прошлом играют негосударственные акторы. К их числу относятся структуры гражданского общества (как те, что существовали до 1998 года, так и те, что были созданы по итогам подписанного Соглашения Страстной пятницы). К числу акторов, формирующих политику памяти, можно отнести кинематографистов, музыкантов [12], и даже самих жителей региона. Так, одним из символов противостояния идентичностей и представлений о прошлом в Северной Ирландии является монументальная настенная живопись — мураль (англ. mural). Произведения, чьи авторы порой остаются неизвестными, предлагают свое видение истории региона, героев и злодеев многолетнего конфликта [13]. Наиболее известными художниками является трио «The Bogside Artists», чьи работы можно увидеть на стенах домов в городе Лондондерри (Дерри) [14]. Примечательно, что произведения настенной живописи, сохраняющие память о жертвах британских вооруженных сил [15] и прославляющие сторонников объединения Северной Ирландии с Республикой Ирландия [16] не уничтожаются муниципальными органами власти, и даже при капитальном ремонте здания остаются нетронутыми — как, например, настен-

ное изображение, именуемое “The Petrol Bomber. Battle of the Bogside” («Бомбометатель с зажигательной смесью. Битва за Богсайд») [17]. Это свидетельствует не только об уважении ко всем сторонам конфликта, но и о том, что уничтожение подобных объектов коммеморации способно спровоцировать всплеск недовольства и насилия.

Отличительной чертой проводимой Великобританией в Северной Ирландии политики исторической памяти является частое создание комиссий по установлению правды (с 1974 года их было создано более 10). При этом, в отличие от некоторых стран, в которых подобные комиссии создавались после смены политического режима, Северная Ирландия продолжает быть составной частью Соединенного Королевства — за прошедшие десятилетия политика Великобритании в отношении Северной Ирландии претерпевала эволюцию, но смены политического режима (как, например, в ряде стран Восточной Европы после антикоммунистических революций) не произошло. По мнению упоминавшихся П. Ланди и М. Макговерна, работы подобных комиссий вряд ли способны закрыть вопрос о том, кто является правой и неправой стороной конфликта. Скорее, работа комиссий является дестабилизирующей для региона. Ни одна из сторон, подписавших Соглашение Страстной пятницы, не настаивала на создании комиссии по расследованию прошлого [11, р. 6]. Это говорит о том, что история конфликта изобилует трагическими событиями, вину за которые несут все стороны. Вместе с тем желание родственников жертв установить правду привело к созданию независимых от государства групп и комиссий, которые стали широко распространенными в середине 1990-х годов. Работа таких групп включает не только расследование обстоятельств гибели и установления виновных, но и акции памяти, обращение в судебные инстанции.

Конфликт в Северной Ирландии представляется крайне сложной проблемой, не имеющей решения, которое бы удовлетворило все стороны. С одной стороны, победа коммеморативной политики Лондона позволила бы снизить остроту конфликта и решила бы одну из главных проблем — наличие множества противостоящих друг другу мнений и неприятие позиций противоборствующей стороны. В перспективе это свело бы вероятность нового кровопролития к минимуму. С другой стороны, установление «единой правды» о прошлом неизбежно ведет к появлению списка утвержденных героев и жертв конфликта, стиранию воспоминаний о вине одной из сторон, что нельзя считать справедливым с исторической точки зрения. Является ли потенциально возможная победа единого взгляда на прошлое необходимым злом,

которое предотвратит новое насилие в регионе — дискуссионный вопрос, на который на данный момент нет однозначного ответа.

Говоря о перспективах проводимой Великобританией «политики забвения», стоит учитывать ряд факторов, которые ставят ее успешность под сомнение. Во-первых, это сохраняющееся внимание к истории конфликта за границами региона, не только в Республике Ирландия, но и в странах, где существуют большие ирландские общины. Так, в 2019 году стала бестселлером и получила большое внимание прессы (в том числе ряд престижных наград от ведущих изданий США) книга американского писателя и журналиста-расследователя Патрика Раддена Киффа «Не говори ничего: правдивая история убийства и памяти в Северной Ирландии» (англ. *Say Nothing: A True Story of Murder and Memory in Northern Ireland*) [18]. Во-вторых, животрепещущим и спорным является вопрос об амнистии заключенных, виновных в совершенных преступлениях в период конфликта. В-третьих, хронологическая близость событий обуславливает их злободневность. И в-четвертых, активность негосударственных комиссий и групп (некоторые из них сотрудничают с региональными политическими партиями, а также национальными неправительственными и межгосударственными организациями) по освещению событий конфликта и действий, в частности, британских вооруженных сил, в ближайшее время не позволит предать забвению многие трагические события конфликта. Таким образом, создание непротиворечивого исторического нарратива, который бы удовлетворил все стороны, представляется в настоящее время невозможным. Как следствие, появление доминирующей идентичности в регионе также выглядит маловероятным.

Литература

1. Northern Ireland Unrest: Why Has Violence Broken Out? The Guardian View // The Guardian. 8.04.2021. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/apr/08/northern-ireland-unrest-why-violence-broken-out>

2. Good Friday Agreement (Belfast Agreement) 1998. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/136652/agreement.pdf

3. Moxon-Browne E. National Identity in Northern Ireland, 1991. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/othelem/research/nisas/rep1c2.htm#chap2>

4. Northern Ireland Statistics and Research Agency Census 2001. Religion. Table KS07a. URL: <https://www.ninis2.nisra.gov.uk/public/PivotGrid.aspx?ds=8460&lh=73&yn=2001&sk=135&sn=Census%2001&yearfilter=>

5. Northern Ireland Statistics and Research Agency Census 2011. Religion. Table KS211NI. URL: <https://www.ninis2.nisra.gov.uk/public/PivotGrid.aspx?ds=7478&lh=73&y n=2011&sk=136&sn=Census%202011&yearfilter=>
6. Northern Ireland Statistics and Research Agency Census 2011. Detailed Characteristics Health, Religion and National Identity. URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/2011-census-results-detailed-characteristics-press-briefing-16-may-2013.pdf>
7. Northern Ireland Statistics and Research Agency Census 2011. National Identity by Age. URL: <https://www.ninis2.nisra.gov.uk/public/census2011analysis/nationalidentity/infographic.aspx>
8. Fahey T., Hayes B., Sinnott R. Conflict and Consensus: A Study of Values and Attitudes in the Republic of Ireland and Northern Ireland. Dublin, 2005.
9. 50 лет с начала ольстерской Смуты. Как Северная Ирландия теперь переживет «брексит»? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49313684>
10. CAIN Web Service. Background Information on Northern Ireland Society — Security and Defence. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/ni/security.htm>
11. Lundy P., McGovern M. The Politics of Memory in Post-Conflict Northern Ireland. *Peace Review*, 13: 1, p. 27–33. 2001. DOI: 10.1080/10402650120038116.
12. Самойлов Н.Ю. Североирландский конфликт в массовой культуре Великобритании и Ирландии (1998–2018 гг.). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17593>
13. CAIN Web Service: A Directory of Murals in Northern Ireland. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/index.html>
14. CAIN Web Service. The Bogside Artists Murals at Derry. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/bogsideartists/murals.htm>
15. CAIN Web Service. «In Memory of Bloody Sunday» Mural. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/bogsideartists/technique/bsunday2.htm>
16. CAIN Web Service. Mural in Memory of Kevin Lynch. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/photos/no2824.htm#photo>
17. CAIN Web Service. «The Petrol Bomber. Battle of the Bogside» Mural Photo. URL: <https://cain.ulster.ac.uk/bogsideartists/mural1>
18. Keefe P.R. Say Nothing: A True Story of Murder and Memory in Northern Ireland. N.Y., 2019.

В.А. Смирнова

**Память о полиомиелите и вакцинах против него в США:
нарративы середины XX века и эпохи ковид-19**

Полиомиелит — полузабытое тяжелое заболевание, вызывающее ограничения мобильности, необратимые параличи и смерти. США (с 1979 года), Россия (с 2002 года), Африканский континент (с 2020 года) имеют статус территорий, свободных от полиомиелита. Между тем всего 70 лет назад ситуация была совершенно иной: в 1952 году в Соединенных Штатах число заболевших составляло 57879 человек, из них 3145 умерли [1]. Смертность от полиомиелита составляла от 2 до 30% в зависимости от возраста [2]. В 1952 году в США число паралитических случаев полиомиелита достигло 21 тыс. [3, с. 1696]. Огромные успехи в борьбе против этой болезни стали возможными благодаря созданию эффективных вакцин от полиомиелита, разработанных в 1950-х гг. в США.

Во время пандемии коронавируса СМИ обратились к истории эпидемий. В газетах было много заметок о пандемии испанского гриппа в 1918–1920 гг. Многие люди старшего поколения в СМИ и социальных сетях делились воспоминаниями об эпидемии полиомиелита. Например, под статьей «Нью-Йорк Таймс» с воспоминаниями о вакцинации от полиомиелита в декабре 2020 года содержится более 5 тыс. комментариев. Эти воспоминания свидетелей той эпохи, наряду с материалами периодической печати тех времен, доступные на сайте Библиотеки Конгресса и в базе данных архивов газет Google стали источниками для настоящей работы. В данной работе нас в меньшей степени интересует история полиомиелита в США и борьбы с ним в целом. Нам гораздо интереснее понять, что помнят о полиомиелите живущие в эпоху ковида люди, сравнить их опыт жизни в ситуации повышенного риска с нынешним.

О серьезности восприятия обществом опасности полиомиелита может свидетельствовать такая цитата: «в 1950-х американцы больше всего боялись двух вещей: атомной бомбы и полиомиелита» [4]. Страх является одним из часто повторяющихся мотивов в воспоминаниях о полиомиелите. Страх родителей за своих детей, страх стать парализованным, страх и грусть при мысли о детях, которые проводят свои последние дни в аппарате «железные легкие» [2] (помогающем дышать, когда дыхательные мышцы пациента слабели).

Атмосфера страха, знакомая нам по пандемии ковида, высокая осведомленность общества о заболевании были обусловлены зримыми проявлениями последствий болезни у друзей и знакомых: многие авторы воспоминаний отмечают, что последствия полиомиелита были

всюду: люди с хромотой, люди в инвалидных креслах, люди с ортезами (скобами) на ногах. Для людей с постковидными состояниями не характерны столь яркие проявления болезни.

Еще одним отличием, влияющим на восприятие заболевания, является степень его опасности для людей разных поколений. По злой иронии судьбы, люди, которые детьми были в группе риска по полиомиелиту, к концу жизни столкнулись с повышенной в силу возраста опасностью умереть от другого, даже более смертоносного вируса. Современные люди готовы принять смерть от ковида людей старшего поколения как нечто, что можно терпеть, поскольку их век все равно подходит к концу (во всяком случае, такую гипотезу можно выдвинуть, исходя из поведения значительного числа людей). С полиомиелитом ситуация была совершенно противоположной, он был опасен прежде всего для детей, особенно в дошкольном возрасте — людей, которых в современной культуре считается необходимым особенно беречь. Впрочем, паралич и смерть могли настичь человека и в зрелом возрасте. Например, американский президент Ф. Рузвельт оказался парализованным ниже пояса в 39 лет.

Если заболеваемость коронавирусной инфекцией идет волнами, то вспышки полиомиелита имели сезонный характер — лето было самым опасным периодом. Современные люди выпускают детей общаться со сверстниками даже в период рекордных подъемов заболеваемости, мотивируя это необходимостью социализации и нормального психического развития и при этом рискуя собой, в случае если дети подхватят инфекцию и зарадят родителей. Во времена вспышек полиомиелита взрослые ограничивали общение детей, ведь они были группой риска. Делившиеся воспоминаниями отмечают, что родители не выпускали их гулять со сверстниками и плавать; однако были и те, кто рисковал: один рассказчик сообщил, как ребенок, не попавший из-за простуды на день рождения друга, избежал полиомиелита, в отличие от всех, кто пришел на праздник [5].

Подобно началу эры ковида, в 1950-х гг. не было четкого понимания, как передается вирус (позже стало ясно, что полиовирус передается фекально-оральным путем). Если предпринимая первые шаги в борьбе с ковидом, власти организовывали обработку поверхностей дезинфицирующими растворами, а граждане обрабатывали дезинфицирующими растворами упаковку товаров, то, судя по воспоминаниям, в городах, где происходили вспышки полиомиелита в 1950-х гг., тоже проводилась санобработка. Только для нее использовались инсектициды, т.к. предполагалось, что инфекцию переносили насекомые. Проезжая такие населенные пункты, люди закрывали окна машин и стара-

лись пореже дышать. Как и в коронавирусную эпоху, в населенных пунктах, где случались вспышки полиомиелита, отменялись массовые мероприятия: кинотеатры, бассейны, бары, церкви были закрыты [6].

Так же как и в случае коронавирусной инфекцией, при заболевании полиомиелитом требовалась строгая изоляция заболевших, даже родители могли говорить с детьми только через стекло. Некоторые пациенты рассказывают о том, что родители добивались права допуска в комнату больного и ухаживали за ним [4]. Многие переносили полиомиелит бессимптомно в детстве и поэтому ко взрослому возрасту значительная часть населения обладала антителами к полиовирусу, поэтому допуск родителей в палату был менее опасной практикой, чем может показаться на первый взгляд.

Полиомиелит, по аналогии с коронавирусной инфекцией, по своим поражающим свойствам был «русской рулеткой»: кто-то переносил заболевание бессимптомно, кто-то – тяжело, а кто-то погибал. Один из делившихся воспоминаниями рассказал, что у его родителей полиомиелитом заболели все пятеро детей, один из которых погиб, сначала потеряв способность глотать, а затем и дышать [4]. При полиомиелите потеря способности дышать самостоятельно обусловлена нарушением связи между дыхательными мышцами и центральной нервной системой.

Полиомиелит мог иметь и долговременные последствия для здоровья людей. Результатом болезни мог стать полный и частичный необратимый паралич, неспособность дышать самостоятельно (люди месяцами жили в аппаратах «железное легкое»), хромота, разная длина конечностей, отдаленные последствия в виде мышечной слабости спустя десятилетия после болезни, в некоторых случаях необходимость болезненных хирургических операций, ношения металлических ортезов на ногах. Вспоминающие отмечают психологические последствия полиомиелита: низкую самооценку из-за хромоты, опущенного угла рта или плохого владения конечностями [7].

Парализованный из-за полиомиелита Ф. Рузвельт купил санаторий в Warm Springs и в 1927 году превратил его в центр реабилитации для детей с полиомиелитом. Центр принимал только белых детей. После протестов против такой дискриминации афроамериканских детей туда так и не пустили, но для них к 1941 году построили отдельный центр [8]. В 1938 году Рузвельт создал Национальный фонд борьбы с детским параличом, который впоследствии финансировал разработку вакцин от полиомиелита. Рядовые американцы пожертвовали в фонд миллионы долларов.

Если сейчас испытания вакцин проводятся исключительно на добровольцах, то в 1950-х гг. многие биоэтические нормы еще не были выработаны. В американской прессе этого периода можно встретить упоминания, что поначалу вакцины испытывались на детях с задержкой в психическом развитии (в случае Г. Хауи [16]), на заключенных (в случае А. Сэбина [9]). Более массовые испытания эффективности и безопасности вакцины Джонаса Солка проводились в 1954 году в США, Канаде, Финляндии с участием 1,6 млн детей.

Вакцина Дж. Солка представляла собой вирус, выращенный на клетках почек обезьян и инактивированный с помощью формалина. В 1955 году вакцину Солка начали массово использовать в США [10], ее также использовали во многих других странах, в том числе в СССР. В первый год массового использования вакцины заболеваемость в США упала почти вдвое (с 28985 кейсов в 1955 году до 15140 случаев в 1956 году). К 1960 году заболеваемость уменьшилась до 3190 случаев. Хотя вакцина и была довольно эффективной, у нее были недостатки, которые не позволяли полностью победить полиовирус [3]. Среди недостатков вакцины Солка называют снижение титров защитных антител через несколько лет после вакцинации, а также большое количество обезьян, которых необходимо было забивать для изготовления вакцины — порядка 1500 для изготовления 1 млн доз [1], кроме того, несмотря на защиту от паралитической формы заболевания, вакцинированные могли инфицироваться полиовирусом и заражать им других [11, с. 6]. Внимание американской прессы привлек инцидент с качеством партии вакцины, произведенной компанией Cutter Laboratories: она содержала живой вирус, который вызывал параличи у привитых [12, с. 8].

Другим направлением исследований были попытки создания вакцин на основе ослабленных штаммов полиовируса, которые имели бы возможность репликации в вакцинированном организме, не поражая при этом центральную нервную систему. Успехов в этом направлении достигли американские ученые Х. Копровский и А. Сэбин. Вакцина А. Сэбина стала особенно популярна после того, как крупномасштабные испытания были проведены в СССР и странах Восточной Европы. Достоинствами этой вакцины были ее дешевизна, а также то, что вирус, введенный привитому ребенку, передается контактным способом его окружению. В отличие от современных коммерсантов, Сэбин предоставлял бесплатную лицензию на применение разработанных им ослабленных штаммов вируса любой фирме, которая принимала бы во внимание его советы по производственному процессу. Существенным недостатком этой вакцины считается то, что она в чрезвычайно редких

случаях (1 на 600 000 в США) способна вызывать паралитический полиомиелит [11, с. 7].

Массовые испытания вакцины А. Сэбина в СССР, организованные советскими вирусологами М. Чумаковым и А. Смородинцевым, были не единственным фактом, связывавшим Россию и вакцину от полиомиелита. Российская империя была исторической родиной всех трех американских создателей успешных вакцин: Джонас Солк был сыном еврейских эмигрантов из Польши, Хиллари Копрровский родился в 1906 году в еврейской семье в Варшаве, а Альберт Сэбин родился в еврейской семье в Белостоке. Несмотря на существовавшие в США ограничения на образование и трудоустройство для евреев, они смогли успешно самореализоваться в качестве вирусологов.

После успешных испытаний живой вакцины в СССР американское руководство приняло решение лицензировать вакцину, и к 1968 году живая вакцина Сэбина полностью сменила убитую вакцину Солка в США [13, р. 1593]. Вакцину Сэбина предпочли вакцине Солка, потому что она обеспечивала более стойкий иммунитет, способствовала иммунизации тех, кто контактировал с привитым, а также в силу легкости прививания (капли, конфеты-драже) и дешевизне. Однако ее серьезным осложнением являются ассоциированные с вакциной случаи паралитического полиомиелита. В США с 1961 по 1989 годы их число в среднем составляло 9 случаев в год [3, р. 1697].

Нынешняя эпидемия коронавируса сделала вновь актуальными вопросы борьбы с эпидемиями посредством вакцинации. Одна из сложнейших проблем настоящего — недоверие населения вакцинам.

Доверие науке в 1950-х гг., по всей видимости, было гораздо выше. В течение жизни одного поколения достижения медицины за конец XIX — первую половину XX в. были поразительными: врачи научились успешно компенсировать диабет с помощью инсулина, использовали сульфаниламиды, антибиотики, переливание крови, заменяли тазобедренные суставы искусственными, использовали в диагностике рентген-аппараты, наконец, стали доступными вакцины от болезней, убивавших в прошлом сотни тысяч людей — коклюша, дифтерии, столбняка, оспы и бешенства.

У современного среднестатистического американца средних лет в доковидную эпоху просто не было личного опыта соприкосновения с по-настоящему опасными инфекционными заболеваниями, да и ковид пока не пришел в каждую семью. Поэтому в доковидную эпоху идеи антивакцинаторского движения стали весьма популярны. Однако даже весной 2021 года, когда страна потеряла более полумиллиона граждан из-за ковида, порядка 30% американцев не собирались вакцинировать-

ся от ковида [14]. Эта ситуация вызывает недоумение и серьезную озабоченность тех, кто был свидетелем появления вакцины от полиомиелита.

Некоторые люди, делившиеся воспоминаниями, отмечают также, что политические различия 1950–1960-х гг. не означали разделения по отношению к вакцинации. «Это не политический вопрос, вакцина одинаково хороша для демократов и республиканцев», — говорит доктор Н. Пантинг, организовавший вакцинацию от полиомиелита 70 лет назад. Он также отмечает более высокий уровень доверия общества властям в те времена [2].

Американцы делятся воспоминаниями о радости, с которой их родители приняли сообщения о появлении вакцины от полиомиелита. Говорят о том, что не знали никого, кто отвергал бы идею вакцинации, и припоминают атмосферу прагматического принятия ситуации [7]. Мы живем в эру информированного согласия на любую медицинскую манипуляцию. В то время как всего 70 лет назад соответствующие механизмы еще не были запущены. Одна из вспоминающих сообщает, что в школе перед вакцинацией даже не собирали формы согласия от родителей, а также о том, что сказала матери о сделанной в школе прививке и та ответила лишь «Слава Богу!» [7].

Сейчас государства мотивируют людей вакцинироваться разными способами. Во время вакцинации от полиомиелита в некоторых случаях жители США сами должны были оплачивать стоимость вакцины (от доллара до 25 центов), из-за чего бедные многодетные семьи порой не могли позволить себе прививку, а в других случаях государство возлагало бремя оплаты на себя.

Память о полиомиелите включает как тяжелые воспоминания о болезни (страх смерти, параличи у детей — членов общества, забота о которых одна из важнейших ценностей общества, тяжелое лечение, долговременные физические и психологические последствия), так и позитивные рассказы о том, как полиомиелит удалось победить (объединение общества в борьбе с болезнью через участие в благотворительности, ориентированной на реабилитацию переболевших и создание вакцин).

Важный урок борьбы с полиомиелитом состоит в том, что человечеству в условиях нынешней пандемии надо запастись терпением: от начала разработки первых вакцин до перехода к более эффективным вакцинам, а затем их массовому применению прошло почти 10 лет, и все это время росло число умерших и парализованных от этой болезни. Хотя мы и живем в более динамичную эпоху, есть вероятность, что до полной победы над коронавирусом пока далеко.

Воспоминания о полиомиелите неплохо объясняют, почему многим людям так трудно поверить в серьезность коронавирусной инфекции: им не хватает визуализации последствий болезни, чтобы осознать ее тяжесть. Кроме того, в отличие от полиомиелита, коронавирус редко представляет собой угрозу жизни и здоровью детей. Также можно говорить о верности теоретического постулата о зависимости нарративов от интересов вспоминающих. Нынешняя пандемия делает сильным акцент на возможности победы над болезнью с помощью вакцинации.

Теоретики исследований об исторической памяти пишут, что важно не только то, что вспоминают, но и то, о чем воспоминания умалчивают. Те, кто делится памятью о полиомиелите, не вспоминают об отдельных датах для вакцинации для белых и афроамериканцев или об отдельных реабилитационных центрах, видимо, потому что сегрегация — болезненная тема для американского общества.

Нам также показалась актуальной тема свободного доступа к технологиям производства вакцин против полиомиелита Солка и Сэбина. Вакцины были разработаны благодаря средствам американского Фонда борьбы с детским параличом. Технологии использовались бесплатно в разных странах мира, в том числе СССР. Производители современных вакцин от ковида не столь альтруистичны, несмотря на один из величайших кризисов систем здравоохранения.

Литература

1. Reported Paralytic Polio Cases and Deaths in the United States since 1910. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/reported-paralytic-polio-cases-and-deaths-in-the-united-states-since-1910?country=~USA>

2. COVID-19 Vaccine Push Triggers Local Doctor's Memories of Polio Fight // Barber Ph. The Press Democrat. 2021. June 8. URL: <https://www.pressdemocrat.com/article/news/covid-19-vaccine-push-triggers-local-doctors-memories-of-polio-fight>

3. Alexander L., Seward J. et al. Vaccine Policy Changes and Epidemiology of Poliomyelitis in the United States // JAMA. Oct., 13, 2004. Vol. 292. No.14. P. 1696.

4. Glavinskas V. The Price of Polio. URL: <https://www.rotary.org/en/price-polio>

5. Goldberg E. Vaccine Memories of Another Time and Place // New York Times. 2020, Dec., 25. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/25/health/covid-vaccine-polio.html?fbclid=IwAR0RzSpMh60dSnpmBcGl79u1e5DyeXgazYWuzUDj8-dpO0Drm1hPnAjhD5w>

6. McRobbie L. The Man in the Iron Lung // The Guardian. 2020, May, 26th. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/may/26/last-iron-lung-paul-alexander-polio-coronavirus>

7. Комментарии под постом Нью-Йорк Таймс Vaccine Memories of another Time and Place. 27.12.2020. URL: <https://www.facebook.com/ny-times/posts/10152552041494999>

8. Rogers. N. Race and the Politics of Polio Warm Springs, Tuskegee, and the March of Dimes // Am J Public Health. 2007. May. 97 (5). P. 784–795.

9. Cincinnati Scientist Develops an Oral Polio Vaccine // Eugene Register-Guard. 1956. Oct. 7.

10. Baicus A. History of Polio Vaccination // World Journal of Virology. August 2012. 1 (4). P. 108–114. URL: https://www.researchgate.net/publication/258205427_History_of_polio_vaccination

11. Чумаков К., Ишмухаметов А. Вакцины против полиомиелита: настоящее и будущее // Эпидемиология и Вакцинопрофилактика. 2018. 17 (3).

12. Raiser M. Progress Report on Cutter Company // The Nevada Daily Mail. 1962, Jan., 12.

13. Blume S. and Geesink I. Brief History of Polio Vaccines // Science, New Series. 2000, Jun., 2. Vol. 288. No. 5471.

14. Funk C. and Tyson A. Growing Share of Americans Say They Plan to Get a COVID-19 Vaccine — or Already Have. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2021/03/05/growing-share-of-americans-say-they-plan-to-get-a-covid-19-vaccine-or-already-have>

15. Manchester W. New Polio Vaccine Expected to Control All Three Types of Disease // Kentucky New Era. 1952, Oct. 20.

Е.С. Тодыков

Новая восточная политика Вилли Брандта и проблема германского воссоединения

После Второй мировой войны проблема воссоединения немецкого народа занимала важнейшее место в политике канцлеров ФРГ. Исходный курс по непризнанию ГДР привел к осложнению отношений между Западной Германией и другими странами. С 1955 г. в ФРГ основой внешнеполитических отношений стала «доктрина Хальштейна», которая потеряла свою актуальность только в 1970 г. Суть данной политики сводилась к тому, что Западная Германия устанавливала дипломатические связи только с теми странами, которые не имели дипломатических отношений с ГДР. Исключением являлись дипломати-

ческие контакты с Советским Союзом, так как политические и экономические отношения с СССР были важны для развития ФРГ. К тому же Москва могла сыграть важную роль в решении германского вопроса [1, с. 127].

В рамках проводимого внешнеполитического курса Бонн был вынужден разорвать отношения с Югославией в октябре 1957 г. и с Кубой в январе 1963 г. на основании того, что данные государства установили дипломатические отношения с ГДР. Однако уже к 1967 г. руководство Западной Германии было вынуждено отказаться от применения «доктрины Хальштейна» в отношении социалистических стран. Так, еще в 1963 г. были подписаны договоры об учреждении торговых представительств и торговле ФРГ с Польшей, Румынией и Венгрией. В том же году были установлены дипломатические отношения с Румынией, а в 1968 г. восстановлены контакты с Югославией. После арабо-израильской войны 1967 г. ГДР была признана многими странами, что исключало дальнейшее эффективное применение «доктрины Хальштейна». После прихода к власти социал-либеральной коалиции во главе с В. Брандтом в феврале 1970 г. министерство иностранных дел ФРГ официально заявило о прекращении действия «доктрины Хальштейна» [2, р. 667–668].

Причина такой кардинальной смены германской политики ФРГ заключается в том, что, по мнению В. Брандта и его партнера по коалиции, лидера СвДП В. Шееля, курс христианских демократов не соответствовал внешнеполитическим реалиям, так как односторонняя политика, ориентированная на Запад, сильно ограничивала возможности страны. Во-первых, политика ХДС не смогла реализовать важнейшую задачу по объединению Германии. Таким образом, в СДПГ понимали, что необходимо изменить отношение к ГДР и признать фактическое существование страны. Во-вторых, быстро растущая немецкая экономика требовала усиления связей не только со странами Западной Европы, но и с государствами на востоке Европы, а «доктрина Хальштейна» препятствовала дипломатическим контактам ФРГ в то время, как западные союзники ФРГ — Франция, Италия, Великобритания — начали налаживать торгово-экономическое партнерство со странами социалистического блока. Фактически это привело к тому, что ФРГ оказалась во внешнеполитическом тупике, так как стране была необходима торговля со странами Восточной Европы и СССР.

Помощник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер считал, что «восточная политика» нового канцлера ФРГ была своего рода модернизированным вариантом старой политики «германского воссоединения» [3]. Впоследствии американский по-

литик изменил свое отношение к действиям В. Брандта и признал его исторические заслуги. Правительство США в значительной степени содействовало политике Западной Германии, рассматривая ее как неотъемлемую часть разрядки международной напряженности [4].

Еще будучи министром иностранных дел при канцлере К. Кизингере, В. Брандт 7 мая 1969 г. заявил немецкой общественности, что предложение социалистических государств по проведению общеевропейской конференции по безопасности и сотрудничеству предусматривает, что участие Восточной Германии в данном мероприятии не будет означать международно-правового признания этой страны, а только подтверждение самого факта существования ГДР. В данном заявлении прослеживается главная цель кабинета СДПГ–СвДП — посредством фактического признания ГДР улучшить отношения со странами социалистического блока и сохранить возможность объединения Германии мирными средствами. В. Брандт не отрицал существования двух немецких государств, но они, по его мнению, не являлись заграницей друг для друга, следовательно, взаимоотношения между ФРГ и ГДР должны были иметь свою специфику в отличие от отношений с другими странами [5, с. 112].

В Западной Германии оппозиция рассматривала данную политику как достаточно рискованный шаг, так как заявления немецкого канцлера могли привести к тому, что некоторые государства признали бы ГДР как независимое, суверенное государство. В этой связи 28 октября 1969 г. министр иностранных дел ФРГ В. Шеель призвал все дипломатические представительства Западной Германии за рубежом оттягивать признание ГДР.

Уже 19 марта 1970 г. состоялась встреча председателя Совета министров ГДР В. Штофа и канцлера В. Брандта, но она не принесла весомых результатов из-за различного понимания проблемы. Дело в том, что восточногерманские политики настаивали на международно-правовом признании ГДР, в Бонне же рассчитывали на объединение Германии, заявлялось о единстве двух наций, выдвигался ряд принципов взаимоотношений двух государств: достижение максимальной кооперации между странами, соблюдение территориальной целостности и урегулирование споров, возможность свободных переездов между странами. Следующий контакт лидеров двух государств 21 мая 1970 г. в Касселе также не принес весомых результатов, но обе встречи показали, что стороны готовы идти на мирный диалог [6, р. 91–96].

После заключения договоров с Москвой и Польшей правительство ФРГ активно стало искать способы налаживания дипломатических контактов с ГДР. Однако до мая 1971 г. встречи лидеров двух стран не

имели того результата, на который рассчитывали в Бонне. Дело в том, что ГДР возглавлял В. Ульбрихт, который имел свои представления по сотрудничеству Западной и Восточной Германии. Лидер Восточной Германии не всегда опирался на позицию СССР. В Москве были готовы интенсифицировать диалог с Западом, а также оказывали влияние на Берлин с целью установления дипломатических отношений между ГДР и ФРГ. В. Ульбрихт же настаивал, что сначала Западная Германия должна признать восточного соседа как равного партнера, а потом уже государства могут эффективно сотрудничать.

С приходом к власти в ГДР нового первого секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера, активно поддерживающего внешнеполитический курс Советского Союза и готового идти на контакты с Западом, ситуация изменилась. Исходя из этого немецкие дипломаты М. Коль и Э. Бар начали по поручению союзных держав диалог о заключении транзитного соглашения между ФРГ и ГДР параллельно с переговорами, которые были организованы между западноберлинским Сенатом и правительством ГДР.

Важной проблемой в отношениях двух немецких государств являлся вопрос Западного Берлина — части ФРГ внутри ГДР. При этом Восточная Германия требовала передачи данной территории, но страны Запада демонстрировали свою готовность удерживать Западный Берлин. Предложение начать диалог по данной проблеме поступило от президента США Р. Никсона во время посещения заводов концерна «Сименс» 27 февраля 1969 г. Аналогичную позицию выразил и министр иностранных дел СССР А. Громыко в июле 1969 г. 6–7 августа 1969 г. три западные страны направили Советскому Союзу ноты идентичного содержания, где выразили свой интерес к диалогу по вопросу об улучшении отношений между двумя германскими государствами и ситуации вокруг Западного Берлина. Ответ был получен в сентябре 1969 г., в котором Москва выразила готовность к решению данного вопроса, еще до прихода к власти Вилли Брандта [7, с. 180].

Сам диалог по Западному Берлину начался 26 марта 1970 г., однако из-за позиции В. Ульбрихта не приводил к весомым результатам. После смены власти в ГДР проявились положительные тенденции в переговорном процессе. Итогом таких консультаций стало четырехстороннее соглашение по Западному Берлину от 3 сентября 1971 г. Участники соглашения — Великобритания, США, СССР, Франция — обязались не применять вооруженные силы на данной территории, все споры должны были решаться мирным путем, также лидеры стран должны были воздержаться от односторонней политики по отношению к Западному Берлину. Руководство ФРГ активно сотрудничало со

странами-участниками договора, большое значение играли переговоры Бонна и Москвы, а также диалог в формате четырех, состоящий из представителей ФРГ и трех западных держав. Стоит отметить, что представители СССР не считали, что Западный Берлин находится в абсолютной юрисдикции Бонна, немецкое правительство имело прямо противоположное мнение [8].

В дальнейшем два немецких государства продолжили диалог и в декабре 1971 г. подписали транзитное соглашение, которое позволило жителям Берлина свободно перемещаться между двумя частями города. При этом западногерманское правительство обязалось выплачивать пошлины и таможенные сборы. Другим важным документом был транспортный договор между ФРГ и ГДР, по которому жителям последней разрешалось навещать своих родственников в Западной Германии. Статистика свидетельствует о том, что данный договор имел много оснований и стал позитивным шагом во взаимоотношениях двух государств. Так, число поездок граждан ФРГ в ГДР выросло с 1 267 000 человек в 1971 г. до 2 279 000 человек в 1973 г. Число восточногерманских пенсионеров, посетивших ФРГ, увеличилось за тот же период на 25%, а число граждан допенсионного возраста составило около 52 тыс. человек [9].

15 июня 1972 г. Э. Бар и М. Коль приступили к консультациям по договору об основах отношений между ФРГ и ГДР. Для правительства Восточной Германии данное соглашение стало бы поводом для дальнейшего признания другими государствами, а также вступления в ООН. Во многом парафирование в ноябре 1972 г. договора об основах отношений было инициировано Э. Баром, который во время бесед в октябре того же года с Л.И. Брежневым и Э. Хонеккером добился согласия на интенсификацию диалога. Такая скорость инициатив немецкого правительства была во многом связана с определенными надеждами на воссоединение. В. Брандт и его окружение понимали, что решение, или, по крайней мере, продвижение в данном вопросе помогут ему добиться положительных результатов на досрочных выборах в бундестаг, назначенных на 19 ноября 1972 г. [10, р. 547].

Договор об основах отношений между ФРГ и ГДР был подписан 21 декабря 1972 г. Он означал фактически официальное признание государственной самостоятельности и суверенитета ГДР и послужил дальнейшему сотрудничеству двух немецких государств. Данный договор способствовал разрядке международной напряженности и создал основания для принятия двух немецких государств в ООН. ФРГ и ГДР обязывались решать все важнейшие проблемы только мирным путем, стремиться внести вклад в политику разрядки и обеспечения безопас-

ности в Европе, подтверждая факт нерушимости границ всех европейских государств. Стоит отметить, что в ст. 4 договора было сказано, что ни одно из немецких государств не имеет права представлять другое на международной арене, что говорит об изменении отношения ФРГ к ГДР и понимании невозможности игнорирования последней [11].

В. Брандт и В. Шеель использовали специфическую юридическую конструкцию, благодаря которой в договоре упоминается особый статус отношений между ГДР и ФРГ, по сути не учитывающий со стороны последней международно-правового признания первой. Помимо этого, контакты с ГДР со стороны Западной Германии велись с помощью аппарата правительства, ведомства федерального канцлера, а не с помощью консульств и посольств МИДа, что говорило об особом характере отношений между странами. 31 июля 1973 г. Федеральный конституционный суд ФРГ по ходатайству земельного правительства Баварии заключил, что ФРГ не является правопреемницей «третьего рейха», но как государство оно идентично с ним, поэтому ГДР не может считаться заграницей, а может рассматриваться лишь как часть территории бывшей Германской империи [12].

После возобновления контактов между ФРГ и ГДР граждане последней смогли посещать своих родственников, супругов и детей на территории Западной Германии. Около 6 млн жителей приграничных областей ФРГ могли посещать районы ГДР. Было открыто четыре новых пограничных пропускных пункта, а западногерманские журналисты получили возможность освещать события в ГДР еще в большем объеме из-за упрощения аккредитации корреспондентов.

Важнейшим, а по мнению немецкого историка Брунса, нередко единственным связующим звеном между двумя германскими государствами оставались торгово-экономические связи [13, s. 85]. После установления официальных дипломатических отношений товарооборот между странами значительно возрос. Так, если в 1969 г. товарооборот между странами оценивался в размере 1422 млн немецких марок, то в 1974 г. он составлял 3671 млн немецких марок. Данная тенденция говорит о многократном усилении торгово-экономического партнерства ГДР и ФРГ [14, p. 278].

Конечно, более развитая в экономическом плане ФРГ активно выступала за сотрудничество с Восточной Германией, понимая, что выгодное экономическое партнерство повлияет на реализацию внешнеполитических замыслов Бонна. Руководство Брандта и Шееля использовало как рычаг воздействия на восточного партнера вопрос о регулировании свинга — беспроцентного кредита, направленного на опре-

деленные цели, в основном на закупку западногерманских товаров. Это стимулировало и усиливало экономические взаимоотношения и стало уникальным экономическим фактором германского сотрудничества. Правительство Восточной Германии было заинтересовано в увеличении размеров беспроцентного свинга, что и было сделано — за время канцлерства Брандта беспроцентный кредит вырос с 360 млн марок в 1969 г. до 660 млн марок в 1974 г. [15, с. 72].

Несмотря на внешнеполитические шаги социал-либеральной коалиции в области германо-германского сотрудничества, внутри ФРГ нерешенной оставалась проблема национальной идентичности и сосуществования двух немецких наций. Следует обратить внимание на две различные концепции существования ФРГ и ГДР. По сути, в годы «холодной войны» в сознании немцев появился «ментальный барьер», который разделял их, исходя из идеологических установок двух государств. Еще одна проблема немецкой самоидентификации была связана с курсом Бонна, направленного на участие ФРГ в процессе европейской интеграции и формирование европейского сознания западных немцев. Не исключением является и новая восточная политика В. Брандта, который изначально заручился поддержкой Вашингтона и западноевропейских союзников, а уже потом стал реализовывать свои внешнеполитические цели. Наконец, на самоидентификацию немцев Западной Германии влияло чувство вины за развязывание Второй мировой войны, которое присутствовало у значительной части участников событий, а также у их детей, воспитанных в послевоенный период [16, с. 101].

В итоге, после Второй мировой войны была дискредитирована не только идеология нацизма, но и немецкая национальная идентичность. Для того чтобы справиться с данным противоречием, федеральному правительству было необходимо урегулировать проблему взаимодействия со странами Восточной Европы и СССР, которые в большей степени пострадали от политики «третьего рейха». Неслучайно 7 декабря 1970 г. канцлер В. Брандт совершил коленопреклонение перед памятником жертвам восстания в Варшавском гетто. Поступок лидера ФРГ стал неожиданностью не только для общественности и польского правительства, но и для его окружения. В самой Западной Германии данный шаг был воспринят двойственно: часть населения поддержала действия канцлера, другая критиковала его. Так, по итогам анонимного анкетирования популярного в стране издания «Der Spiegel» 48% немцев посчитали шаг западногерманского канцлера несколько «преувеличенным» и «чрезмерным», примерно 11% опрошенных отнеслись

к нему безразлично, а 41% жителей страны не увидели в поступке В. Брандта ничего негативного [17].

Такая статистика показывает, что в 1970 г. немецкая общественность была не готова решить вопрос национальной самоидентификации, а предпосылки германского воссоединения только стали намечаться. В данном ключе интересны рассуждения немецкого политолога Ф. Кроненберга, который считал, что «история преодоления прошлого выступает как история нового обретения национального чувства в ФРГ». По мнению ученого, быть немцем значит рефлексировать и преодолевать нацистское прошлое [18, с. 27].

В своих мемуарах Брандт достаточно недоверчиво относился к идее быстрого воссоединения Германии, он не отказывался от возможности самоопределения восточных и западных немцев. Позднее В. Брандт будет рассматривать объединение Германии счастливой исторической случайностью, которая не смогла бы произойти без его восточной политики, задачей которой должно было стать сохранение сознания нации до лучших времен с помощью более широкого взаимодействия, не взирая на границы. По мнению В. Брандта, самоутверждение нации не противоречило идеалам демократии. В 1989 г. после визита в ГДР В. Брандт поддержал желание восточных немцев стать частью единой Германии, он решительно восстал против скептиков в СДПГ — О. Лафонтена и Г. Грасса, считавших первостепенными задачами страны европейское единство и внутривосточное развитие Западной Германии [19].

В заключение отметим, что новая восточная политика В. Брандта способствовала интенсификации диалога между двумя германскими государствами, создала фундамент будущих взаимоотношений между ними, который в дальнейшем повлиял на процесс объединения Германии в 1990 г. Социал-либеральная коалиция обходила вопрос международно-правового признания ГДР и тем самым сохранила возможность объединения двух стран. Самоидентификации западных немцев в данный период развивалась в рамках, заданных «холодной войной» и членством ФРГ в Европейских сообществах, однако начавшийся процесс сближения с ГДР несомненно способствовал будущим изменениям в сознании нации.

Литература

1. Сорокин А.Н. Конрад Аденауэр и германский вопрос в историографии ФРГ // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 3 (38). С. 127–137.

2. Grady T. A Shared Environment: German-German Relations along the Border, 1945–72 // *Journal of Contemporary History*. 2015. Vol. 50. №3. P. 660–679.

3. A Memorandum for President Nixon from National Security Advisor Henry Kissinger summarizing West German Chancellor Willy Brandt's «Ostpolitik» or Eastern Policy // Nixon Presidential Materials Project, National Archives II, White House Files, NSC, Europe, Box 683. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116214.pdf?v=67776c986888442ce85ab7270e2cd58b>

4. Do We Achieve World Order through Chaos or Insight / Interview with Henry Kissinger // *Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-henry-kissinger-on-state-of-global-politics-a-1002073.html>

5. Организация Варшавского Договора 1955–1985. Документы и материалы. М., 1986.

6. Schönfelder J., Erices R. Willy Brandt in Erfurt. Das erste deutsch-deutsche Gipfeltreffen 1970. Berlin, 2010.

7. Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М., 2005.

8. The Text of the Four-Power Agreement Governing the Status of West Berlin // *The New York Times Archives*. URL: <https://www.nytimes.com/1971/09/04/archives/the-text-of-the-fourpower-agreement-governing-the-status-of-west.html>

9. Павлов Н.В. Внешняя политика ГДР (1949–1990). М., 2012. URL: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/mo/keuroam/docs/210929>

10. Orlow D. The GDR's Failed Search for a National Identity, 1945–1989 // *German Studies Review*. 2006. Vol. 29, No. 3. P. 537558

11. The Basic Treaty (December 21, 1972) // *German History in Documents and Images (GHDI)* URL: https://ghdi.ghidc.org/sub_document.cfm?document_id=172

12. О некоторых мерах в связи с решением Конституционного суда ФРГ по договору об основах отношений между ГДР и ФРГ // Заседание Политбюро центрального комитета КПСС от 13 сентября 1973 г. URL:

https://www.kas.de/documents/259803/10255756/1973_09_13_RGANI_F3_op72_d573_S_3_115-120.pdf/c42f044a-2eb3-991d-e34b-a0ec10294aa0?t=1601645892040

13. Bruns W. Deutsch-deutsche Beziehungen: Pramissen, Probleme, Perspektiven. Opladen, 1984.

14. Statistisches Jahrbuch of the FRG. 1976.

15. Кириленко А.А. Политические аспекты торгово-экономических отношений между ФРГ и ГДР в 1973–1974 годах // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. №6. С. 67–74.

16. Рогожин А.А. Проблема генезиса немецкого национального самосознания в контексте международных отношений: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. №1. С. 98–104.

17. Kniefall angemessen oder übertrieben? // Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/politik/kniefall-angemessen-oder-uebertrieben-a-861df9eb-0002-0001-0000-000043822427?context=issue&name=KNIEFALL+ANGEMESSEN+ODER+%26Uuml%3BBERTRIEBEN%3F>

18. Кроненберг Ф. Немецкая перспектива после катастрофы 1945 г.: нация, Основной закон, отечество // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы / под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. М., 2007. С. 25–34.

19. «Now What Belongs Together Will Grow Together» — German unity 1989/90 // Willi Brandt online biografie. URL: <https://www.willy-brandt-biography.com/politics/german-unity>

П.В. Ульянов

«Великая война» и «Пасхальное восстание» как факторы формирования региональной идентичности в Ирландии*

Республика Ирландия на современном этапе развития представляет собой островное государство, которое занимает большую часть острова и граничит с северной частью — Северной Ирландией, входящей в состав Соединенного Королевства. Принятый законопроект о гомруле 1914 г., согласно которому Ирландия вернула отнятое унией 1801 г. право на создание собственного парламента, поспособствовал формированию региональной идентичности жителей острова в начале XX века и оказывал влияние на политическую ситуацию в регионе на протяжении всего столетия. Если жители северной части считают себя британскими подданными, то граждане Ирландии идентифицируют себя как народ, живущий в независимом от Великобритании островном государстве.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31118.

Историческое прошлое «изумрудного острова» во многом связано с борьбой ирландского народа за независимость, основанной на противостоянии островных государств — Англии (с 1707 г. — Великобритания) и Ирландии. Важными событиями этой борьбы остаются походы О. Кромвеля (1649–1653), майское восстание 1798 г., восстание 1848 г. и восстание фениев в 1867 г. Огромное влияние на жителей Ирландии оказало «Пасхальное» вооруженное восстание 24–30 апреля 1916 г., поднятое во время Первой мировой войны. Именно оно стало поводом борьбы за независимость Ирландии в 1919–1921 гг., что привело к заключению 6 декабря 1922 г. англо-ирландского договора и созданию доминиона на территории Ирландии. В современной историографии ирландские исследователи М. Маккарти [1] и Р. Хигинс [2] подчеркивают амбивалентное отношение к «Пасхальному восстанию». Если в Великобритании и Северной Ирландии восстание воспринимается как «нож в спину», а его участники характеризуются «сторонниками Германии», то в Ирландии сюжет прошел путь своего развития от идеализации через пересмотр взглядов о нем до популяризации в современности. При этом если «Великая война», во время которой произошло восстание, в исторической памяти британцев осталась «Великой войной», то для жителей Ирландии она потеряла свою значимость. Схожие взгляды присутствуют в трудах российских исследователей, например, Е.Ю. Поляковой, отмечающей, что в Северной Ирландии официально чтили память погибших в обеих (мировых) войнах, демонстрируя свой патриотизм [3, с. 169]. В то же время принимавшие в войне североирландские католики были исключены из памятных событий, и это было отражено в «ольстерских событиях» конца 1960–1990-х гг.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей опыта коммеморации двух исторических нарративов — «Великой войны» и «Пасхального восстания». Задача автора сводится к тому, чтобы на основании традиционного анализа периодической печати, прежде всего англоязычных ирландских газет «The Telegraph», «The Irish News» и «The Irish Times», а также юбилейного памятного альманаха 2016 г. и новостных сообщений информационных порталов определить характер оценок историко-политической связи этих событий для современной ситуации в Ирландии. Прежде всего, следует обратиться к историческому опыту коммеморации этих событий.

Идея о гомруле «изумрудного острова» была выдвинута в 1860-х гг. и, оформленная в двух биллях, обсуждалась в британском парламенте в 1886 и 1893 гг. Во время разработки третьего билля в 1914 г. Ирландия уже была расколота на сторонников и противников «гомру-

ля», а эпицентром стал Ольстер. В начале Первой мировой войны ставший законом и отложенный в связи с войной Акт о гомруле был для ирландцев «стимулом» поддержки Великобритании. На ее территории формировались вооруженные отряды добровольцев (волонтеров) и, как писал британский писатель Р. Киплинг, который выступал против гомруля, ирландцы первыми провели мобилизацию мужского населения [4, р. 5]. Великобритания как государство имперского типа продвигало идею «содружества наций», и подбадриваемые получением после войны «гомруля» ирландцы наравне с англичанами, шотландцами, уэльсцами и многими другими отождествляли себя с британцами и подданными Великобритании [5, с. 64, 66].

Гомруль как закон потерял актуальность в связи с началом в Ирландии борьбы за независимость после того, как депутаты-ирландцы британского парламента объявили о том, что они представляют парламент Ирландии. После войны за независимость 1919–1921 гг. появилось Ирландское Свободное государство, а Соединенное Королевство теперь включало Великобританию и Северную Ирландию. Несмотря на неоднозначность последовавших за этим событий гражданской войны 1922–1923 гг. и активной роли в ней Ирландской Республиканской армии, остров был разделен территориально, а жители большей части «изумрудного острова» стали считать себя свободными в религиозном и территориально-политическом аспектах. Мировая война, которая ассоциировалась с британским подданством, окончательно потеряла свое значение. Благодаря участникам прошедших событий, ставших некими «хранителями памяти» [6, с. 95–96], внимание привлекли события «Пасхального восстания».

В начале процесс формирования региональной идентичности в рамках политики исторической памяти носил стихийный характер. Для утверждения победы в борьбе за независимость власти Ирландского Свободного государства стали заниматься идеализацией восстания и его участников. Деятельность ирландских добровольцев во главе с П. Пирсом и командиром ирландской Гражданской Армии Дж. Коннолли и всех членов Республиканского Братства, провозгласивших на территории Ирландии независимое государство, воспринималась сигналом к борьбе за независимость от Великобритании. В центре внимания были осужденные британским судом за государственную измену лидеры П. Пирс, Т. Кларк, Ш. Макдермотт и еще шестнадцать человек, в частности Дж. Коннолли. Правительство проводило их «реабилитацию», хотя делало это осторожно из-за сложной политической ситуации в Северной Ирландии. Поскольку вооруженное восстание во время «Пасхальной недели» было знаковым событием, то его руководители приобрели

образы «мучеников», в результате чего сложился национальный культ «героев-борцов» за возрождение свободного государства, а их деятельность зачастую ассоциировалась с мучениями Иисуса Христа [7]. Следует отметить то, что католическая церковь сыграла важную роль, поскольку восстание произошло во время празднования Пасхи, что оказало влияние на историческую память, ведь именно католицизм сохраняет свои позиции в жизни ирландцев даже на современном этапе [8].

С принятием новой конституции и созданием Республики Ирландия 29 декабря 1937 г. развитие сюжета получило новый виток, особенно в связи с выходом страны из Британского Содружества 18 апреля 1949 г. Произошло все это на второй день праздника Пасхи, что было символичным для страны, завоевавшей независимость окончательно. С того времени в стране проводились парады, был построен мемориал в Арбор Хилл и была проведена реставрация тюрьмы Килмейнхем для напоминания жителям о борьбе Ирландии за независимость. И все же республиканские силы в стране были недовольны разделением страны на Север и Юг, что свидетельствовало о стремлении создать островное единое государство Ирландия. Для продвижения «идеи единства» ирландские политики обратили внимание на события Первой мировой войны. Еще в 1927 г. правительство задумало поставить в Дублине мемориал, но нежелание вспоминать «жертв войны» не позволяло создать мемориальный комплекс, как например в Великобритании. И все же за год до выхода Ирландии из Содружества он был открыт, но открытие широко не афишировалось.

С конца 1960-х гг. в связи с ухудшением англо-ирландских отношений в коммеморации «Пасхального восстания» появилась поляризация мнений в Северной Ирландии. С одной стороны, сторонники Короны отказывались отмечать памятную дату вооруженного восстания из-за оскорбления памяти бойцов 36-го ольстерского подразделения, многие из которых погибли в битве на реке Сомма [1, р. 162]. С другой стороны, на волне идеологического противостояния между властями и расколовшейся ИРА в 1970-х гг. государственная политика исторической памяти в Ирландии с целью коммеморации «Пасхального восстания» изменилась. В апреле 1971 г. жители Республики скромно отметили 55-ю годовщину «Пасхального восстания», а через пять лет, когда идеологический конфликт в Северной Ирландии вступил в фазу открытой конфронтации, власти Ирландии издали распоряжения о прекращении проведения мероприятий, чтобы не усугублять ситуацию. Конфликт за наследие «Пасхального восстания» принял сложный характер, так как было множество интерпретаций восстания. В их ос-

нове зачастую приобретала значимость националистическая республиканская идеология, согласно которой республиканцы-националисты севера обвиняли власти Ирландии в нежелании создать одно островное государство. Государственная кампания по критике наследия «Пасхального восстания» приобрела массовый характер, хотя и принималась неохотно. Так, например, прошедшая в 1991 г. 75-я годовщина вооруженного восстания привлекла внимание небольшой части жителей, собравшихся возле Главпочтамта в Дублине [2, р. 234–240].

В конце 1990-х гг. в Северной Ирландии началась реабилитация «Пасхального восстания». Во многом это было связано с прекращением боевых действий со стороны ИРА в 1994 г. и заключением спустя три года Белфастского соглашения (или Соглашения «Страстной Пятницы»). Завершение конфликта сопровождалось созданием автономных органов власти в Северной Ирландии и разрешением североирландского конфликта. Символом примирения ирландцев стало также открытие военного мемориала в 1998 г. на территории Бельгии в честь погибших ирландских солдат. Открытие «Ирландского парка мира» или «Ирландской башни» стало памятью о Мессинском сражении, в котором ирландцы, невзирая на различия в религиозных и политических убеждениях, сражались как подданные Британской империи против «общего врага».

В 2006 г. в Ирландии официально прошли военные парады, посвященные 90-летию восстания и битве на реке Сомма [9]. Два исторических события были связаны тем, что ирландцы подчеркнули значимость памятных дат в истории всех жителей «изумрудного острова». По этому поводу в газете «The Irish Times» продвигалась идея о преимуществе Ирландии от полученной в результате долгой борьбы независимости [10, р. 3]. По этому поводу экс-премьер-министр Ирландии Г. Фицджеральд в своих воспоминаниях подчеркнул, что «за независимость была заплачена большая цена», и добавил: «Это, действительно, правильно, так как с развитием государства всеобщего благосостояния Ирландия оказалась бы в финансовом отношении от Великобритании зависимой» [11, р. 2].

«Жестами» регионального примирения послужили визит в страну в мае 2011 г. королевы Великобритании и ответный визит президента М.Д. Хиггинса в Соединенное Королевство [12]. Важно то, что Елизавета II сделала шаг к «строительству мостов», налаживанию взаимной помощи и укреплению добрососедских отношений между Великобританией и Ирландией посещением «Сада Воспоминаний». Эта национальная достопримечательность была создана в память о погибших в борьбе за свободу Ирландии, в частности лидеров и участников во-

оруженного восстания 1916 г. Наивысшей точкой в популяризации «Пасхального восстания» как символа независимости страны, а также упоминания об участии ирландцев в Первой мировой войне стала столетняя годовщина Пасхального восстания, особенно в Северной Ирландии, несмотря на память о совершенном в 1987 г. в Эннискиллене теракте накануне Поминального воскресенья. В следующем году во время проведения памятной церемонии в Арбор Хилл лидер ирландской партии «Фианна Фейл» М. Мартин подчеркнул в своем заявлении, что события «Пасхального восстания» 1916 г. связаны с историей всего ирландского народа, что фактически подчеркивает региональную идентичность жителей островного государства фразой «идея единства в разнообразии» [13].

Таким образом, можно подвести итоги. В качестве главной особенности можно выделить высокую значимость «островного менталитета» жителей Ирландии, отставивших идею создания островного независимого государства с главенствующей позицией католицизма и республиканских идей. Кроме того, вопрос о коммеморации «Пасхального восстания» и «Великой войны», хотя второй военный конфликт не воспринимается в образе «Великой войны», носит дискуссионный характер, и это вторая особенность. Несмотря на заверченный процесс обретения независимости Ирландией, идеи единства Ирландии и Северной Ирландии, оставшейся в составе Великобритании, сохраняются. В отличие от широко известного «Пасхального восстания» тема Первой мировой войны, которая долгое время пребывала в забвении, приобретает актуальность в современности. Данная тенденция привела к тому, что в результате снижения напряженности в англо-ирландских отношениях между двумя событиями появляется историческая и политическая связь, и носит она двусторонний характер. Произошедшие в 1916 г. два события оставили свой след в истории Ирландии. Жители страны ассоциируют себя с островным независимым государством, поддерживая добрососедские отношения с Великобританией, вместе с жителями которой сражались во время Первой мировой войны против Германии как «общего врага».

Литература

1. Higgins R. Transforming 1916: Meaning, Memory and the Fiftieth Anniversary of the Easter Rising. Dublin, 2013.
2. McCarthy M. Ireland's 1916 Rising: Explorations of History-making, Commemoration and Heritage in Modern Times. Burlington, 2012.

3. Полякова Е.Ю. Первая мировая война в восприятии ирландцев // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. ст. / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб., 2012.

4. Kipling R. The Irish Guards in the Great War. Vol. 1: the 1st Battalion. L., 2007.

5. Ульянов П.В. Идея «содружества наций» в британской пропаганде периода Первой мировой войны // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2017.

6. Никольский С.А. Историческая память, общество, власть // Политическая концептология. 2015. №3.

7. Easter Rising: Catholic Church Played «Key Role» in 1916 [Electronic recourse] // The Irish News. 2017. 25 April. URL: <https://www.irishnews.com/news/easterrising/2016/03/31/news/easter-rising-catholic-church-played-key-role-in-1916-469357>

8. Kelly M. Is Catholicism Being Scrubbed from Ireland's Easter Rising? [Electronic recourse] // Crux. Taking the Catholic Pulse. 2016. 22 April. URL: <https://cruxnow.com/church/2016/04/is-catholicism-being-scrubbed-from-irelands-easter-rising>

9. McCarthy M. Memories: Ireland's Easter Rising, 1916–2016. A Hundred Years of Memorialisation [Electronic recourse] // Unique. URL: <https://www.unique-online.de/memorique-ireland-easter-rising-1916-2016/8504>

10. Now Reaping the Benefits of Independence Struggle // The Irish Times. 2006. 29 April. URL: <https://www.irishtimes.com/opinion/now-reaping-the-benefits-of-independence-struggle-1.1045049>

11. A Personal Perspective by Garret FitzGerald // BBC. 2014. 24 September. URL: <https://www.bbc.co.uk/history/british/easterrising/personal/pp02.shtml>

12. Heffer S. Easter Rising: It is Time to Apologies to the Irish [Electronic recourse] // The Telegraph. 2016. 27 March. URL: <http://www.telegraph.co.uk/opinion/2016/03/27/easter-rising-it-is-time-to-apologise-to-the-irish>

13. 1916 Belongs to the People, not a Party [Electronic recourse] // Irish Independent. 2017. 24 April. URL: <http://www.independent.ie/irish-news/1916/1916-belongs-to-the-people-not-a-party-35647451.html>

Н.В. Холодкова

***Роль административно-территориального устройства
в регулировании этнических процессов: опыт КНР
в области конструирования национальной идентичности***

Полиэтнические государства всегда сталкивались с угрозой возникновения конфронтации на базе противоречий этнических групп. Мозаичный этнический состав населения требует от современного государства проведения внутренней политики, направленной на обеспечение баланса между реализацией права наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государства, конечной целью которой должно стать формирование единой государственной идентичности.

Так, этнические отношения сыграли значительную роль в формировании общества и политики Китая. Этническое многообразие населения КНР обусловлено историческим контекстом и географическими особенностями расселения. Страна, занимающая третье место по площади в мире, протянулась на 3650 километров с севера на юг и 5700 километров с запада на восток, пролегая через несколько климатических поясов. На территории современного Китая расположены многочисленные горные системы, предгорья, равнины, каменистые и песчаные пустыни [1, с. 71]. Огромная градация среднегодового объема температур, осадков и высот сформировала большие контрасты в расселении населения. На $\frac{1}{3}$ территории страны с наиболее благоприятными условиями для хозяйственной деятельности человека расположилось около 90% населения Китая, а западная часть государства характеризуется крайне низкой плотностью населения. В таких непростых условиях тесно взаимодействовали многочисленные народы, населяющие территорию страны, на протяжении нескольких тысячелетий.

Отношения между этносами характеризовались как взаимной ассимиляцией и интеграцией, так и борьбой и конфронтацией. Главенствующую роль в процессе многовекового культурного взаимопроникновения играла этническая группа коренного населения хань, официально признанная доминирующей на территории современного Китая.

Уже с III века до н.э. во времена правления династий Цинь и Хань руководство страны проводило политику присоединения территорий, занимаемых некитайскими этносами [2, с. 107]. Основанная на принципах конфуцианства центральная политическая доктрина Китая характеризовалась китаецентризмом. Формировалась однополярная система взаимодействия с патерналистским характером в отношении

соседей: Китай понимался как центр мироздания, а его окраины — в качестве варварской периферии. Ханьцы занимали особое привилегированное положение, а остальные этносы считались нецивилизованными. Расширение территории Китая приводило к тому, что некоторые этносы ассимилировались, другие были вынуждены занимать наименее удобные и отдаленные территории.

Особую угрозу несли в себе цивилизационные различия между этносами — они различались по типу хозяйственной деятельности, исповедуемой религии, диалекту, культурным традициям.

Так, к началу XX века Китай представлял собой многонациональное государство с существенной этнической фрагментацией в территориальном разрезе при наличии доминирующей этнической группы хань, составляющей более 90% от общей численности населения. В результате исторически обусловленных факторов, почти $\frac{2}{3}$ территории Китая — это местности концентрированного проживания этнических меньшинств, которые заняли, в большей степени, менее пригодные для жизни зоны на западе, юго-западе и севере страны [3, с. 54].

Накопленный опыт и исторические особенности взаимодействия этносов способствовали формированию современной национальной политики. В 20-е годы XX века этносы начали привлекаться для успеха в осуществлении китайской революции — считалось, что межэтническая гармония сыграет существенную роль в данном процессе. Политической повесткой того времени стали тезисы о необходимости реализации прав этносов на самоопределение через создание федеративного республиканского государства [4, с. 125]. Этнические меньшинства стали важными элементами классовой борьбы, внося свой вклад человеческими и материальными ресурсами. Однако после создания Китайской Народной Республики в 1949 году решение национального вопроса виделось в формировании районных автономий в рамках унитарного государства. Тезисы о правах этносов на самоопределение были забыты. Этот период считается началом реализации современной национальной политики страны, которая условно делится на четыре этапа.

1. Период становления основ национальной политики (1949–1957 гг.) [5, с. 271]. В это время были закреплены принципы равноправия народов, защиты прав национальных меньшинств, а также запрет дискриминации по национальному признаку. Институциональной формой регулирования межэтнических отношений стала районная этническая автономия.

2. Период деструкции (1957–1978 гг.) [5, с. 271]. Процесс регулирования межэтнических отношений вступил в период напряженности.

Ханьский шовинизм, неуважение к этническим обычаям и традициям и, в некоторых случаях, упразднение этих обычаев и традиций наносили ущерб этническим меньшинствам. Промышленное, сельскохозяйственное производство и национальная торговля пребывали в упадке, что привело к стагнации этнических региональных экономик.

3. Период конструктивного строительства в национальных районах (1978–2011 гг.) [5, с. 271]. В 1982 году на XII Всекитайском съезде КПК было объявлено о важности национального вопроса. Социально-экономическое положение в национальных автономиях КНР после завершения культурной революции было крайне плачевным. Перед китайским руководством стояли задачи ликвидировать недостаток финансовых средств, неразвитость инфраструктуры. Для этого проводилась преференциальная политика — предоставлялись льготы и дотации, экономика переходила на рельсы социалистического планового товарного хозяйства. Также начала развиваться и социально-культурная сфера.

4. Период формирования единой китайской идентичности (2012 — настоящее время). Официально идеология социализма с китайской спецификой приобрела новое звучание на XVIII съезде КПК в 2012 году, когда было объявлено об осуществлении идеи «китайской мечты», вдохновленной трудами «отца нации» Сунь Ятсена. Указанная концепция зрела в умах китайского руководства на протяжении последнего столетия. Этнически фрагментированное население Китая теперь представляется единой китайской нацией. Согласно концепции «китайской мечты», Китай стал результатом совместного конструирования государственности и культуры всех народов, населяющих его [2; 5; 6]. Таким образом, руководство КНР сосредоточено на формировании государственной идентичности, игнорирующей этнические и культурные различия и основанной на историческом контексте совместного проживания этносов.

Несмотря на то, что официально концепция «китайской мечты» была объявлена в 2012 году, фактически последние десятилетия этническая политика Китая была направлена в сторону формирования единой китайской идентичности. Одним из инструментов её реализации была районная автономизация.

На сегодняшний день в Китае существует 5 национальных автономных районов [7]:

- 1) Автономный район Внутренняя Монголия (1947 года образования);
- 2) Синьцзян-Уйгурский автономный район (1955 года образования);

- 3) Нинся-Хуэйский автономный район (1958 года образования);
- 4) Гуанси-Чжуанский автономный район (1958 года образования);
- 5) Тибетский автономный район (1965 года образования).

Районные автономии являются верхним уровнем этнической территориальной организации китайского общества, помимо них также существуют автономные округа и автономные уезды, формирующие средний и нижний уровни территориальной организации, соответственно.

Система национальных автономий является институциональной гарантией соблюдения прав национальных меньшинств, а национальная этническая политика с точки зрения заявленных правовых механизмов направлена на ускоренное развитие национальных автономий и интересов малочисленных этнических групп.

В общей сложности в КНР 155 автономных единиц, занимающих 64% территории страны; из 55 признанных национальных меньшинств часть имеют автономные единицы только нижнего уровня, а 8 не имеют собственных автономных образований [3, с. 56].

Современные этнические автономии образованы на базе исторических национальных территорий, но имеют отличные от них границы. При этом автономии осложнены наличием в их составе национальных единиц более низкого уровня, которые населены представителями преимущественно других национальных меньшинств. Так, территориальное конструирование носит характер этнического джерримандеринга, когда размываются границы между национальными меньшинствами. Ярким примером служит Синьцзян, административное деление которого напоминает лоскутное одеяло. На его территории расположено пять автономных округов, где проживают уйгуры, ханьцы, казахи, хуэйцзу и другие этнические группы. Поэтому в границах СУАР есть ряд автономных округов, где доминирующей группой являются неуйгурские национальные меньшинства. Административные образования с преобладающей численностью уйгуров частично разделены областями, населяемыми другими этническими группами. Соответственно, этническое большинство «проблемного» региона рассредоточено в территориальном пространстве автономного района.

При этом этническая группа хань распространена во всех административных единицах уездного уровня, а в большинстве из них составляет абсолютное большинство. В некоторых областях ханьские поселения и поселения этнических меньшинств имеют мозаичный характер: так, на некоторых территориях ханьцы проживают в долинах, а этнические меньшинства — в горах; в других ханьцы проживают в городах, а меньшинства — в деревнях [8]. В деревнях, где сосредото-

чены этнические меньшинства, часто живут и ханьцы, смешиваясь с остальным населением. Согласно позиции центрального правительства, миграции ханьцев в автономии способствуют дополнительной консолидации территорий вокруг ханьского большинства, являющегося естественным стержнем китайской государственности. Поэтому в Китае, за исключением Тибета и Синьцзяна, очень сложно найти обособленно проживающее этническое меньшинство. Так, этническое разнообразие «растворяется» в доминирующем ханьском большинстве, поэтому система административного деления Китая способствует закреплению единой государственной идентичности.

Соответственно, руководство КНР опирается на использование административно-политического механизма в виде четко проработанного территориального устройства. Контроль над отдаленными территориями носит характер абсолютного: модель национальной политики основана на патерналистской роли Коммунистической партии Китая, определяющей способы реализации социалистических ценностей посредством «демократического централизма» [9, с. 171].

Идеологический вектор развития национальных отношений в Китае основан на воспроизводстве традиционной установки о китайской цивилизационной уникальности. В китайском обществе допускается развитие этнокультурного своеобразия национальных меньшинств, но, в конечном счете, все этнические группы должны слиться в единый китайский народ [10, с. 151]. При этом, несмотря на декларирование политики, направленной на сохранение этнического и культурного разнообразия, интегральное значение приобретают ценности, на которых основана ханьская культурная традиция, способствующая осуществлению гармонизации межэтнических отношений и укрепляющая единство китайского «суперэтноса». Национальная политика Китая характеризуется «мягкой» ассимиляционной направленностью посредством создания условий для культурной китайской гомогенизации общества. Этническая идентичность замещается гражданской, которая вбирает в себя идеалы и стандарты этнического большинства.

Опыт административно-территориального конструирования Китая демонстрирует степень влияния спроектированной пространственной организации в полиэтническом государстве. Сформированная на сегодняшний день пространственная модель этнического размещения Китая, основанная на районной автономизации, является не только ключевым инструментом реализации этнической политики, направленной на гармонизацию межэтнических отношений, но также становится основой идеологического курса центрального правительства по созданию китайской национальной идентичности.

Литература

1. Фролова И.Ю. Особенности национальной политики КНР на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2018. №5 (50). С. 71–86.
2. Морозова Н.В. Специфика «государства-нации» в китайской модели развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. №2 (12). С. 105–115.
3. Мочалов А.Н. Национально-территориальное устройство Китайской Народной Республики: конституционная модель и ее истоки // Академический юридический журнал. 2016. №3 (65). С. 54–63.
4. Ли Сянянь. Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. по настоящее время) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. №4. С. 124–130.
5. Исхаков Р.Л. Принцип миньцзу чжуи и легитимация национальной государственности Китая // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Китай: история и современность». 2016. С. 262–279.
6. Ринчинов А.Б. «Китайская мечта» Си Цзиньпина в контексте нациестроительства КНР // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. №6. С. 89–94.
7. Закон КНР «О национальной районной автономии» от 31 мая 1984, принятый на Второй сессии Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва // Китайский информационный интернет-центр. 2005. 31 марта. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/166260.htm>
8. Xiaotong Fei. The Formation and Development of the Chinese Nation with Multi-Ethnic Groups // International Journal of Anthropology and Ethnology. 2017. No.1. URL: <https://ijae.springeropen.com/articles/10.1186/s41257-017-0001-z>
9. Копцева Н.П., Ма Л. Идеологемы «Великая китайская мечта» и «гармоничная культура» в политике современной Китайской Народной Республики // Международные отношения. 2016. №2. С. 163–178. DOI: 10.7256/2454-0641.2016.2.16869.
10. Волков Ю.Г., Дегтярев А.К., Лубский А.В. Национальная интеграция, ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в Китае // Социально-гуманитарные знания. 2017. №11. С. 149–159.

Ю.Н. Цыряпкина
Формирование национальной идентичности
в суверенном Узбекистане

В 2021 г. наступил 30-летний символический юбилей с момента распада СССР, который побуждает к переосмыслению многих важнейших процессов, связанных со становлением и развитием государственности и идеологии новых независимых государств. В центральноазиатских республиках после распада СССР стала формироваться актуальная для постсоветского общества национальная идеология. Её повестка была связана с процессом укрепления идей национальной независимости. В республиках региона с самого начала был выбран вариант политики памяти, направленный на забывание советского, что позволяло суверенным государствам дистанцироваться от России и советского наследия и выстраивать современную региональную идентичность. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать процесс поиска новых основ идентичности в рамках процесса десоветизации в Узбекистане в период суверенитета.

После провозглашения независимости правительство Узбекистана берет курс на суверенизацию общественно-политической жизни. В республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее ядра узбекского этноса, его истории, культуры и языка, при этом в Конституции Республики Узбекистан подчеркивается равенство всех граждан вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности (ст.18) [1].

Для легитимации идей независимости, которые легли в основу национальной идеологии первого президента И.А. Каримова, стала формироваться коллективная идентичность и целенаправленная политика памяти [2, с. 42], представлявшая собой один из вариантов символического абстрагирования от наследия Российской империи и СССР. Одним из неоспоримых элементов национальной идеологии Узбекистана считалась официальная жесткая критика имперской политики в регионе, а также отдельных мероприятий советского руководства (к примеру, критика репрессивной политики СССР в 1930-е годы воплотилась в основание Музея памяти жертв репрессий в 2008 г. в Ташкенте). По мнению российского антрополога С.Н. Абашина, Узбекистан в период нахождения у власти первого президента И.А. Каримова в этом вопросе занимал наиболее последовательную позицию среди республик региона, которая выражалась в десоветизации, десимволизации городского пространства, а именно переименовании улиц и площадей, из публичной жизни вытеснялись советские праздники и др. [2, с. 44]. Памятники советской эпохи либо демонтировались (памятник совет-

скому солдату в Ташкенте был снесен 22 ноября 2009 года), либо переносились из центра города на окраину: памятник узбекскому кузнецу Ш. Шамахмудову, усыновившему 15 детей-сирот во время ВОВ в 2009 г. был вынесен на окраину столицы. Памятник вернули в центр Ташкента в 2017 г. [3].

Ключевой исторической фигурой в период суверенитета становится выдающийся полководец средневековья Тамерлан (в Узбекистане Амир Тимур. – Ю.Ц.), который создал огромную империю Мавераннахр со столицей в Самарканде [4, с. 48]. Исторические подвиги Тамерлана являются отсылкой к доблестному узбекскому прошлому и были призваны заполнить идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР.

Для укрепления национальной идеологии в постсоветских республиках появились новые государственные праздники, призванные заменить советские даты. В Узбекистане в период суверенитета в разряд общегосударственных праздников попали семь дат, среди которых Навруз (21 марта), а также День независимости Узбекистана (Мустакиллик), отмечающийся ежегодно 1 сентября, 9 мая – День памяти и почестей (День Победы был переименован. – Ю.Ц.). Все указанные даты празднуются с особым размахом. Накануне 1 сентября праздничные мероприятия проходят в рабочих коллективах в учреждениях и предприятиях, во время празднования Навруза жителями отдельных домов варится сумалак [главное праздничное блюдо Навруза, готовится из пророщенных зерен пшеницы. – Ю.Ц.]. Массовые мероприятия во время официальных праздников, которые были свойственны советской эпохе с её торжественными шествиями и парадами, в постсоветском Узбекистане ограничены по причинам безопасности. Необходимо отметить, что с 2014 г. в столице республики ежегодно проводится шествие «Бессмертного полка» 9 мая в День памяти и почестей. В 2020 г. в честь 75-летней годовщины победы над фашизмом президент Ш.М. Мирзиёев открыл новый парк Победы в Ташкенте [5, с. 134]. Последнее мероприятие свидетельствует о том, что политика памяти в Узбекистане постепенно трансформируется и смягчается, особенно в отношении памяти о Великой отечественной войне.

Одним из механизмов формирования новой национальной идеологии стала «ревизия» исторических оценок имперского и советского периода региона. Хотя в идеологии всех центральноазиатских республик присутствует критика имперского прошлого, однако версия истории региона у каждой центральноазиатской республики своя, «национальная», на которую влияет и степень лояльности к России и полити-

ческий запрос и другие факторы. Между различными региональными научными школами даже сложилась заметная дистанция [6, с. 236].

«Узбекоцентричная» версия истории Туркестана в XIX – начале XX в. носила наиболее «обвинительный характер» в 1990-е – начале 2000-х годов, что четко прослеживалось в публикациях отдельных узбекских авторов [7]. Критика российского империализма находилась в прямой зависимости от политических и экономических отношений с Россией, особенно в 1990-е – 2010 г. В связи с «потеплением» российско-узбекских отношений, связанных с необходимостью выстраивать стратегию безопасности региона, совместной борьбы с терроризмом и принятием российской стороной трудовых мигрантов из Узбекистана, в 2010-е годы в исторических трудах смягчаются оценки периода вхождения Центральной Азии в состав Российской империи [8]. Намечается тенденция признания многих позитивных для коренных народов последствий как имперского, так и советского периода истории региона [9, с.7]. С приходом к власти президента Ш.М. Мирзиёева начался период активного российско-узбекского сотрудничества в образовательной и гуманитарной сферах, чаще всего сотрудничество воплощается в совместных встречах/конференциях, коллективных публикациях и в подписании договоров о сотрудничестве.

Другим важнейшим аспектом формирования национальной идентичности суверенного Узбекистана является этатистский и секуляристский характер государства. Анализ новой республиканской идентичности Узбекистана показал, что она повторяет «позднесоветскую модель национального государства» [10, с. 151]. Опыт работы первого президента И.А. Каримова партийным управленцем в позднесоветский период, события в г. Наманган в 1991 г. предопределили сохранение многих советских черт в узбекской политической системе и обществе. В первую очередь, И.А. Каримов не позволил политизировать ислам, роль религии в обществе оказалась на том же положении, что и в СССР (в сфере бытовой культуры). В Узбекистане был создан надзорный орган – Комитет по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан (аналог советского института Уполномоченного по делам религий при Совете министров СССР). Эта практика распространялась и на другие религиозные институты и организации в республике.

Другой уровень идентичности – это укрепление роли государственного узбекского языка. При том что процесс дерусификации являлся частью политики десоветизации и укрепления национальной идентичности, однако спустя 30 лет после обретения суверенитета русский язык по-прежнему является широко востребуемым в узбек-

ском обществе. Корни сложившейся в Центральной Азии языковой ситуации связывают с тем, что сформировавшиеся в советское время государственные институты трансформировались в современные атрибуты государства. По мнению С. Абашина, ссылки на нацию, сконструированную в советское время, были успешно вплетены в концепцию национального строительства после распада СССР [11, с. 196–197]. В советский период языковая политика была тесно связана с национальной политикой. Следуя этой логике, в постсоветских странах государственный язык стал одним из важнейших маркеров нации и атрибутом национальной идентичности. В суверенном Узбекистане была воспроизведена та же практика усиления национального содержания языка, при которой акцент делался на укрепление признанного в 1989 г. государственным узбекского языка. Этот факт и предопределил параметры развития последнего в постсоветский период: это укрепление позиций узбекского, его всеобщее использование и распространение, поскольку в советской модели язык являлся неотъемлемым признаком нации [12].

Государственная политика в отношении русского языка в независимом Узбекистане отличается от ситуации в других республиках региона. Согласно закону 1989 г. «О государственном языке Республики Узбекистан» государственным языком был признан узбекский, русский язык получил статус «языка межнационального общения» (ст. 1) [13]. В редакции закона «О государственном языке» 1995 г. статус русского языка не был обозначен; хотя в ст. 3 делалась отсылка на язык межнационального общения [14], но он не идентифицировался с русским. В последующих редакциях закона «О государственном языке» нет никаких упоминаний о четком правовом статусе русского языка. Юридически русский является одним из иностранных языков в Узбекистане.

Повседневная жизнь диктует иные правила использования языков, и зачастую отношение к русскому языку на бытовом уровне не совпадает с идеологией, декларируемой государством. При этом русский язык в Узбекистане занимает прочные позиции во многих сферах общества, прежде всего, в образовании и науке, производственном секторе и в бизнесе и др. В обществе сложился стойкий запрос на знание русского языка среди титульного населения и других автохтонных групп (в частности, таджиков).

В жизненных стратегиях узбекских семей в 2000-е – 2010-е гг. знание русского языка является ценным приобретением, а школьное образование на русском языке востребовано. Чаще всего объяснение этому факту искалось в ориентации трудоспособного населения Узбе-

кистана на трудовую миграцию в России, что отчасти отвечает действительности. И для оставшихся в стране узбеков русский язык до сих пор необходим для успешной коммуникации в городской среде, т.к. быть двуязычным или русскоязычным считается здесь показателем успешности и приобщенности к современной культуре [15, с. 101].

На позиции русского языка значительное влияние оказывает и ситуация, в которой функционирует государственный язык. Как неоднократно отмечали эксперты из Узбекистана, за постсоветский период узбекский язык не смог стать унифицированным и стандартизированным [16], в нем по-прежнему много диалектизмов [17], он не вполне адекватно отражает современность и, если модернизируется, то происходит это искусственно [12].

С 2020 г. правительство Республики Узбекистан берет курс на укрепление позиций государственного языка (в частности, это попытки строгой регламентации документооборота). В 2020 г. Министерство юстиции предложило штрафовать учреждения и организации за ведение делопроизводства на негосударственном языке [18]. В октябре 2020 г. Ш. Мирзиёев подписал указ «О мерах по совершенствованию языковой политики в стране» [19], в котором фактически прописывается «дорожная карта» развития узбекского языка, включающая корректировку учебных планов общеобразовательных школ, сертификацию уровня владения государственным языком должностными лицами, внедрение современных информационных технологий. Насколько успешными станут анонсированные в Узбекистане меры, зависит от многих факторов, в том числе от соотношения позиций государственного и русского языков и значимости тех ролей, которые они выполняют в общественной и социокультурной жизни республики.

Указанные особенности развития языковой сферы свидетельствуют о том, что кроме государственного узбекского языка в республике активно используется и русский язык, который, не имея официального статуса, является «укоренившимся» языком.

Внешнеполитическая концепция республики также является одним из способов формирования национальной идентичности. Важнейшее стратегическое положение страны, её геополитический и экономический потенциал, наличие подготовленной и многочисленной армии дают основание Узбекистану претендовать на региональное лидерство. В период президентства И.А. Каримова республика придерживалась принципа сбалансированной равноудаленности от мировых центров сил Китая, России и США и отказа от участия в многосторонних интеграционных объединениях с упором на двусторонние связи [20]. В 1990-е гг. активно развивались двусторонние отношения

с Турцией на фоне ухудшения российско-узбекского взаимодействия. Со второй половины 1990-х гг. и до Андижанских событий 2005 г. – углубление двустороннего сотрудничества США и Узбекистана, в том числе и военно-политического. С середины 2000-х годов Узбекистан стал постепенно включаться в интеграционные проекты с участием России, в период 2015–2020 гг. значительно расширяется торгово-экономическое сотрудничество между республиками. Несмотря на внутренние дискуссии в узбекском обществе, Узбекистан сделал шаги навстречу интеграционной активности России в регионе и 11 декабря 2020 г. Узбекистан получил официальный статус наблюдателя в ЕАЭС.

Прошедшие три десятилетия суверенного развития заложили основы внутренней политики и внешнеполитических приоритетов Республики Узбекистан. Процесс формирования национальной идеологии в Узбекистане оказался консервативным по сложившимся еще в советское время практикам, но отличным по наполняемому содержанию. Основной упор в деле формирования национальной идеологии был сделан на процесс десоветизации, которая выразилась в формировании новой политики памяти, десимволизации городского пространства, формированию новых исторических героев и праздников. На процесс формирования новой национальной идентичности наслаивались еще характерные для советского периода аспекты идентичности: светский характер государства, в рамках которого ислам остался в сфере бытовой культуры, а также востребованность русского языка наряду с государственным.

Литература

1. Конституция Республики Узбекистан. URL: <https://constitution.uz/ru>
2. Абашин С.Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. №4 (66). С. 37–54.
3. В центр Ташкента вернули памятник семье Шамахмудовых 10.05.2017 г. URL: <https://centre1.com/uzbekistan/v-tsentr-tashkenta-vernulsya-pamyatnik-seme-shamahmudovyh/>
4. Кылычев А.М. Центральная Азия и сопредельные территории во время Тамерлана // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. №10. С. 48–52.
5. Цыряпкина Ю.Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения в контексте идей нацистроительства в постсоветском Узбекистане // Дневник Алтайской школы политических исследований

№36. Современная Россия и мир: альтернативы развития: сборник научных трудов / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 129–136.

6. Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область Post- исследований // *Ab Imperio*. 2007. №2. С. 209–258.

7. Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент, 1997.

8. Мирзаева Н.Д. Русские поселения Мирзачульского оазиса и их социально-экономическое положение в конце XIX – начале XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Ташкент, 2011.

9. Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010.

10. Даудов А.Х., Алимджанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и в эпоху независимости // *Этнографическое обозрение*. 2018. №5. С. 146–161.

11. Абашин С.Н. Нации и национализм в Центральной Азии 20 лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. 2011. №3. С. 196–197.

12. Асанов А. Хрупкий баланс языковых споров в Узбекистане. 8.12.2020. URL: https://cabar.asia/ru/hrupkij-balans-yazykovyh-sporov-v-uzbekistane?fbclid=IwAR38V3a-Ub5hF4L9wyEXx0S_pNDf_c1Pma8XNLyrJwUR9hZ8pFoS_5oEEYs

13. Закон Республики Узбекистан от 21 октября 1989 г. №3561-XI «О государственном языке». URL: <https://lex.uz/docs/108915>

14. Закон Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. №167-I «О государственном языке». URL: <https://lex.uz/docs/121433>

15. Цыряпкина Ю.Н. Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере города Ангрена) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. №4–2 (80). С. 98–103.

16. Алимджанов Б. Узбекистан: почему узбекский не стал языком политики и науки? 19.02.2019. URL: cabar.asia/ru/uzbekistan-pochemu-uzbekskij-ne-stal-yazykom-politiki-i-nauki

17. Улько А. «Узбекский — язык для узбеков?? Почему в стране до сих пор есть проблемы с государственным языком. URL: <https://hook.report/2019/08/problema-uzb/0>

18. Министерство юстиции предложило штрафовать должностных лиц, не использующих государственный язык в делопроизводстве.

25.04.2020. URL: <https://nuz.uz/obschestvo/48969-ministerstvo-yusticii-predlozhilo-shtrafovat-dolzhnostnyh-lic-ne-ispolzuyuschih-gosudarstvennyu-yazyk-v-delo-proizvodstve.html>

19. Мирзиёев подписал указ о мерах по совершенствованию языковой политики в стране. 20.10.2020. URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/10/20/mirziyoyev-podpisal-ukaz-o-merax-po-sovershenstvovaniyu-yazykovoy-politiki-v-strane>

20. Эргашев Б. Как меняется внешняя политика Узбекистана? URL: <https://ia-centr.ru/publications/kak-menyaetsya-vneshnyaya-politika-uzbekistana/>

К.А. Чураков

Трансформация региональной идентичности жителей античной Италии во времена Союзнической войны

На протяжении всей истории человек так или иначе идентифицирует себя через принадлежность к какой-либо общности. Развитие отдельного индивидуума всегда является процессом, неразрывно связанным с развитием того социума, в котором он пребывает. Однако, как справедливо замечает британский политолог и социолог Бенедикт Андерсон в своей книге «Воображаемые сообщества», между процессами повествования о персоне и нации есть существенное отличие [1, с. 16]. В мирской «истории» о персоне есть начало и конец. Другими словами, жизнь человека строго обозначена временными рамками, обусловлена различными социальными обстоятельствами. Тогда как у нации нет ясно определяемого момента рождения, а смерть, если происходит, никогда не бывает естественной.

Данная работа посвящена исследованию региональной идентичности жителей древней Италии. Мы попытаемся проследить специфику процесса формирования региональной идентичности на территории античной Италии. Актуальность работы заключается в рассмотрении истоков идентификационных процессов на момент существования Римской республики в рамках трансформации региональной идентичности. Стоит отметить, что Союзническая война стала важным этапом консолидации населения Апеннинского полуострова. Не вызывает сомнения, что на сегодняшний момент данная тема вызывает интерес и остро актуализируется не только в научном дискурсе, но и в общественных кругах.

Цель работы заключается в попытке охарактеризовать и проследить влияние Союзнической войны на трансформацию региональной идентичности италийцев.

Говоря о степени разработанности данной темы, необходимо упомянуть работы исследователей интерпретации понятия идентичности: Э. Дюркгейм [2], Э. Эрикссон [3], Б. Андерсон [1]. Среди исследователей, которые основываются на историческом компоненте становления национальной идентичности, можно выделить А. Пааса [4].

Термин «идентичность» появился в современном научном дискурсе в середине 1970-х гг. после публикации работы американского социального психолога Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» [3]. Региональная идентичность рассматривалась как одна из составляющих конструкции личностной идентичности, необходимая индивиду для выстраивания границ собственного «Я» и для самоопределения. Среди критериев идентичности выделяют целый ряд факторов: 1) пространственно-географический; 2) этнонациональный; 3) конфессиональный; 4) исторический (общее историческое прошлое и культурное наследие); 5) традиционный и мифосимволический (общность традиций, обычаев, фольклора и повседневной культуры).

Региональная идентичность римлян прошла долгий процесс эволюции и становления. Начав свой исторический путь с одного города, римляне построили величайшую державу. Ее ядром стал Апеннинский полуостров. Свою экспансию жители Рима начинали с соседних племен. «Римский народ» пошел по пути объединения и слияния различных этнических групп. Однако различия интересов и целей, а также неравноправие приводили к конфликтам. И самым крупным конфликтом, который повлиял на формирование идентичности в регионе, можно назвать Союзническую войну.

Союзническая война развернулась на Апеннинском полуострове в период с 91 по 88 г. до н.э. Она стала кульминационной точкой борьбы италиков за гражданские права. Италики были союзниками Рима и несли военную повинность наравне с гражданами. Однако они были лишены избирательных прав, не могли представлять свои интересы в народном собрании. Кроме того, экономическое положение италиков также было ущемлено: они были ограничены в правах и в вопросе получения новых земельных участков.

Одним из немногих дошедших до нас полных обзоров этих событий является рассказ Аппиана, однако у этого автора многие другие события (например, гражданские войны 83–82 и 49–45 гг.) занимают больше места, чем небольшой очерк истории восстания союзников 90–88 гг. [5, с. 39–54]. Тит Ливий посвятил Союзнической войне 6 книг своего повествования (книги 71–76), но они не сохранились. Причиной слабой источниковой базы о Союзнической войне можно считать тот факт, что в ней не было яркой интриги, эпизодов и героев, способных

привлечь к себе внимание исторических романистов. Было не так много эпизодов, которые могли бы стать выигрышными в литературном отношении и, наконец, война не стала той почвой, на которой могли проявиться яркие качества выдающихся военных и политических деятелей.

В историографии Союзнической войне уделено достаточное внимание. Практически в любом серьезном историческом труде, от Т. Моммзена [6] и К.В. Нича [7] до С.Л. Утченко [8], Союзнической войне уделяется большое внимание. Также стоит отметить, что подавляющее большинство ученых считают ее важнейшим, а иногда и переломным событием эпохи гражданских войн. Уже Т. Моммзен считал, что война привела к качественной трансформации всего римского и италийского общества [6, с. 225]. Аналогичные мнения высказывали такие выдающиеся исследователи, как К.В. Нич [7, с. 450], Б. Низе [9]. М.И. Ростовцев [10] считал ее важным компонентом «римской революции», а С.Л. Утченко — даже ее главным актом, после которого римская гражданская община (*civitas*) стала италийской державой, а разнородные италийские города и общины с точки зрения римского права превратились в однородные структуры [8, с. 208–209].

Италики — этнолингвистическая группа племен Древней Италии, носителей италийских языков. Италики подразделялись на сикюло-латино-фалисков и осков (самниты, сабины, эквы, вольски и др.). Именно последних некоторые современные исследователи (итальянский учёный Дж. Девото [11] и др.) и называют италиками, отделяя от латинов.

К середине IV в. до н.э., примерно к моменту начала Самнитских войн, Рим владел всей Латинской равниной, южной Этрурией, областью сабинян и рядом прибрежных городов. Достаточно быстро он получил и Кампанскую равнину. Это были наиболее населенные, богатые и плодородные области Италии, ориентированные прежде всего на земледельчество. Эта экономически развитая часть полуострова была основной зоной римского гражданства и накануне Союзнической войны, а, согласно переписи 227 г., приведенной Полибием (*Polyb.* II, 24), римские граждане давали 273000 из примерно 800000 военнообязанных.

У италиков не было полного единства: богатая верхушка и аристократические слои нередко были привержены Риму. Самыми непримиримыми являлись сабелло-самнитские племена. Борьба за права гражданства имела значение, прежде всего, для верхушки союзников, часть которой, впрочем, уже имела гражданство и была заинтересована не столько в слиянии своей общины с Римом и распространении римско-

го права на своих сограждан, сколько в собственной независимости от «привилегированного союзника». Напротив, народные массы гораздо больше были обеспокоены проблемами бедности, а потому среди них были сильны не только сепаратистские, но и откровенно антиримские настроения.

Очень скоро выяснилось, что союзники не могут рассчитывать добиться своих целей мирным путем. У них должно было появиться желание взять силой то, в чем им отказывали. Но тогдашнее положение Рима не позволяло и помышлять об осуществлении этого желания. Военные действия очень затруднились как для восставших, так для римлян тем, что восстание простиралось на очень большую территорию. Повстанцам приходилось вести осады крепостей, и в то же время они были вынуждены защищать собственные границы, что раздробило их силы и отняло у них много времени.

Союзническая война стала одной из самых тяжелых войн Рима. Согласно Аппиану, к началу войны армии противоборствующих сторон превышали 100 000 каждая, не считая резервов и гарнизонов крепостей (App. В.С. 1, 39). П. Брюнт оценивает силы римлян в 140000 в 90 г. до н.э. и свыше 150000 в 89 г. до н.э. Иными словами, в 90, 89, а затем и в 88 гг. римляне выставляли примерно по 30 легионов. Союзнические армии насчитывали 100000–130000 человек [12, р. 357–358]. На полях Италии сражались одновременно около 300 000 человек, что превышало военное напряжение многих самых тяжелых войн Рима.

Подавлению восстания италиков Рим был обязан дипломатии, талантам своих полководцев, в особенности Суллы, стоявших во главе дисциплинированных, профессиональных и технически хорошо вооруженных армий, и розни среди самих союзников.

Уже после первого года войны Рим внезапно изменил свою внешнюю и внутреннюю политику и повернул на путь соглашений. Несомненно, это было самое разумное, что можно было сделать. Но не потому, что сила врага вынуждала римлян соглашаться на невыгодные для них условия мира, а потому, что сам предмет спора, увековечение политического первенства Рима в ущерб остальному населению Италии, приносил республике больше вреда, чем пользы. Также Рим нуждался в более широкой социальной опоре в лице союзников-италиков, так как они являлись наиболее близкими к римлянам территориально, а также культурно.

Хотя римляне одержали победу на поле боя, итогом восстания стал компромисс. Сенату всё же пришлось пойти навстречу требованиям италиков и даровать им гражданские права. Однако это было сделано с рядом серьезных ограничений, главным образом касавшихся вопроса

распределения новых граждан по имеющимся избирательным округам-трибам. Опасаясь, что при своей большой численности италики получат перевес над старыми гражданами, сенат не стал распределять их по существующим 35 трибам, а вместо этого включил в состав восьми или десяти новых. Таким образом, новые граждане оказались в меньшинстве и при существующем раскладе не могли серьезно повлиять на ход политического процесса. Это решение создало новые точки напряжённости в отношениях между Римом и его союзниками, что получило продолжение в ходе последующих гражданских конфликтов.

Культурно-правовое уравнивание Рима и Италии продолжалось до самого конца истории Рима, и все-таки полного слияния всех народов Апеннинского полуострова в одну народность не произошло. Процесс слияния римлян и италиков в одну гражданскую общину, постепенно втягивавшую в себя и провинциалов, ставил на очередь новую проблему реорганизации всего аппарата управления.

Старые республиканские учреждения, рассчитанные на узкие рамки государства-города, оказывались уже непригодными и требовали новой социально-политической организации.

Таким образом, прежде италийские союзники находились по отношению к римлянам на положении «младших братьев», это была скорее защита, чем опека, они не были обречены на вечное несовершеннолетие и находились на положении подневольных слуг, с которыми господа обходились милостиво, не отнимая у них надежду на освобождение. Но теперь все италийские союзники оказались примерно в одинаковом подвластном и безнадежном положении, под розгами и секирами своих повелителей. Самое большее — они могли в качестве привилегированных слуг передавать несчастным провинциалам те унижения, которые сами получали от своих господ.

В то время как многие зажиточные италики стремились слиться с римлянами и пойти по пути расширения плантационного хозяйства, пастушеские горные племена бились за удержание патриархальных форм быта, но и в их среде были те, кто видели для себя преимущества в процессе слияния с римлянами. Победа Рима была исторически неизбежной. Это была победа римской государственной централизации, экономических факторов и латинской культуры. Старая деревенская Италия с ее натуральным укладом жизни, культурой, нравами и верованиями — Италия этрусков, марсов, сабеллов, луканов и самнитов — сходила с исторической сцены. Состоятельная часть италиков сливалась с римлянами в одну римско-италийскую олигархию. Остальная же масса италийского населения, оставшаяся в живых, частью эмигрировала в провинции, превратившись из крестьян и пасту-

хов в торговцев и ремесленников, частью сошла на положение полусвободных арендаторов земель, а часть пошла в армию. Здесь стоит отметить, что они становились теперь не столько носителями прежней этнической идентичности, сколько гражданами Римской республики.

Союзническая война стала одним из первых движений к империи и переломом в самоопределении италиков. Под главенством Рима начался процесс превращения Италии в унитарное государство, состоявшее из городских территорий, подразделявшихся на муниципии, колонии, префектуры, местечки и крепости. Процесс слияния римлян и италиков в сообщество граждан римской республики ставил на очередь новую проблему реорганизации всего аппарата управления. Именно в данный период зарождается идея единства Италии и в связи с этим происходит процесс трансформации региональной идентичности италиков. Сходные культурные базисы, климат, экономические цели, а также общие враги ускоряют переход населения всей Италии от племенной идентичности к гражданской.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.
3. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
4. Paasi A. Regions are Social Constructs, but Who or What Constructs Them? Agency in Question // Environment and Planning. 2010. P. 2296–2301.
5. Аппиан. Гражданские войны / пер. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера. СПб., 1994.
6. Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995.
7. Нич К.В. История Римской республики. М., 1908.
8. Утченко С.Л. Кризис и падение римской республики. М., 1966.
9. Низе Б. Очерки римской истории и источниковедения. СПб., 1908.
10. Ростовцев М.И. Рождение Римской Империи. Прага, 1918.
11. Devoto G. Gli Antichi Italici, 2a ed. Firenze, 1951.
12. Brunt P. Italian Manpower 225 B.C.-A.D. 14. Oxford, 1971.

Е.Е. Щербанова
Политика памяти в постсоциалистической Монголии
в период формирования национальной идентичности
(1991–1995 гг.)

Историческая память — раздел науки, который в последние десятилетия активно развивается, наращивает свой категориальный аппарат, методологию и формирует собственные научные школы. Данный раздел является наглядным выражением синергии и синтеза различных наук, таких как: история, политология, социология и др. Данная отрасль занимается изучением, анализом и рассмотрением современных представлений общества о тех или иных исторических событиях и влияния этих мнений на политическую повестку дня [1, с. 4]. Политика памяти включает в себя коммеморацию — ритуальные практики, сооружение памятников и музеев, отмечание на государственном или местном уровне определенных событий, а также регулирование доступа к архивам, определение стандартов исторического образования и др. [2, с. 128].

Актуальной темой для изучения в данной области является формирование нового политического курса и идеологии в религиозной области Монгольской республики в начале 1990-х гг. Данная тема имеет не только историческое, но и важное политическое значение — прежде всего в более широком контексте политики исторической памяти и того влияния, которое оказывает история на современные ценности и идеологические установки, связанные с национальной идентичностью. После распада СССР Монголия стала выбирать новый политический курс. В основу этого курса легла концепция возрождения национальной идентичности, одной из составляющей которой должна была стать религия. Политика памяти является одним из важнейших инструментов формирования идентичности того или иного сообщества.

Особый интерес представляет идейная направленность политических изменений, которые определили основной вектор развития Монголии после демократической революции 1990 г. После смены политической власти в стране началось становление нового режима власти. Новая власть легитимировалась признанием того, что социалистическая модель общественного развития не оправдала себя, на смену ей должен был прийти капитализм. В начале развития плюрализма в Монголии в 1990-е гг. произошел отказ от политического мифа о социализме как идейном строе, он был заменен мифом о капитализме, который стал восприниматься как панацея от существующих политических проблем [3, с. 7]. Монгольские правящие элиты выбрали курс

на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию. В связи с этим понятие «ардчилал» — демократия становится очень распространенным в данный период. Новый политический курс предполагал создание новой политической идентичности населения Монголии, которая формировалась бы за счет использования культурно-исторических символов. Для этого правящие элиты стали прибегать к политике памяти, поднимая наиболее важные темы для консолидации общества. Центральной личностью, которая была призвана повлиять на исторический и политический процессы, стала фигура Чингисхана. Она была поставлена в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии.

Историография исследования включает в себя обзорные работы российских и монгольских историков, социологов и политологов, которые занимаются изучением политики памяти [3, с. 120]. Работа А.И. Миллера и Д.В. Ефременко является «промежуточным» продуктом работы коллектива авторов, включает в себя наиболее актуальные методологические тенденции и исследования в области политики памяти [2, с. 4]. П.Т. Хаттон в своей работе раскрывает цель, задачи, актуальность и методологию политики памяти, анализирует развитие данной области науки [4, с. 12]. Также актуальной работой в политике памяти в Монголии является исследование, которое посвящено политике исторической памяти в отношениях Монголии и России [5, с. 10].

Начало строительства национальной политики Монгольской республики начинается в 1990 г. Для формирования идентичности используются наиболее значимые моменты истории Монголии. В первую очередь личность Чингисхана. Сторонники либеральной демократии представляли великого хана «основателем монгольской демократии». Сторонники консерватизма видели в нем символ порядка и могущества. Параллельно этому виделся процесс частичного восстановления позиций буддизма в общественных процессах, воспринимавшегося как часть национального возрождения и атрибут демократизации монгольского общества. Неотъемлемым атрибутом трансформационных процессов в Монголии, как и в странах Восточной Европы, был процесс переосмысления собственного исторического опыта и реформирования представлений о нации, истории и культуре посредством активного использования понятия «демократия».

В 1990 году в Монголии произошла демократическая революция, итогом которой стала отставка МНРП, введение многопартийной парламентско-президентской структуры и либеральной, открытой экономики. Реформы были проведены не только в области политики и экономики, но и в области национальной политики. Начиная с 1980-х гг.

основной миссией монгольской национальной политики стало достижение полной независимости.

В декабре 1989 г. в Монголии начинаются радикальные перемены, с этого момента руководство СССР теряет контроль над страной. В МНР начинается волна антисоветских этнонационалистических выступлений. В январе 1990 г. побеждают демократические силы, руководство страны подает в отставку. В Монголии начинается новый этап nation-building, все советское объявляется чужеродным и враждебным [6, с. 24].

Политика исторической памяти проявляется в ходе самой революции, потому что она прошла под лозунгами реабилитации Чингисхана. История татаро-монгольского ига и личность Чингисхана в период социализма дискредитировались и очернялись. Реабилитация великого хана должна была напомнить о былых временах величия и продемонстрировать протест против навязанного СССР понимания истории и сущности исторического пути страны [7, с. 200].

После революции 1990 г. Монголия перестает носить название Народной Республики и возвращает название времен Чингисхана — Монгол улс (Монгольское государство). Данное решение принято в ходе всенародного референдума 1992 г., важно отметить, что в ходе пропагандистской кампании по подготовке новой Конституции, которая получила название Их Засаг (Великая Яса) [6, с. 201]. Данные события символизируют собой разрушение советской правовой системы и возврат ко временам империи.

Но, несмотря на отрицание позитивных изменений в социалистический период, в Улан-Баторе сохранены мемориальные объекты, свидетельствующие о высокой оценке роли СССР в становлении независимости Монголии: мемориал Зайсан, музей Г.К. Жукова, памятник Г.К. Жукову. Сохранение памятников Г.К. Жукову является следствием глубокого уважения к талантам полководца и событиям 1939 г. на Халхин-Голе. Г.К. Жуков является личностью, заслуги которой сложно переоценить. Бои на Халхин-Голе являлись стратегически важными не только для СССР, но и для МНР. Поэтому память о человеке, который помог монгольскому народу одержать одну из важных побед над своим соперником, является незыблемой. Данный пример свидетельствует о противоречии в создании национальной идентичности в Монголии и выборочном сохранении истории социалистического периода. Происходит сохранение только тех моментов, которые показывают исключительное превосходство монгольского народа, на примере боев на Халхин-Голе.

Политика памяти в Монголии после распада СССР включает в себя переход к концепции «монгольской кочевой цивилизации». Монголия стала наследницей более древних культур Евразии, таких как гуннов, жуань-жуань, тюрков. Революция зародила новую монгольскую идентичность, в ходе нее Монголия превратилась из молодой народной республики в государство с самой древней и великой историей в своем регионе, с историей, ведущей отсчет с 1206 г. В политику национального строительства входит также восстановление религиозной политики — поддержка буддизма, одной из древних мировых религий, зачатки которой проявились во времена Чингисхана.

Политика памяти в Монголии в 1990-е гг. проводилась в два этапа: первый включает в себя 1990–1995-е гг. — отказ от советского, социалистического прошлого, второй этап — с 1996 г. по настоящее время, сближение с Россией и Китаем, включение их в экономическое взаимодействие. Переосмысление национальной идентичности стало важным фактором формирования нового монгольского государства [8, с. 205].

Первый этап политики памяти представляет собой подъем антисоветских и русофобских настроений. Социализм был тесно связан с СССР и поэтому после распада СССР монгольское общество продолжало ассоциировать неудачи социализма со своим социалистическим прошлым. Соответственно отказ от социализма означал, в том числе, и дистанцирование от Советского Союза, его политического, экономического и культурного влияния. На этом фоне получило развитие активное сотрудничество с ведущими западными государствами (США, Германией, Францией) и их союзниками (Японией, Южной Кореей), приведшее к переформатированию внешней политики Монголии.

Политика памяти в Монголии включает в себя восстановление уникального исторического и культурного наследия, которое было под запретом. Вновь стали открываться дацаны, распространяется буддизм, происходило возвращение народной монгольской музыки. Фигура Чингисхана стала ключевой для консолидации монгольской нации. В настоящее время изображение Чингисхана можно найти практически на любых товарах, о нем пишут книги, он представляется как самая важная личность не только в истории Монголии, но и мира. Возвращение к Чингисхану также связывают с возрождением буддизма. В 1990-е гг. стали открываться новые дацаны, проводиться службы и возрождаться традиции буддизма и ламаизма.

Период 1990–1995 гг. стал временем, когда Монголия отказывается от социалистического прошлого, переходит к капиталистическому пути развития. Для консолидации общества политической элите необ-

ходимо было показать символ для объединения всего населения. Такими символами были выбраны наиболее важные исторические вехи. В первую очередь, роль и личность Чингисхана, ламаизм и народная культура Монголии. Становление национальной идентичности на первом этапе способствовало созданию нового государства. Но после объединения и становления Монголии в начале 1990-х гг. нужно было решать экономические вопросы. Основными экономическими партнерами Монголии были Китай и Россия, поэтому вектор внешнеполитического курса Монголии меняется после 1995 года. После этого начинается новый этап политики памяти в Монголии.

Литература

1. Миллер А.И. Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018.
2. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. №5. С. 128–140.
3. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2003.
4. Linde Ch. Life Stories: The Creation of Coherence. N.Y., 1993.
5. Olick J.K. “Collective Memory”: Memoir and Prospect // Memory Studies. 2008. Vol. I. №1. P. 19–25.
6. Барабанов О.Н., Лузянин С.Г., Стрельцов Д.В. Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2019.
7. Лиштованный Е.И. От великой империи к демократии: Очерки политической истории Монголии. Иркутск, 2007.
8. Михалев А.В. Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций // Политическая наука. 2011. №2. С. 193–207.
9. Родионов В.А. Политический процесс в современной Монголии в контексте постсоциалистических трансформаций // Вестник Института социологии. 2016. №18. С. 138–159.

3. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ (В ТОМ ЧИСЛЕ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)

О.В. Вольтер

Этноконфессиональные духовно-нравственные ценности как основа формирования национальной идентичности, гражданского мира и согласия

В системе современных международных отношений США настойчиво стремятся к реализации концепции однополярного мира, игнорируя интересы других стран. При этом США и страны НАТО развязывают межрелигиозные и межнациональные конфликты в странах исламского мира, реализуя политику «управляемого хаоса» в различных регионах мира в угоду своим интересам. Владимир Путин в своих заявлениях неоднократно выступал против подобной политики и подобной модели однополярного мира.

На современной мировой арене усилилось противостояние России и стран Запада. Эта конфронтация привела к политической нестабильности и напряженности, усугубленной мировым экономическим кризисом. В этой ситуации четко обозначился провал политики США и европейских стран в отношении государств исламского мира. Эта политика была ориентирована на разрушение сложившихся государственных образований, развязывание войн и межнациональных конфликтов (Сирия, Ирак, Иран, Ливия и т.д.). Результатом этой политики, направленной на передел сфер влияния в богатых углеводородами странах Востока, стал миграционный кризис в Европе. Миграционный кризис был спровоцирован перемещением огромных масс беженцев из стран, охваченных военными конфликтами (Сирия, Иран, Ирак и других), в страны стабильной в экономическом и политическом отношении Европы. Все эти факторы спровоцировали кризис европейской мультикультурной политики, привели к столкновению традиционных европейских христианских ценностей и исламских духовных традиций, привнесенных мигрантами, не желающими адаптироваться к европейской культуре. А это, в свою очередь, привело к росту агрессии и напряженности со стороны европейцев и к угрозе дальнейшего распространения исламских радикальных религиозных течений, ставших угрозой современной цивилизации, но уже на территории Европы.

В этих условиях особенно актуально обратиться к российской национальной культуре, объединившей достижения народов многона-

циональной России, к традиционным духовно-нравственным ценностям.

4 ноября 2020 года Владимир Путин на встрече с представителями религиозных объединений сказал: «Важно понимать, что в мире происходят глубочайшие перемены. С серьёзными вызовами сталкиваются традиционные ценности. Сложнейшие, крайне чувствительные вопросы межнациональных и межрелигиозных отношений становятся, к сожалению, подчас предметом спекуляций, нечистоплотных геополитических игр. На них пытаются паразитировать экстремисты и радикалы, разжигая взаимную ненависть и вражду» [1]. Президент отметил, что особая роль в гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, предупреждении экстремизма и терроризма принадлежит духовным лидерам России, к чьему мнению и слову прислушиваются люди. Вместе с тем Путин обратил внимание на то, что межнациональный и межрелигиозный мир является «основой основ» для Российской Федерации, и «эта сфера нуждается в постоянном внимании всех органов власти, гражданского общества, средств массовой информации». Он также сказал: «исторический путь России как великой державы определило мирное, плодотворное взаимодействие разных народов и религий... выбор в огромной степени продиктован теми ценностями, которые лежат в основе всех традиционных религий России, — это православие, другие христианские конфессии, ислам, буддизм, иудаизм» [1].

В обращении к участникам проходившей 21 ноября 2019 г. в Бишкеке конференции «Православие и ислам — религии мира» президент также отметил: «Ислам и христианство, как и другие мировые религии, основаны на фундаментальных гуманистических ценностях, имеющих непреходящее значение. Поэтому объединение усилий религиозных организаций, их конструктивное взаимодействие с государственными и общественными структурами представляются неизменными условиями укрепления гражданского мира и согласия» [2].

Глобальные вызовы в системе современных международных отношений привели к межрелигиозному, межконфессиональному и межнациональному противостоянию в различных регионах мира. Все эти факторы, а также политика глобализации спровоцировали серьезные трансформации в современном социуме, а это, в свою очередь, привело к угрозе разрушения традиционной системы ценностей, определявшей развитие общества на протяжении веков. На смену традиционным европейским христианским ценностям приходят национальная и религиозная рознь, проблемы утраты гендерного разделения общества и деградации духовно-нравственных ценностей.

Глобализация порождает утрату самобытности, нивелирование национальных культур, доминирование одной цивилизационной модели, а это приводит к усилению напряженности в межрелигиозном, межконфессиональном, межнациональном и междивизиационном диалоге.

В современном геополитическом пространстве ряд стран провоцируют информационные войны, создают прецеденты искажения истории и пытаются переориентировать мировосприятие людей в заранее заданном ими направлении, поэтому идентичность становится главным фактором обеспечения национальной безопасности. Позитивная интеграционная идентичность, связывающая прошлое, настоящее и будущее в единый культурно-цивилизационный комплекс, способна обеспечить государству и обществу успешное развитие, эффективное решение всех стоящих перед ними проблем и задач. И наоборот, депрессивная идентичность, которая базируется на опыте вины за «грехи предыдущих поколений», может стать причиной крушения государства, кризиса общества, цивилизационного тупика в развитии.

Прежде чем говорить о традиционных духовно-нравственных ценностях, которые являются основой для формирования национальной идентичности, гражданского мира и согласия в России в целом и на Северном Кавказе в частности, необходимо дать определение категории «идентичность».

Идентичность — «это совокупность того, как человек определяет свое место в обществе, а также ценностей и поведенческих моделей, которые формируются за счет соотнесения себя с теми культурными ориентирами и ролевыми функциями, что являются значимыми для общества, с отношениями и различными социальными институтами, что и создает социальную идентичность» [3, с. 145]. В.А. Тишков дает следующую трактовку: «национальная идентичность — общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним» [4, с. 218]. Таким образом, категорию «национальная идентичность» можно определить как «осознание принадлежности индивидуума к определенной сплоченной группе людей, характеризующейся единством территории, языка, культуры, черт национальной психики и т.д.» [5].

В России на протяжении веков мирно сосуществовали представители православия и ислама, иудаизма и буддизма. Духовное единство народов России было сформировано во многом благодаря тесному диалогу различных культур и конфессий, так как в их основе лежали общие нравственные ценности. Этот факт явился основой стабильно-

сти России как многонационального и многоконфессионального государства.

Традиционные религии, в том числе православие, проповедуют уважение к другим людям, призывают к дружбе, терпимости и любви (к ближнему, Родине, своей земле) [6, с. 112, 145, 176].

В социальной доктрине российских мусульман написано: «Пророк Мухаммад (...) сказал: «Не относится к нам тот, кто призывает к нетерпимости. И не относится к нам тот, кто сражается, побуждаемый нетерпимостью. И не относится к нам тот, кто умер в своей нетерпимости»» [7]. В Коране утверждены равенство и братство. Все люди созданы Аллахом и все образуют единую семью созданий Аллаха, в своих деяниях все они зависимы от Божественной воли. Все они имеют одного праотца — Адама. В Коране сказано: «Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам (Коран, 5: 48) [8, с. 45].

И в православии, и в исламе патриотизм, защита своей Родины, уважение к старшим, забота о слабых и беззащитных, милосердие, доброта являются непреходящими, основными моральными ценностями.

Мы считаем необходимым воспитывать уважение к национально-культурной и религиозной самобытности народов, сохранению этнокультурных и нравственных традиций, идеалов благородства, чести, достоинства человека.

Обращение к национальным и религиозным традиционным ценностям должно способствовать консолидации общества и воспитанию современной молодежи на основе межнациональных и межрелигиозных связей, многовековых устоях, традиционных ценностях.

Поэтому взаимодействие национальных, религиозных и общественных организаций, государственных структур может и должно способствовать формированию национальной идентичности, укреплению гражданского мира и согласия в современной России и на Северном Кавказе.

Литература

1. Встреча с представителями религиозных объединений // Портал Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64336>

2. Владимир Путин: ислам и христианство основаны на фундаментальных гуманистических ценностях // Портал ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7168281>

3. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.

4. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Наследие империй и будущее России. М., 2008.

5. Согрин В.В. Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В.А. Тишкова) // Общественные науки и современность. 2011. №1. С. 117–125. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document2487.pdf>

6. Библия. М., 2020.

7. Социальная доктрина российских мусульман // Портал Islamtoday. URL: <https://islam-today.ru/socialnaa-doktrina-rossijskih-musulman>

8. Коран. М., 2019.

А.Н. Данилова

***К вопросу о формировании региональной идентичности
(на примере Ульяновской области)***

В 2012 г. президент России В.В. Путин в своем Послании к Федеральному собранию РФ утверждал, что нужно сохранить в нашем государстве «свою национальную идентичность, не растерять себя как нацию» [1]. Этому способствует и принятая 19 декабря 2012 г. Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года. Приоритетной задачей становится «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности» [2]. Такая формулировка целей национальной политики может рассматриваться как своего рода вызов российским регионам, перед которыми ставится довольно сложная задача формирования и поддержания региональной идентичности и в то же время интеграция региона в этнокультурное пространство России.

В тот же период по инициативе губернатора Ульяновской области С.И. Морозова было принято решение создать НИИ этнологии и культуры. Основная цель деятельности Института — формирование региональной идентичности населения Ульяновской области [3]. В контексте деятельности данного Института региональная идентичность рассматривается с позиции «отождествления себя с другими жителями региона на основании общих интересов и признаков, солидарности с земляками по причине совместного проживания с ними в данный момент или в прошлом на одной территории» [4]. Важными направлениями становится разработка и утверждение в 2018 году Концепции со-

хранения и развития региональной и локальных идентичностей населения Ульяновской области до 2030 г. Концепция направлена на активизацию всестороннего сотрудничества органов власти и всего населения региона в деле сохранения и развития гражданско-территориальной солидарности жителей Ульяновской области путем созидательной деятельности на благо всех и каждого и формирования, таким образом, положительного исторического и социокультурного облика региона [5].

Исследование региональной идентичности в последнее время приобретает все большую актуальность. Изучая феномен региональной идентичности, А.С. Макарычев выделил в России только три группы регионов с ярко выраженными признаками собственной региональной идентичности: 1) большинство «этнических республик» (среди которых лидерство принадлежит Татарстану и северокавказским республикам); 2) приграничные территории, очертания идентичности которых могут формироваться как на основе включенности в систему трансграничных отношений, так и на основе противопоставления соседним (внешним) территориям (Краснодарский и Приморский края). Именно в этих субъектах Федерации миграционные потоки могут стать важным фактором регионального самосознания; 3) ряд русских областей с сильно выраженным историческим ядром (Санкт-Петербург, Нижний Новгород и пр.) [6].

Ульяновская область не входит в вышеприведенный список регионов, обладающих сильно выраженной региональной идентичностью. Однако исследование данного феномена, его основных особенностей, противоречий и показателей в сопоставлении с географическими, культурно-историческими, экономическими аспектами Симбирско-Ульяновского края приводит к выводам об активности трансформационных процессов в направлении развития региональной и локальной идентичности.

Особенности идентичности региона описываются в очерках известных деятелей, посетивших Симбирский край. В качестве наиболее значимых необходимо отметить публикации Т.А. Громовой «Образы Симбирска в общероссийских литературных источниках XVIII—XIX веков». Автор обращает внимание на то, что многие известные деятели видели в Симбирске сонный, застойный и прозябающий от тишины городок. Жители города всегда в заботах, суетливы [7, с. 38]. В то же время такое описание противопоставлялось крупным столичным городам. Благодаря развитию просвещения и вообще культурному росту конца XIX века предание о «сонном городе» кажется развешанным. Несмотря на то что городу приписывают застойность, «он не шумит по-

добно многим городам, шумливым и оживленным с внешней, показной стороны», у города есть важная особенность: обилие зелени, чистейший воздух и прекрасные виды определяют «в теперешнем своем положении Симбирск хорошим дачным городом, где легко живется летом». Таким образом, Симбирск в начале XX века представлял собой типичный провинциальный город средней полосы России. Это обуславливает его специфику — выдающиеся уроженцы стремятся на «столичный простор», а разного рода деятели науки и искусства, пресытившись суетой больших городов, наоборот — находят здесь «райский уголок» для отдыха [8, с. 41]. Тому способствовало как обилие городских усадеб дачного типа, так и общее развитие садоводства в регионе. С точки зрения автора, наиболее точно характеризуют Симбирск высказывания «город-сад» и «природно-климатическая станция» [9, с. 179].

В 1990-е в регионе, в силу глобальных как негативных, так и позитивных тенденций в России, меняется коллективное самосознание жителей. Политика регионального руководства в 1990-е гг., с одной стороны, смягчила для населения вхождение в рынок, с другой — спровоцировала последующее отставание в экономических показателях по сравнению со многими соседними субъектами Российской Федерации. Результатом таких процессов становится преобладание негативного общественного настроения, выражающееся в кардинальной смене ценностных ориентиров молодежи, искажении ценностей и духовного опыта старшего поколения. Жители чувствовали тревогу за свое будущее, безнадежность в разных сферах жизни. Такое состояние можно назвать как «комплекс региональной неполноценности», при котором население остро ощущает свою «ненужность, второсортность, отверженность». Комплекс стал стимулировать снижение уровня региональной идентичности по таким показателям как: эмоциональное родство и заряженность на развитие области, разрушение позитивных нравственных качеств, отток наиболее активного населения. Сейчас регион находится на переходном этапе: от активного поиска маркеров идентичности региона к ее формированию и укоренению через осознание, познание своей малой родины и ментальную переработку этого знания в сознательное позитивное отношение к месту проживания (развитие «чувства места») и в соответствующее созидательное поведение, отражающие компоненты региональной идентичности.

К особенностям региональной идентичности в регионе на современном этапе стоит отнести противоречия, формирующие проблемное поле исследуемого явления. К таковым следует отнести:

- противоречие между симбирской и ульяновской составляющими. Это следствие «разрыва эпох»: сторонники идеализируемого советского «ульяновского» прошлого и противники, идентифицирующие себя с «симбирским» имперским прошлым и буржуазным настоящим. На уровне обыденности эти два компонента прочно вошли в политико-культурное пространство региона;

- пространственный разрыв. Расположение региона в положениях Волга-Сура, областного центра Волга-Свияга, правобережье и Левобережье. Физико-географическое разделение способствует формированию ментальных отличий. На данном этапе происходит процесс активизации единения разрозненных сообществ в общество с новой идентичностью. Этому способствуют краеведческие изыскания, социально-экономическая политика руководства, курс на позитивное будущее;

- многообразие народов и религий в регионе сближает с национальными республиками, где региональная идентичность выражена сильнее;

- разрыв поколений отражает глубокие противоречия между ценностными установками родителей с багажом советского прошлого и современной молодежью поколения Z;

- неблагоприятная возрастная структура населения. В годы перестройки регион активно заселялся молодежью, в военные училища приезжали молодые люди. С закрытием трех военных училищ молодое поколение с семьями покидало регион, возвращаясь сюда в пенсионном возрасте. Сейчас также намечен отток молодого населения из региона с целью обучения, перспективной работы и лучшей жизни. Такие процессы приводят к перекосу в половой структуре населения и снижению демографических показателей. В Концепции по развитию региональной идентичности с целью решить данную проблему основной упор делается именно на взаимодействие с молодежью, как основной мобильной группой;

- человеческий потенциал и качество жизни в регионе. Уровень жизни населения имеет существенные отличия по сравнению с соседними регионами. Высокий человеческий потенциал может обеспечить и высокие темпы экономического роста в регионе. Местные брендовые производства («УАЗ», «Авиастар», «Волжанка» и др.) способствуют эмоциональной связи с регионом, развитию коллективного самосознания.

Для региональной идентичности важным аспектом является и то, что индивид отождествляет себя с региональной общественностью. В регионе это выражается через волонтерские сообщества, создание Молодежных министерств образования и управления.

Жители региона в настоящее время все более позитивно признают связь с местом проживания, перенимают образ жизни, гордятся людьми и историческими событиями.

Формирование региональной идентичности должно происходить в трех направлениях:

- пространственное. Обоснование эмоциональных якорей, которые установят глубокую связь с местом проживания. Многие из жителей регионального центра признаются, что современные застройки по соседству с памятниками архитектуры ухудшают внешний облик. Смесь современных многоэтажек и «законсервированных» зданий былых эпох вызывают скорее негодование, чем культурное наслаждение людей. Жители региона выделяют несколько символических мест, которые, по их мнению, должен посетить турист, приехавший в Ульяновскую область: мемориал В.И. Ленина, набережная р. Волги, национальный парк Сенгилевские горы, Никольская гора в р.п. Сурское, музей под открытым небом и др.;

- социальное. На территории Ульяновского региона жили и творили множество известных людей: В.И. Ленин, И.А. Гончаров, А.А. Пластов, Н.М. Карамзин, Н.М. Языков и другие известные деятели. Но стоит заметить, что часто это «магия имен» прошедших лет. Среди современников, которыми гордятся жители региона, выделяют Никосу Сафронова, Сергея Жукова. Важным аспектом в формировании региональной идентичности становится переосмысление ментальной схемы «Полюбим, когда уедет или умрет»;

- поликультурное. Региональная идентичность, меняясь и укореняясь во времени и пространстве, должна быть навязана не сверху, выстроена путем создания среды, способствующей общению и взаимодействию между жителями региона, что придет к развитию коллективного местного самосознания.

Подводя итоги о сформированности региональной идентичности у населения Ульяновской области, обратимся к такому показательному критерию, как территориальное самосознание. Территориальное самосознание - своего рода сплав человеческой культуры и географической среды, особое «чувство места», которое обусловлено совместным проживанием людей на одной территории, осознанием принадлежности к определенной общности [10, с. 134].

А. Ткаченко рассматривает территориальное самосознание как более сложные взаимоотношения территории и индивида и выделяет основные компоненты при анализе и измерении данного феномена:

1. Самоназвание, отражающее местный колорит и особенности. Сюда следует отнести названия, применяемые местными жителями.

Например, «Ульск» — так жители города называют свой административный центр в уменьшительно-ласкательной форме; «Рылейка» — рыболовное местечко близ спуска Рылеева. У рыбаков есть местная поговорка «на Рылейку за уклейкой»; «Паровозик» — местное название остановки и прилегающей территории близ памятника «Паровоз серии Л-3291», привезенного в 1989 году машинистом Ф.В. Сидорочевым из Нурлата; «Волжанка» — так местные жители называют любую минеральную воду в регионе, а иногда и за его пределами, не зависимо от бренда. Сейчас активно популяризируется и новый бренд, отражающий локальность, минеральная вода «Ульянка»; «Кривой дом» — так местные жители называют П-образное здание в центральной части г. Ульяновска; «Пятачок» — это знакомое, казалось бы, всем слово горожане употребляют по-своему. Так называют бывшую остановку автобусов, приезжающих из Заволжья; «Пески» — микрорайон на песчаном берегу Свяги; «Биг-Бэн» — так по аналогии с одной из достопримечательностей Лондона местные называют часы на Доме Гончарова в центральной части Ульяновска; «Тарелка» — так окрестили пристройку Политехнического университета, выполненную в форме космической тарелки»; «Киндяковка», «Киндеград» или «Киндесити» — так многие называют Железнодорожный район. В XIX веке там жил помещик Василий Киндяков; «Улей» — так называют наш город ульяновцы проживающие за его пределами [11].

2. Пространственная самоидентичность отражается в отнесении себя к «Ульяновцам», «Симбирянам», жителям Поволжья. Для укрепления позиции уже сейчас проходят конкурсы «Имя Симбирского-Ульяновского края», «Я — гражданин Ульяновской области» и т.д., отражающие специфику данного направления.

3. Территориальные знания о границах, районах. В целом данное направление отражает знаниевый (когнитивный) компонент региональной идентичности. Его реализация успешно осуществляется посредством печатной продукции, конференций, отражающих специфику направления. В школьном образовании вводятся курсы краеведения в качестве элективных курсов и занятий внеурочной деятельности. С каждым годом возрастает не только количество, но и уровень участников олимпиады по краеведению. Все большую популярность набирает ежегодная образовательная акция «Краеведческий диктант», фестиваль «Волжский путь», мероприятия «гончаровской» тематики, Международный культурный форум и ассамблея художников «Пластовская осень», мероприятия в рамках Карамзинского движения и др.

4. Территориальные интересы, объединяющие разные возрастные группы жителей региона. К таковым стоит отнести: ежегодное авиационное шоу, яхтинг и др.

5. Особая система установок и ценностей реализуется в большей мере среди детей и молодежи через новые Программы воспитания, одной из целей которых и стало развитие региональной идентичности.

Сформированная региональная идентичность есть результат процесса региональной идентификации. Поэтому формирование региональной идентичности как социокультурного феномена Ульяновской области должно быть основано на чувстве принадлежности к своему региону, опираться на исторические, политические, экономические и культурные особенности региона [12, с. 4]. В Ульяновской области есть все ресурсы для дальнейшего формирования и развития позитивной региональной идентичности жителей и региональной общественной солидарности в противовес комплексу региональной неполноценности.

Литература

1. Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Президент России. [Официальный сайт]. 12.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>

2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810>

3. Юхтанов А. В Ульяновске создается НИИ по поиску региональной идентичности // Аргументы и факты. Ульяновск. 29.11.2012. URL: <http://www.ul.aif.ru/politic/article/29462>

4. Центр стратегических исследований Ульяновской области. Институт истории и культуры. URL: <https://www.csiul.ru/activity/tsentr-razvitiya-istorii-i-kultury-regiona>

5. Губернатор и Правительство Ульяновской области. URL: <https://ulgov.ru/news/regional/04062020/56990>

6. Макарычев А.С. Идентичность государства — реалии и перспективы трансформации. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/al26.htm>

7. Громова Т.А. Образы Симбирска в общероссийских литературных источниках XVIII–XIX веков // Симбирский текст русской культуры: проблемы реконструкции. Сборник материалов конференции / отв. ред. Л.А. Сапченко. Ульяновск, 2011.

8. Стеценко А.И. Симбирск глазами современников // Пятые Сытинские чтения. Ульяновск, 2010.

9. Оглоблин Н.Н. Сонный город (из путевых заметок) // Исторический вестник. 1901. №10.

10. Богданова Л.П., Щукина А.С. Генетическая структура городского сообщества как основа формирования территориального сознания // СОЦИС. 2006. №7. С. 133–136.

11. Улпресса — все новости Ульяновска. 19.11.2008. URL: <https://ulpressa.ru/2008/11/19/article68126>

12. Данилова А.Н. Социальный аспект региональной идентичности // Вопросы педагогики. 2021. №6.

Н.В. Дьяченко
Гастрономическая культура как инструмент
формирования региональной идентичности
в Алтайском крае

Региональная идентичность как продукт личностного и общественного сознания отражает наличие территориальной общности своих интересов по отношению к другим общностям своего и сопредельных государств. Единство исторической судьбы, особенности материальной и духовной культуры, ментальное понимание географической целостности территории, общий тип хозяйственной жизни лежат в основе осознания жителями региона своей общности при ответе на вопросы: «кто мы?», «какие мы?», «где мы?».

Генераторами идентичности выступает, в первую очередь, власть, которая инициирует направление социальной и экономической политики в регионе, действуя через предпринимательскую сферу, искусство, законодательные акты, обращения знаковых личностей. «Малая родина» — единица территориальных связей на основе совместной жизнедеятельности разных социальных групп: этнических, культурных, конфессиональных — основа для оформления общерегиональной идентичности.

Деятельность элит по формированию региональной, этнической идентичностей исследовалась Б. Андерсеном, Э. Хобсбаумом [1; 2]. Мобилизация региональной идентичности, обусловленная особыми задачами и изменившимися условиями XXI в., рассмотрена в работах Н.А. Галактионовой, Ю.Г. Чернышова [3; 4].

Статья посвящена инструментам формирования образа региональной кухни, принципам актуального позиционирования специфического «алтайского бренда» гастрономической культуры. Предметом ис-

следования является медийная сторона гастрономической жизни Алтайского края. Исследование проведено на материале информационных публикаций в монографических и периодических изданиях, региональных СМИ, социальных сетях о гастрономических мероприятиях, проводимых в крае, а также рекламы предприятий общественного питания, формирующих образы и темы, привлекаемые для конструирования «алтайской гастроидентичности».

Гастрономической идентичностью региона можно считать совокупность особенностей существующих в нем гастрономических культур и придающих ему некую уникальность наряду с другими регионами. Гастрономическая идентичность представлена технологиями приготовления, подачи, потребления пищи, особенностями организации пищевой промышленности, особенностями функционирования агропромышленного комплекса, формами существующих гастрономических традиций. Она зависит от природно-климатических, культурно-исторических, социально-экономических и технологических факторов развития территории [5, с. 86].

Новый этап формирования гастрономической идентичности региона начался после введения в 2014 г. ограничительных политических и экономических мер в отношении России странами Запада.

Экологизация сельского хозяйства.

Одним из ведущих направлений продуктовой политики европейских стран стало производство экологически чистых продуктов питания, без использования ядовитых химических веществ. Производство биопродуктов основано на гастрономической культуре, опирающейся на традиции и представления о здоровом образе жизни.

При популяризации главных отличительных признаков и достоинств алтайской гастрономии неизменно называются ее целебные качества и выдающаяся польза для здоровья. Причем эта тенденция наблюдается как на административном, так и предпринимательском уровнях.

В приветственном вступительном слове губернатора Алтайского края А.Б. Карлина (2005–2018 гг.) к гастрономическому изданию 2015 г. «Кулинарное путешествие по Алтайскому краю» отмечено: ««Алтайский край — все настоящее!» — правдивость этих слов заключена в уникальной природе с многообразием ландшафтов и климатических условий, самобытной культуре региона... Основой для приготовления блюд являются только свежие, натуральные продукты. Мясные деликатесы, цельномолочная продукция, сыры, мед и алтайские дикоросы — речь идет об огромном количестве экологически

чистых ингредиентов, обо всем, что производится и произрастает на нашей земле» [6, с. 3].

В качестве примера предпринимательской деятельности можно отметить ресторан здоровой кухни «Алтай», который работал несколько лет в Москве в районе Замоскворечье на Пятницкой улице. В рекламе ресторана указывалось, что ««Алтай» — это уютный семейный ресторан, где гостям предлагают здоровые русские блюда, приготовленные по старинным рецептам и с использованием только самых свежих ингредиентов. Только у нас Вы можете отведать блюда из натуральных и свежих продуктов, рецепты которых складывались веками в плодородном Алтайском крае» [7]. В меню предлагались алтайские и сибирские продукты: поджарка из лося, стейк из марала, байкальский омуль, муксун, нельма, медовуха и др. Культурно-символические смыслы в заведении передавались и через так называемую внекулинарную атрибутику: детали интерьера и другие аспекты, не связанные напрямую с кухней, но также влияющие на впечатление, создаваемое у посетителей. Так, на одной из стен был помещен портрет М.С. Евдокимова, официанты были одеты в русские национальные костюмы: девушки — в сарафаны, парни — в косоворотки, колоритный швейцар был в кафтане и с бородой. Интерьер «Алтая» был выдержан в русском стиле: декоративная печь, дрова, резные стулья, роспись на стенах и потолке. Все эти элементы были призваны привнести в обстановку ресторана как региональный, так и национальный колорит и дать почувствовать не только «вкус Алтая», но и его дух.

Местную гастрономию как конкурентное преимущество отмечает национальный туристический портал Russia.travel — информационно-познавательный проект Федерального агентства по туризму, посвященный путешествиям по России. В разделе «Гастрономический туризм в Алтайском крае» упомянуто: «Туризм на Алтае надолго запоминается вкусной натуральной едой из экологически чистых районов...» [8].

Работа по экологизации сельского хозяйства и формированию положительного имиджа края ориентирована и на внутренний рынок. С 2013 г. по 2017 г. действовала целевая программа «Здоровое питание населения Алтайского края», направленная на создание условий для увеличения объемов производства в регионе функциональных, специализированных продуктов, отвечающих принципам правильного, здорового питания [9, с. 18]. Для поддержания программы в 2013 г. по инициативе Правительства Алтайского края был разработан бренд «Алтайские продукты + 100 к здоровью!». Основу коммуникационной деятельности по продвижению бренда «Алтайские продукты + 100 к

здоровью!» составляли специальные мероприятия, представленные в двух направлениях: организация массовых гастрономических фестивалей и участие в деловых форумах.

Акцентируя внимание на конкурентных преимуществах алтайской продукции на открытии фестиваля «Дни алтайского сыра» в 2013 г., площадками для проведения традиционных праздничных мероприятий которого стали не только Алтайский край, но и — впервые — Новосибирск, губернатор Алтайского края А.Б. Карлин отметил: «...Сырный фестиваль — это праздник еще и для тех, кто правильно питается и ведет здоровый образ жизни, потому что для производства сыра требуется только высококачественное сырье, без добавления химических ингредиентов» [10, с. 67].

Гастрономическая культура является важным компонентом экономики и предпринимательства в условиях развития экономических стратегий импортозамещения. 19 августа 2015 г. ООО «Алтайская ярмарка» официально презентовала проект — фестиваль «Деревня EXPO. ECO-FRIENDLY». Руководитель проекта заявил, что фестиваль рассчитан на продвижение натурального алтайского продовольствия. На презентации проекта «Студия вкуса» совместно с представителями СМИ приготовили несколько блюд из алтайских продуктов: моцареллу с помидорами и с соусом, копченую на ольховой щепе речную форель.

Фестиваль региональных продуктов питания «Деревня EXPO. ECO-FRIENDLY» проходил 25–27 сентября 2015 г. в Барнауле. Лозунгом мероприятия стал призыв к отказу от фаст-фуда и пропаганда здорового питания, основанного на национальной и региональной кухне. Организаторы и партнеры выставки не стали перерезать красную ленточку, но выпили в честь открытия по стакану деревенского молока. Районная газета «На земле Троицкой» Троицкого района Алтайского края от 7 сентября 2015 г. в статье «Деревня EXPO. ECO-FRIENDLY» писала: «Деревня EXPO. ECO-FRIENDLY» будет интересна всем, кто придерживается здорового образа жизни, разделяет философию слоуфуда или отдает предпочтение продуктам местных производителей» [11].

В региональной риторике эксплицируется общероссийская значимость натуральных продуктов края, как в популярном лозунге «Алтай — житница Сибири». В начале декабря 2018 г. губернатор Алтайского края В.П. Томенко выступил в Совете Федерации. Его доклад касался темы развития региональных брендов. Их несколько — «Алтайский мед», «сыр Советский», «вода Завьяловская», «Алтайские продукты +100 к здоровью» и в перспективе — «Алтайская гречка». Доказатель-

ством неповторимых свойств алтайской гречки занимаются ученые Алтайского государственного технического университета, которые проводят сравнительные анализы гречихи из разных регионов. По предварительным данным, такими отличительными особенностями могут стать крупность зерна и его витаминно-минеральный состав [12].

Развивая программу продвижения региональных пищевых символов на 2021 г., Алтайпищепром запланировал три традиционных гастрономических праздника — Медовый спас на Алтае (его проводят в начале августа), Дни алтайского сыра и День мясного гурмана (конец августа — начало сентября). Постоянными информационными партнерами мероприятий выступают ИА «Амител», ИД «Алтапресс», газета «Алтайская правда», телеканал «Катунь 24», телеканал «СТС», радио «Катунь ФМ» и радио «Маяк».

Гастрономический туризм.

Концепция гастрономической идентичности часто выступает в качестве эффективного инструмента продвижения региона на рынке туризма. Алтайский край обладает высоким уровнем исследования гастрономической культуры и имеет необходимый набор ресурсов для развития гастрономического туризма.

Знакомство туриста с гастрономической культурой — особая форма познавательного туризма, с возможностью посещать различные промышленные предприятия, производящие конкретную продукцию, гастрономические музеи, фермы. Наиболее популярными туристскими мероприятиями являются выставки, мастер-классы, дегустации, участие туристов в праздничных гастрономических мероприятиях.

Опыт формирования гастрономической идентичности территорий зародился в Европе. Франция, Италия, Великобритания и ряд других стран законодательно соотнесли районы производства определенного вида пищевой продукции и конкретные пищевые бренды. Во Франции это винодельческие регионы Шампань и Бургундия, в Италии — Тоскана, Пьемонт, в Великобритании — Шотландия, в Германии — Бавария. Таким образом, появилась практика соотнесения региона и производимой в нем продукции, направленная как на защиту местного производителя, так и на повышение его узнаваемости на рынке.

Развитию гастрономического туризма способствуют разнообразные маркетинговые инструменты, созданные на основе исследований — кулинарные путеводители, гастрономические карты, «вкусные» справочники.

В рамках государственной программы Алтайского края «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Алтай-

ском крае» на 2014–2020 гг. управлением Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры, краевым государственным бюджетным учреждением «Туристский центр Алтайского края (Алтайтурцентр)» в 2015 г. был реализован проект по публикации гастрономического исследования «Кулинарное путешествие по Алтайскому краю» [6]. Раздел «Питание и кулинарные традиции населения Алтая в XVIII — начале XX века» знакомит читателя с историческими особенностями региональной кухни, опытом использования традиций приготовления пищи в работе предприятий питания. В разделе «Лучшие рецепты из лучшего сырья» представлены тематические мастер-классы как эффективная форма популяризации алтайского сырья. Отдельные главы исследования посвящены описанию гастрономического фестиваля «Алтайское гостеприимство» и «Вкусной карте» Алтайского края – алтайским кулинарным брендам в меню современных объектов питания.

Под общей редакцией А.Б. Карлина в 2017 г. в Барнауле был опубликован первый том специализированного научно-справочного издания «Туристская энциклопедия регионов России», посвященный Алтайскому краю [13]. Отдельные разделы проекта описывают особенности гастрономических туров, входящих в программу брендовых туристических маршрутов «Малое Золотое кольцо Алтая» и «Большое Золотое кольцо Алтая». Также в энциклопедии указаны гастрономические фестивали, приводившиеся в крае на регулярной основе: «Пир горой», чемпионат по спортивному пельменингу в г. Бийске, фестиваль напитков «АлтайФест», «День мясного гурмана» и др.

Первый «День мясного гурмана» состоялся в 2008 г. в формате выставки-ярмарки. В 2017 г. «День мясного гурмана» вошел в ТОП-200 лучших событийных проектов России, получил статус «Национальное событие — 2017». С 2018 г. формат мероприятия был изменен на фестивальный. В 2021 г. мероприятие по традиции запланировано на середину августа.

Открытие летнего туристического сезона в крае традиционно проводится в особой экономической зоне «Бирюзовая Катунь» на празднике «Цветение маральника». Для гостей работает гастрономическая площадка «Ярмарка региональной кухни». На открытии 1 мая 2021 г. главе региона В.П. Томенко дали испробовать традиционный безалкогольный напиток — сбитень на основе алтайских трав. Помимо напитков на ярмарке были представлены десерты из меда, брусники и кедровых орешков, конверты с мясом яка и гвоздь программы — бургер с котлетой из нежной алтайской мраморной говядины. Все компоненты

блюд местного производства — это дары леса, продукция ферм и частных подворий.

Участие в гастрономических мероприятиях организованных групп туристов способствует формированию положительного имиджа края за пределами региона. Так, в 2011 г. на фестиваль «Дни алтайского сыра» туроператоры и санатории впервые привезли туристические группы. Посетители стали участниками установления рекорда для Книги рекордов России на самую массовую дегустацию сыра. За пять часов было съедено 1300 кг и 100 г сыра.

Во всем мире популярны историко-гастрономические экскурсии, этнотуризм. В Китае, например, работают центры по изучению чайной церемонии, в американской долине Напа (Калифорния) процветает винный туризм. Данное направление развивают и предприниматели края. В Смоленском районе Алтайского края проводятся экскурсии на сыроварне «ТриА». Владельцы усадьбы разработали даже специальные курсы, продолжительностью 2–3 дня. В течение этого времени ученики могут научиться делать сыр самостоятельно в домашних условиях. В обычную гастрономическую экскурсию включены: дегустация нескольких видов сыров и сладостей ручной работы, травяной чай, мед, увлекательный рассказ о видах сыра и процессе производства. Кроме того, гости могут пообщаться с козами.

Алтайский сыр.

Сыр — один из самых традиционных продуктов гастрономической культуры, который презентуется на международных фестивалях в крупнейших регионах производства. Авторитетный международный Фестиваль сыра проводится в Италии в городке Бра (Пьемонт). Не менее значимым является международный конкурс сыра Fromanval во французском регионе Бургундия — Франш-Конте в городе Мамироль.

Сыроварение начинает развиваться на Алтае в годы Первой мировой войны: сыр был более транспортабелен, чем масло, и его сбыт не монополизировался государством. Новый этап в развитии алтайского сыроделия был положен в начале 1930-х гг. благодаря молодому ученому Дмитрию Гранникову, создавшему региональную рецептуру сыра «Советский».

В 1958 г. в г. Барнауле на базе краевой молочной лаборатории был создан Алтайский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института маслодельной и сыродельной промышленности (АФ ВНИИМС). С 2002 г. филиал был реорганизован в «Государственное научное учреждение Сибирский НИИ сыроделия», занимающийся разработкой новых технологий и видов сыров. Постановлением Администрации Алтайского края от декабря 2011 г. был организован «Между-

народный колледж сыроделия и профессиональных технологий» (с. Алтайское Алтайского района).

К инструментам конструирования идентичности края относится фестиваль «Дни алтайского сыра» — знаковое мероприятие региона, которое трижды попадало в Книгу рекордов России с самой длинной сырной косичкой, самой большой сырной головкой и самой массовой дегустацией сыра.

Впервые «Праздник сыра» был организован в 2006 г. по инициативе губернатора А.Б. Карлина в рамках крупнейшей агропромышленной выставки Сибири «Алтайская нива». Основные цели и задачи Международного фестиваля «Праздник сыра» — продвижение продукции алтайских сыроделов на внутренние и внешние рынки, популяризация и развитие культуры потребления сыра.

В 2007 г., юбилейном для Алтайского края (70-летие края), участниками фестиваля стали 24 сыродельных предприятия и делегация из Франции. На мероприятии была представлена большая сырная головка Алтайского маслосырзавода — сыр «Гигант» массой более 600 кг, изготовленный по технологии сыра «Алтайский». Длина косички «Алтайская» — 16 м 61 см, вес — 17 кг 300 г [8, с. 63]. В 2009 г. вице-президент провинции Франш-Конте (Франция) Пьер Маньэн-Фейзо поделился результатами трехлетнего сотрудничества с Алтайским краем. На французской экспозиции демонстрировалась варка сыра. Этот алтайско-французский сыр через год на следующем фестивале был признан созревшим, после пробы специальным щупом. В рамках года России во Франции и Франции в России (2010 г.) Алтайский край стал регионом-партнером Большой Франш-Контийской ярмарки, которая проходила весной в Безансоне. Таким образом, международное сотрудничество края в области сыроварения можно рассматривать как инструмент гастродипломатии.

Алтайский мед.

Программа продвижения продовольственных товаров, производимых на территории Алтайского края, ориентирована прежде всего на традиционные отрасли, например, пчеловодство. Довольно быстро пчеловодство начало развиваться на Алтае со второй половины XIX в. Расширению этой отрасли сельского хозяйства способствовало развитие воскобойной и свечно-восковой промышленности, рост населения округа, дороговизна привозного сахара. В советское время по количеству пчелосемей Алтай уступал только Краснодарскому краю.

В декабре 2010 г. Постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания был принят закон «О пчеловодстве», регулирующий «...отношения, возникающие при осуществлении деятельности по

разведению, содержанию, охране медоносных пчел и источников медосбора, их использованию для опыления энтомофильных культур, производству продуктов пчеловодства, а также созданию условий для повышения эффективности пчеловодства...» и предусматривающий господдержку в области пчеловодства [14].

В декабре 2012 г. в регионе зарегистрирован краевой сельскохозяйственный потребительский снабженческо-сбытовой кооператив «Алтай — медовый край». Кооператив создан для решения общей задачи — популяризации пчеловодства, продвижения и расширения рынков сбыта знаменитого алтайского меда. Учредителем организации выступило некоммерческое партнерство «Ассоциация переработчиков пчелопродукции Алтайского края». В 2015 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) зарегистрировала наименование места происхождения товара (НМПТ) «Алтайский мед».

К масштабным событийным гастрономическим мероприятиям края относится «Медовый Спас на Алтае». Фестиваль проводится в августе и приурочен одновременно к одноименному православному празднику «Медовый Спас» и ко Дню пчеловода Алтайского края. В 2017 году фестиваль «Медовый Спас на Алтае» вошел в «Топ-10» самых популярных гастрономических фестивалей среди российских туристов. Праздник помимо краевой столицы проводится и в других городах края — Бийске, Белокурихе, Заринске, Рубцовске, Славгороде и Яровом.

Таким образом, гастрономическая культура является важным элементом формирования территориальной идентичности. Гастрономические символы эксплуатируются как дань исторической памяти, как один из элементов маркетинговой политики, инструмент консолидации на основе традиционных региональных ценностей: экологизации производства и здорового питания.

Нацеленность как на исторический, так и на гедонистический аспекты делает гастрономическую идентичность региона перспективным инструментом продвижения туристских территорий, способом сохранения и передачи культурных ценностей в рамках региональной культуры питания.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008.

3. Галактионова Н. Формирование региональной идентичности в Тюменской области // Власть. 2009. №8.
4. Чернышов Ю.Г. Имидж Алтайского края и формирование региональной идентичности // Дневник Алтайской школы политических исследований №21. Барнаул, 2005.
5. Сильчева Л.В., Бальнин К.А. Гастрономическая идентичность региона. Сущность и практическое значение // Естественные и математические науки в современном мире. 2015. №32.
6. Кулинарное путешествие по Алтайскому краю. Барнаул, 2015.
7. Ресторан Алтай. URL: <https://vk.com/altainomer1>
8. Гастрономический туризм в Алтайском крае. URL: <https://russia.travel/journals/328294>
9. Ковалева А.В., Григорьева Ю.И. Зонтичный региональный бренд «Алтайские продукты +100 к здоровью» в системе продвижения бренда Алтайского края // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2019. № 20–21.
10. Праздник сыра в столице сыроделия России — Барнауле // Сыроделие и маслоделие. 2013. № 5.
11. «Деревня EXPO. ECO-FRIENDLY» URL: <http://trogazeta.ru/predprinimatelstvo/derevnja-expo-eco-friendly>
12. Зернопереработчики решили зарегистрировать новый бренд «Алтайская гречка». Что это такое? URL: <https://altapress.ru/ekonomika/story/gubernator-tomenko-rasskazal-senatoram-o-novom-brende-altayskaya-grechka-chto-eto-takoe-233260>
13. Туристская энциклопедия регионов России. Т. 1: Алтайский край. Барнаул, 2017.
14. Закон Алтайского Края от 06 декабря 2010 года №110-ЗС О пчеловодстве. URL: <https://docs.cntd.ru/document/895279890>

Е.А. Кошечкина
Историческая память как основа
национальной идентичности современной России
(на примере истории Лужского края)

В условиях современной реальности — глобализации и регионализации, формирования постиндустриального общества со свободным доступом к информации проблема сохранения национальной идентичности и этнической самобытности стоит как никогда остро. Ведь если в традиционном обществе идентичность, как национальная, так и этническая, могла оставаться неизменной многие поколения, то процессы глобализации и почти мгновенный доступ к информации благодаря

цифровизации общества провоцируют процесс потери устойчивых ориентиров, что напрямую влияет на национальную идентичность. А в условиях все увеличивающихся миграционных потоков, смешения населения за счет межнациональных браков сохранять этническую самобытность становится все тяжелее.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что на сегодняшний день меняются и подвергаются модификации не только этнические и национальные ориентиры, но и индивидуальные. Ведь каждый индивид может принадлежать к нескольким видам идентичности: семейной, половой, профессиональной и прочей. И постоянно «переключать» идентичности по мере необходимости. При этом не меняя национальную и этническую идентичность. Так как последние относятся к так называемой групповой идентичности, которая не склонна к быстрым переменам.

Однако на сегодняшний день понятие семьи размывается, о чем постоянно говорят как ученые, так и общественные деятели. Человек в течение жизни может много раз менять профессиональную сферу, подстраиваясь под быстро меняющуюся реальность социального развития. Гендерные характеристики также размываются одновременно с семейными, и патриархальность постепенно отходит в прошлое, а гендерные роли наполняются новыми характеристиками. Именно поэтому происходит процесс размывания, рассеивания идентичностей, как отдельно взятого человека, так и нации в целом.

Некоторые западные ученые (П. Бергер, Т. Лукман) утверждают, что в современном информационном обществе правильным будет не формирование идентичности, а отказ от нее [1]. Но это путь в никуда, ведь тогда произойдет отказ от нравственных ориентиров, которые формировались веками, а в некоторых случаях и тысячелетиями. Тем более, что многие народы Азиатско-Тихоокеанского региона (к которому Россия тоже относится) демонстрируют как успешное формирование современной динамичной экономики, информационного общества, так и сохранение традиционной культуры. Китай, Индия, Япония, Южная Корея — являются примерами стран с высокотехнологичным развитием, но национальная идентичность и этническая самобытность в названных странах не размывается и уж тем более не исчезает.

Россия — страна с уникальной историей и культурой, в составе российской нации присутствуют самые разнообразные этносы и народы, а также представители малых народностей. Фиксируется более двухсот различных народов и народностей, каждый из которых имеет свой язык, свою культуру, обычаи, традиции, в некоторых случаях конфессию. И российская нация не просто их объединяет, но за века

совместного исторического пути стала «плавильным котлом», в котором национальные, культурные, религиозные и прочие различия не имеют значения для национальной идентичности, но сохраняются с позиций этнической самобытности.

Специалисты полагают, что знаковым моментом рождения национальной культуры и идентичности является появление литературного (письменного) языка и национальной литературы, и именно в этом проявляется отличие национальной идентичности от этнической [2]. Но история, на наш взгляд, является не менее, а порой и более значимым фактором. Длительное совместное проживание на одной территории, взаимообогащение традиций и языковой культуры, совместный отпор общим врагам, противостояние системному кризису и многое другое, что отличает российскую историю, оказали прямое влияние на национальную идентичность. В качестве примера можно привести Ленинградскую область и ее органичную часть — Лужский край.

Лужский край имеет древнюю историю, в которой тесно переплелись истории разных этносов, что отражается в современных топонимах. Славяне не были коренным населением, даже топоним Луга связан не с нашими прямыми предками, но с древней народностью воль. Вероятно, он означает место, связанное с нерестом лососей. Что косвенно подтверждается изображением лосося на исторических гербах города.

Заселение Полужья шло постепенно, самое древнее поселение относят к эпохе мезолита. Люди шли за отступающим ледником и постепенно отвоевывали у природы территории. К V в. н.э. здесь уже обитали предки всех современных народностей Ленинградской области. Появление же славянского населения относят к VIII веку. Идет процесс взаимопроникновения культур, о чем красноречиво свидетельствуют археологические памятники. Так, например, в X веке, под влиянием заимствованных традиций среди славян Полужья распространился обычай сооружения в местах погребений высоких курганов-сопок. Таких сопок достаточно много по берегам местных рек и озер. Сейчас, располагаясь среди открытых пространств, они воспринимаются заметной частью исторических ландшафтов.

К X же веку относят и первое упоминание о реке Луга — в Лаврентьевской летописи под 947 годом в связи с походом княгини Ольги к Новгороду. Процесс взаимоотношений местного населения с княжеской властью носил характер активного и пассивного сопротивления: некоторые городки, вроде Надбелья, были оставлены жителями. Другие оказывали вооруженное сопротивление. Об этом говорят следы пожарища, зафиксированные на городище в Городце. Тем не менее

процесс вхождения Полужья с состав древнерусского государства состоялся. И по этим местам проходил древний водно-пеший торговый путь, связывавший Новгород с прибалтийскими землями.

В новгородских летописях IX–X веков при перечислении племен и народов, живших на территории Полужья рядом с ильменскими славянами, упоминаются воль, чудь и ижора, племена меря и весь (вероятно вепсы, которые и на сегодняшний день проживают на территории Ленинградской области). Совместная история, расцвеченная славными победами, сплотила народы в единое культурное пространство. Даже языческая и христианская традиции идут бок о бок, примеров тому множество, когда рядом с языческими капищами или священными камнями (предположительно жертвенными) появляются часовни. А древние родники с целебной водой по-прежнему посещаются, но теперь уже как святые места.

Народы Лужского края вместе пережили набег рыцарей крестоносцев, когда враги прошли все течение Луги вплоть до Сабельского погоста. В 1240 году рыцари-крестоносцы после захвата Пскова и Изборска рвались к Новгороду, и именно тогда было разорено Полужье. К этому времени относят разрушение древней крепости Городец, которая прикрывала с запада ближние подступы к Новгороду. В 1241 г. новгородцы попросили князя Александра о защите. И когда Александр Невский встал во главе ополчения, тайными тропами пробирались в Новгород совместные отряды, состоящие из представителей разных народов Полужья.

Историческая память сохранила легенды, связанные с этими событиями. Первые схватки с врагом произошли на лужских землях, так как Александр двигался на Водскую землю (в нижнем течении Луги) и Копорье. По преданию, великий князь остановился на привал недалеко от Сяберского источника. Путь следования А. Невского неслучаен. В Сяbero проходил древний водяной путь, связывающий Новгород с южной частью Чудского озера, а также один из главных сухопутных торговых путей из Новгорода на запад в Юрьев (Дерпт). Легенда гласит, что великому князю, остановившемуся на привал у сяберского источника, явилась во сне святая Параскева и предрекла победу над ливонцами. По обету, на обратном пути после Ледового побоища, князь поставил здесь часовню во имя Святой великомученицы Параскевы-Пятницы. На сегодняшний день существует туристический паломнический маршрут «Тропа Александра Невского», который в перспективе планируют включить в проект «Серебряное кольцо России».

Во время Ливонской войны население Полужья вновь совместно давало отпор захватчикам (полякам, литовцам, шведам). Несмотря на

то, что в ходе непрекращающейся войны край разоряли рейды польско-литовских и шведских отрядов, а также опричные отряды, историческая память сохранила легенды о том непростом времени. Например, в Лужском районе сохранился уникальный храм Иоанна Предтечи, построенный по приказу Ивана Грозного. Находится он в ныне необитаемых местах — возле исчезнувшей деревни Каменные Поляны. По легенде, сам Иван Грозный вместе с войском сбился с дороги и когда, наконец, вышел к р. Оредеж, воспринял это как благое событие и приказал построить церковь.

В 1610–1612 годах почти вся Новгородская земля была практически оккупирована армией шведского генерала Якоба Делагарди. В небольших крепостях стояли шведские гарнизоны. После заключения Столбовского мира часть русских земель отходит к Швеции, а населявшие их люди вынуждены были покинуть свои дома. Большая часть Лужского района оказалась в приграничной зоне, где постоянно вспыхивали вооруженные конфликты, которые можно назвать приграничной партизанской войной. Так как нападения со стороны шведов на селения были постоянными, жители близлежащих населенных пунктов объединялись в партизанские отряды и, не страшась численного превосходства, преследовали врагов и одерживали победу. Нужно отметить и тот факт, что народы Полужья объединялись, невзирая на этническое происхождение.

Полное освобождение Лужского края произошло только в ходе Северной войны. Территория Лужских земель надолго становится базой для отрядов Шереметева, действовавших в 1700–1702 гг. в глубине вражеских территорий. Множество исторических памятников осталось с тех времен и, к сожалению, не все дошли до наших дней, но остались в исторической памяти и не должны быть забыты. Например, деревянная Дмитриевская церковь, находившаяся в д. Белая горка, через которую проходил путь армии Петра I, не сохранилась. Так же, как и Георгиевская церковь в с. Осьмино, которая была освящена в 1709 году, в год Полтавской битвы и являлась своего рода символом русской боевой славы.

К событиям Отечественной войны 1812 года Лужский край имел опосредованное отношение, но через наши земли к ожидаемому театру военных действий из Петербурга выступил лейб-гвардии Семеновский полк, один из офицеров которого описал маршрут следования в своем дневнике. Кроме того, в ответ на манифест о создании народного ополчения именно Лужский уезд выставил наибольшее число человек в Санкт-Петербургской губернии. Обучение ополченцев взял на себя

Михаил Илларионович Кутузов. Ополчение из народов, населявших Полужье, участвовало во многих боях с французами.

К сожалению, памятники, связанные с событиями тех времен, за редким исключением находятся в плачевном состоянии. Например, Церковь во имя Святого Николая Чудотворца, которую посещал император Александр I во время одной из своих поездок по старой дороге из Луги в Новгород, на сегодняшний день полуразрушена, часть уникальной утвари безвозвратно утеряна. Редкое исключение из правила — Усадьба «Мерево» (владельцем был генерал Дмитрий Васильевич Лялин) представляет собой базу отдыха, на территории которой проводится ежегодный реконструкторский фестиваль «Недаром помнит вся Россия», посвященный войне 1812 года.

Первая мировая война превратила Лугу и ее окрестности в крупную тыловую базу Северо-Западного фронта. Через город шло снабжение армии боеприпасами, снаряжением, здесь восстанавливали боевую технику, обучали новобранцев, комплектовали воинские части. В сентябре 1914 г. рядом с железнодорожным вокзалом был развернут первый в России пересылочный госпиталь.

В событиях Февраля 1917 года также приняли участие жители Луги. Уже в первые дни Февральской революции в Петрограде лужский гарнизон сыграл важную роль в ее победе. Город оказался максимально политизирован, что проявилось в последующих стычках после Октябрьской революции между «белыми» и «красными» [3]. Историческая память отпечаталась в названиях улиц и поселков близ Луги. Часть улиц нашего города носит имена людей, которые считаются героями Октября — проспекты Урицкого, Володарского, Кирова, пер. Толмачева, ул. Кингисеппа и Фабрициуса.

Лужский рубеж, в котором сплелись судьбы десятков тысяч людей, являвшихся представителями разных этносов, навсегда вошел в историю нашей Родины. Историческая память жива как в названиях улиц — в Луге в честь героев войны названы улицы Виктора Пислегина, Ивана Дмитриева, Петра Баранова, Антонины Петровой, так и в памятниках, расположенных на территории города. В 2008 году нашему городу было присвоено почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы», а в 2010 году был установлен памятник — Стела, которая окружена скульптурными барельефами с изображением событий Великой Отечественной войны. В 2015 году была открыта «Аллея героев» с портретами земляков, прославивших лужскую землю. Жители Лужской земли воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны, восстанавливали страну, город и район после войны. За свои боевые и трудовые подвиги они были удостоены высших госу-

дарственных наград и звания — Героя Советского Союза, Героя Социалистического труда.

Каждая страница совместной истории жителей Полужья бережно хранится как в памяти народа, так и в местных названиях. Топонимика Лужского района широко отражает как этнический состав населения, так и исторические события, происходившие здесь на протяжении многих веков. Названия рек, озер, населенных пунктов, улиц и даже участков местности — это, с одной стороны, отражение этнической самобытности, а с другой стороны — голос наших предков, которые вместе создали уникальную российскую культуру [4].

Этническая самобытность вепсов, ижоры, води, которые проживают на территории Ленинградской области, в том числе и на территории Лужского района, на сегодняшний день представляет собой мозаичное явление. Ведь уже в XVIII–XIX веках они называют себя русскими, несмотря на отличия культуры и языковой принадлежности. Тем не менее, традиции и обычаи представители названных этносов стремятся сохранить и поныне, что не мешает их национальной российской идентичности. Ведь путей формирования нации и национальной идентичности несколько.

Идеологический путь предполагает сплочение народов вокруг важной и значимой для всех идеологии. Этот путь прошла американская нация, знаменем объединения которой стала демократическая идеология, которая сплывила воедино совершенно разные этносы с порой диаметрально противоположными культурами, языками и традициями.

Второй путь — его сейчас проходит Европа, а в не таком далеком прошлом Германия, — представляет собой объединение этносов с близкородственной культурной традицией, долгое время проживающих на одной территории. Объединение в Европейский Союз неслучайно, ведь несмотря на внутренние разногласия, по отношению к другим нациям европейцы выступают «единым фронтом», демонстрируя «европейскую» идентичность.

Третий путь — путь распада крупного государственного образования, когда бывшие когда-то единым целым республики стремятся к максимальной независимости и обретению собственной национальной идентичности. Это путь стран Содружества Независимых Государств и стран Балтии. Их старательное дистанцирование от России и стремление продемонстрировать несхожесть с ближайшим могучим соседом очень показательны.

Последний, четвертый путь — это путь России, путь объединения вокруг этноса, по каким-либо причинам ставшего лидером объедини-

тельного процесса, вокруг которого за века образуется пространство лояльных или близких по духу этносов и народов.

Началом формирования российской идентичности можно было бы назвать время существования Киевской Руси, когда появляется государствообразующая религия и разрозненные народы разного этнического происхождения впервые объединяются. Но на тот момент славяне, русы, финно-угры и прочие этносы Восточно-Европейской равнины еще не являлись даже русскими людьми, не говоря уже о российской нации.

Процесс зарождения российской нации и российской национальной идентичности можно начинать с 1380 года, когда был сделан первый шаг к ее формированию. Объединение представителей разрозненных княжеств под одни знамена, осознание принадлежности к единой культуре и необходимости отстоять независимость положили начало процессу объединения. Но точкой «невозврата» к отдельным разрозненным государствам (княжествам) было Смутное время. Единое государство, занявшее огромную территорию, могло исчезнуть в одночасье под натиском внутренних и внешних врагов. И именно объединение и осознание единства позволили построить будущее российской нации. И несмотря на суровые испытания в течение XX столетия (три революции, гражданская война, Великая Отечественная война, распад СССР) Россия сохранила свою национальную идентичность, при этом сохранив и этническую самобытность [5]. История Полужья, его народностей — это кусочек истории России на региональном уровне, прекрасно демонстрирует это.

Как известно, национальная идентичность имеет две стороны — внутреннюю и внешнюю. Внешняя предполагает сравнение собственных традиций, обычаев, культуры и прочего с аналогичными проявлениями у других наций. Внутренняя сторона отражает степень однородности нации, которая достигается мифами и представлениями о своей истории, территории, институтах, языке и религии.

Несмотря на тот факт, что чистых этнических культур почти не осталось, этнически окрашенные черты культуры присутствуют в нашей стране в большом количестве, проявляясь в интересе к родной культуре, праздникам, традициям и обычаям. Но национальная идентичность была и остается тем цементом, который скрепляет единство государства, мотивирует на совместное проживание и выстраивает стратегию совместного будущего на основе общего прошлого.

Единство в многообразии — вот та жизненная формула, которая должна быть реализована на практике. И эта стратегия дальнейшей жизни и процветания российской нации, нашего российского государ-

ства постепенно выстраивается в умах и душах российских граждан, на общегосударственном и региональном уровнях.

Литература

1. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 164–162.

2. Грушевицкая Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-2 (54). С. 137–139.

3. Хрисанфов В.И. Луга в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2007. №2. С. 35–47.

4. Аимин А. История в Лужских названиях [электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2010/03/08/1023>

5. Кошечкина Е.А. К вопросу об истории становления российской нации // VI Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика. Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. С. 165–169.

Е.В. Потапцева

Региональная идентичность экономического пространства Союзного государства в восприятии российского бизнеса

Введение

В сентябре текущего года исполнится 22 года самому продолжительному на постсоветском пространстве проекту региональной интеграции — созданию Союзного государства России и Беларуси [1]. Этот проект изначально задумывался как политический союз, предполагающий движение от зоны свободной торговли к единому валютному союзу — от «экономического» союза к «политическому» [2], однако первоначальные цели интеграции так до сих пор и не достигнуты. Следует отметить, что экономические отношения России и Беларуси являются наиболее развитыми на постсоветском пространстве, однако вопрос региональной идентичности экономического пространства Союзного государства остается малоизученным.

В рамках Союзного государства предприятия России и Беларуси сталкиваются с большим количеством барьеров экономической интеграции [3, 4, 5, 6]. Несмотря на это, и российские, и белорусские предприятия заинтересованы в развитии экономического взаимодействия друг с другом. В связи с этим возникает вопрос: какова роль регио-

нальной идентичности экономического пространства Союзного государства в углублении экономической интеграции России и Беларуси?

Статья структурирована следующим образом: в первой части проанализированы цели экономической интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства. Вторая часть включает описание методики исследования. Третья часть посвящена исследованию факторов, обуславливающих региональную идентичность Союзного государства в восприятии российских предпринимателей.

Постановка проблемы

Несовпадение экономических интересов России и Беларуси, по мнению ряда исследователей, негативно влияет на углубление экономической интеграции в рамках Союзного государства [7, 4, 5]:

- геополитический интерес играет определяющую роль для России в вопросе интеграции с Республикой Беларусь. Именно это явилось первопричиной создания интеграционного проекта «Союзное государство России и Беларуси». При этом Россия также заинтересована в поиске новой модели экономического сотрудничества с Беларусью [8] — в развитии экономического пространства Союзного государства. В связи с этим в 2018 году Россией был инициирован процесс разработки программы экономической интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства, в соответствии с которой были разработаны 31 «дорожная карта», посвященные углублению торгово-экономического сотрудничества, гармонизации налогового и миграционного законодательства, формированию единого правового пространства, унификации отчетности, сближению макроэкономической политики, созданию единой системы маркировки и т.д. [9];

- для Беларуси также существует тройственность в восприятии союзного государства: а) Россия для Беларуси — крупный рынок сбыта белорусской продукции, крупнейший инвестор и кредитор белорусской экономики [7, 10, 5]; б) в Беларуси есть страх потери суверенитета, что объясняется разницей в размерах экономик двух стран: ВВП Беларуси в 2018 году равно по подсчетам ВРП ХМАО (около 3,5 млрд руб.) [11], несмотря на то что Беларусь декларирует равноправную экономическую интеграцию в рамках Союзного государства; в) руководство Беларуси осознает свою геостратегическую важность для России и использует это для получения еще большей экономической выгоды и укрепления своей власти [12, 13].

Очевидно, что все вышеперечисленное приводит к расхождению моделей Союзного государства в России и в Беларуси [14]. Проблемой также является то, что «Россия и Белоруссия к 2000-м гг. стали слишком разными государствами по структуре своих экономик и по форма-

ции элит» [15, с. 32]. На практике идея интеграции России и Беларуси является важнее, чем реальная интеграция, так как данная идея используется в электоральном процессе как в России, так и в Белоруссии [16]. Это приводит к излишнему подчинению интеграционных процессов политическим интересам и, как следствие, тормозит формирование единого экономического пространства Союзного государства [17, 5].

В связи с этим нас заинтересовал вопрос: можно ли говорить о наличии региональной идентичности экономического пространства Союзного государства в восприятии российского бизнеса несмотря на то, что, с одной стороны, уже продолжительное время Россия и Беларусь существуют как отдельные самостоятельные государства; с другой стороны, на протяжении 70 лет экономики России и Беларуси были сильно взаимосвязаны общими системами ценностей для ее членов, сходной реакцией на социально-экономические и политические процессы, а также единой волей к действию в рамках существования СССР.

Мы считаем, что региональная идентичность экономического пространства Союзного государства в восприятии российского бизнеса является одной из важнейших предпосылок углубления российско-белорусских экономических отношений. Именно прямые связи на уровне предприятий России и Беларуси являются отправным пунктом региональной интеграции, которые, развиваясь, способствуют постепенному сращиванию национальных экономик в рамках Союзного государства.

Методы исследования и данные

Цель исследования — изучение восприятия российскими предпринимателями региональной идентичности экономического пространства Союзного государства России и Беларуси.

Методы исследования — полуструктурированное фокусированное интервью с представителями (собственники, руководители) предприятий Свердловской области, включающее следующие блоки:

- поведение предприятий на рынках Республики Беларусь;
- отношение к интеграционным объединениям с участием России и Беларуси;
- оценка эффективности организационной поддержки федеральной, региональной и местной власти;
- восприятие предприятиями экономической интеграции России и Беларуси;
- перспективы углубления экономической интеграции.

Объект исследования — предприятия Свердловской области, которые:

- в период с 07.08.2019 по 01.06.2020 года оформили сертификаты происхождения на экспорт продукции (работ, услуг) в Беларусь;
- по информации, предоставленной Уральской ТПП, заинтересованы в сотрудничестве с белорусскими предприятиями;
- по информации Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области имеют деловые контакты с партнерами в Беларуси.

Сроки проведения интервью: 14 сентября 2020 — 17 ноября 2020 г. Продолжительность одного интервью — от 25 мин. до 1,5 часов. В выборку попало 45 предприятий (гражданская продукция), из которых было опрошено 28 (отклик на интервью составил 62,2%), после отбраковки интервью в исследовании приняло участие 23 предприятия. 78% опрошенных предприятий расположено в г. Екатеринбург, 22% — в Свердловской области. Распределение по видам деятельности: 35% — энергосектор; 31% — медицинские изделия и оборудование; 17% — другие группы машиностроения, включая инжиниринг; 17% — прочие.

Распределение предприятий, участвовавших в опросе, по численности персонала и длительности работы на белорусском рынке, благодаря чему было выделено четыре группы предприятий, исходя из их размера и опыта взаимодействия с белорусскими контрагентами:

- *«старожилы»* — крупные предприятия, связи с белорусскими предприятиями у которых были установлены еще во времена СССР (в 1990-е годы могли прерываться) — 5 предприятий;

- *«первопроходцы»* — предприятия, которые были созданы перед/сразу же после развала СССР и до создания Союзного государства, выстраивающие взаимоотношения с белорусскими контрагентами «с нуля» в период трансформаций экономических моделей России и Беларуси — 2 предприятия;

- *«опытные/нулевые»* — предприятия, начавшие работать на территории Республики Беларусь с начала 2000-х годов (после создания Союзного государства) и имеющие опыт работы с белорусскими контрагентами до создания ЕАЭС — 8 предприятий;

- *«новички»* — предприятия, имеющие «ограниченный» опыт работы с белорусскими контрагентами только после создания ЕАЭС (после 2015 года) — 8 предприятий.

В выборке примерно одинаковое число, приходящееся на малый и средний бизнес (с численностью до 250 чел.) и на крупные компании — 52% (12 респондентов) и 48% (11 респондентов), соответственно. 21,7% респондентов сохранили экономические связи со времен СССР;

около 70% предприятий вышли на рынок Беларуси уже после создания Союзного государства.

Результаты

В процессе интервью мы обсуждали с респондентами, в чем, по их мнению, заключается привлекательность Беларуси для их бизнеса. Это позволило нам выделить следующие основные причины, свидетельствующие о наличии региональной идентичности экономического пространства Союзного государства в восприятии российским бизнесом:

- язык делового общения — русский:

- ❖ *Ну и менталитет все же: тут **мы с белорусами**, несмотря ни на что, **братья-славяне**. Они говорят по-русски и к нам хорошо очень относятся.*
- ❖ *Я бы отметил преимущества белорусского рынка, по нам: технические специалисты там грамотные. Работать с тем же Казахстаном, а тем более с Узбекистаном и с Киргизией в этом плане реально тяжелее. А вот белорусы, особенно производственники, [название белорусских предприятий] там сильные. **Само собой, язык общий.***

- культурная идентичность: общая история; менталитет:

- ❖ *Мы и исторически воспринимаем их как братьев.*
- ❖ *С белорусами вообще никаких проблем нет — это русские люди, белорусские русские люди.*
- ❖ *Мы вывалились все из одного гнезда. Поэтому тут [в России и Беларуси] одинаковые условия — дурь примерно одинакова.*
- ❖ *Мы все выходцы из одной страны. С белорусами мы по ментальности схожи... И понимают они нас. Хорошие партнеры для нас белорусы, перспективы у нас с ними есть.*
- ❖ *Когда турки [ноябрь 2015 года] сбили наши штурмовик, у нас в это время из Турции выезжала машина с компонентами [...], из города ... и машина приехала на нашу [российскую] таможенную и ее груз был арестован. Мы смогли его выцарапать дней через 30 — мы нарушили 3 контракта! Мы как-то полностью даже не получили груз: по одному компоненту, часть отдали еще через 30 дней. После чего мы поняли, что есть некий запрет на работу. Поэтому нам пришлось воспользоваться и два года, к сожалению, **мы были вынуждены пользоваться услугами белорусских партнеров, которые нас сильно выручали.***

- ❖ *С Белоруссией надо работать, развивать отношения! Мы — единый народ! Я вообще не побоюсь этого слова, [мы] — единая страна. Я вообще считаю, [что необходимо] объединить Россию, Белоруссию и Украину, [и] мы будем счастливы. Это и есть Советский Союз. Не обязательно политически это все объединять. Да ради Бога! В экономике надо интегрироваться друг с другом! Знаете, что для этого нужно — только политическая воля! И все! Все остальное можно сделать. Вот этой воли-то и не хватает.*
- исторические производственные взаимосвязи:
  - ❖ *Еще тут особенность в том, что у них [в Беларуси] сохранилась та номенклатура, то производство, та техника, для которой подходит наша продукция... Мы [российские машиностроительные предприятия] перешли на сборку из иностранных узлов, перешли на просто приклеивание наших этикеток, а внутри все китайское. А у них — нет, они [белорусские предприятия] по-прежнему производят [машиностроительную продукцию], поэтому им нужна наша продукция. У них сохранилось машиностроение, а у нас машиностроения в России нет!*
  - ❖ *Потому что вот это, как раз, граница [отсутствие границ между Россией и Белоруссией] и менталитет наш, и вот эти все интеграционные связи, которые в Советском Союзе были налажены...*

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что российский региональный бизнес воспринимает экономическое пространство Союзного государства через призму восточнославянской общности жителей России и Беларуси, а также взаимосвязанность российской и белорусской экономик в советское время, что позволяет говорить о существовании региональной идентичности в рамках Союзного государства. Однако несмотря на это, имеющиеся барьеры экономической интеграции не позволяют в достаточной степени использовать сложившуюся региональную идентичность в качестве благоприятной основы для создания надлежащих институциональных условий углубления российско-белорусского интеграционного процесса.

Литература

1. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного госу-

дарства. 08.12.1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25948

2. Ушкалова Д.И. К вопросу о применимости существующих теорий экономической интеграции к взаимодействию России со странами «поояса соседства» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. №5. С. 150–160.

3. Селиванова И.Ф. Российско-белорусские отношения: Союзное государство или союз государств? // Мир перемен. 2006. №2. С. 184–187.

4. Суздальцев А.И. Республика Беларусь: Эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. 2021. №1 (109). С. 193–232. DOI: 10.31249/ape/2021.01.09

5. Шурубович А.В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. №6. С. 244–258. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-244-258>

6. Эпштейн В.А., Вильчинский А.С. Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. 2020. №1 (3). С. 22–34. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-22-34

7. Суздальцев А.И. Кризис Союзного государства Беларуси и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №3. С. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67.

8. Sutyryn V. Russia and Belarus: The “Post-Soviet” Interaction Model Is Exhausting Itself // The Russian International Affairs Council (RIAC). 01.07.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-and-belarus-the-post-soviet-interaction-model-is-exhausting-itself>

9. Березина Е. Союз открывает карты: Главы правительств России и Беларуси обсудят «дорожные карты» по дальнейшей экономической интеграции // Российская газета — Столичный выпуск. № 260(8018). 19.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/19/rossiia-i-belarus-obsudiat-dorozhnye-karty-po-ekonomicheskoj-integracii.html>

10. Ткачев И. Всемирный банк «рассекретил» суверенных должников России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/03/2021/606349f99a7947a9b6d1f95c>

11. Стогней А. Россия против Белоруссии: чья экономика лучше, где меньше бедных, у кого больше картошки. 12.12.2019. URL: <https://thebell.io/rossiya-protiv-belorussii-chya-ekonomika-luchshe-gde-menshe-bednyh-u-kogo-bolshe-kartoshki>

12. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // Journal of Belarusian Studies. 2020. Vol. 9. No. 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.30965/20526512-12340002>

13. Polglase-Korostelev, G. The Union State: a Changing Relationship between Belarus and Russia // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2020. № 2. P. 38–46. Retrieved from <https://journals.bsu.by/index.php/internationalRelations/article/view/3170>

14. Žulys A. Towards a Union State of Russia and Belarus // Lithuanian Foreign Policy Review. 2005. No. 15–16. P. 148–169. URL: <https://www.cecol.com/search/article-detail?id=22322>

15. Неменцкий О.Б. «Последний союзник»: Российско-белорусские отношения на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций. Вып. 5. Т. 9. 2016. С. 24–40. DOI: DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-24-40

16. Vieira A.A. Tale of Two Unions: Russia-Belarus Integration Experience and Its Lessons for the Eurasian Economic Union // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 41–53. DOI: <https://doi.org.gate3.library.lse.ac.uk/10.1080/08865655.2016.1211959>

17. Буконкин Д.А. Проблемы отложенной интеграции: что мешает Беларуси и России усилить Союзное государство // Евразия. Эксперт. 03.03.2021. URL: <https://eurasia.expert/chto-meshaet-belarusi-i-rossii-usilit-soyuznoe-gosudarstvo>

М.С. Сироткин
Политика исторической памяти
Великой Отечественной войны
в Ржевском районе Тверской области

Введение

Великую Отечественную войну по праву можно назвать одним из ключевых событий истории России в XX веке. Бои подо Ржевом стали частью ожесточенной войны, где погибли тысячи советских солдат. Сохранение памяти о событиях, происходивших на ржевской земле, реализуется с помощью региональной политики исторической памяти, которая стала объектом анализа в данной работе.

Территориально Ржевский район располагается на юге Тверской области (во время войны — Калининская область). Военные операции (1-я Ржевско-Вяземская операция, Ржевско-Сычевская операция, операция «Марс» и 2-я Ржевско-Вяземская операция) [1, с. 269] по освобождению города Ржева (примерно 190 км от Москвы), захваченного в

октябре 1941 года, проходили в северо-западном направлении от Москвы.

Существуют противоположные точки зрения на статус сражений в Ржевском регионе. Одни историки, например, Ю.А. Никифоров, считают, что объединение сражений на ржевской земле в один термин «Ржевская битва» неприемлемо [2, с. 6], другие (С.А. Герасимова) — что такое выделение необходимо [1, с. 269]. Согласно данным статистического исследования под редакцией Г.Ф. Кривошеева, число погибших в ходе сражений в районе Калининской области можно сопоставить со Сталинградской битвой. Погибших подо Ржевом в Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции (включающей Сычевско-Вяземскую, Можайско-Вяземскую, Вяземскую воздушно-десантную и Ржевскую фронтовые наступательные операции) 272320 чел., в Ржевско-Сычевской наступательной операции — 51482 + 70373 чел., в Ржевско-Вяземской наступательной операции — 38862 чел. Всего — 433037 чел. [3], в ходе Сталинградской оборонительной и наступательной операций погибли 478741 чел. [3]. Бои в районе Ржева имели особое стратегическое значение из-за непосредственной близости к Москве и наличия инфраструктуры (железная дорога и автомобильная дорога) [1, с. 272]. Ржевско-вяземский выступ немцы называли «воротами» к Москве [4].

Материалы и методы

В работе был применен анализ источников, научных публикаций и материалов СМИ в области политики исторической памяти военных лет. В ходе работы рассмотрены примеры визуального объектирования политики исторической памяти: музейные экспозиции, ржевский мемориальный комплекс и другие, итоги проведения поисковых экспедиций в регионе. Был проведен анализ кинематографа и методов работы с населением в области исторической памяти военных лет. В результате составлена общая картина состояния текущей региональной политики исторической памяти Великой Отечественной войны в Ржевском регионе.

Результаты

Визуальный, воспитательный и медийный аспекты выражаются в музейных и мемориальных комплексах, функционировании отрядов «Юнармии» и других практиках патриотического воспитания школьников и их участия в поисковых экспедициях, производстве кинокартин, раскрывающих события военных лет, происходивших подо Ржевом во время Великой Отечественной войны. Многие из перечисленного было реализовано в последнее десятилетие. На первый план выходит открытие Ржевского мемориала Советскому солдату в 2020 го-

ду. С 2016 года поисковые работы вышли на новый этап развития — ежегодно стала проводиться международная поисковая экспедиция «Ржев. Калининский фронт». Эта экспедиция организована Российским военно-историческим обществом (РВИО) и Министерством обороны России при участии правительства Тверской области, МЧС, Росгвардии, ДОСААФ России, Поискового движения России и «Союза поисковых отрядов России» [5; 6]. С 2016 года были обнаружены и подняты останки более двух тысяч солдат и установлены имена более ста воинов [6; 7]. Центром этой экспедиции, в 2020 и 2021 гг., стал вышеупомянутый Ржевский мемориал Советскому солдату [6]. До старта международной экспедиции «Ржев. Калининский фронт» в Ржевском районе и раньше проводились поисковые экспедиции. В сети Интернет можно найти материалы, указывающие на долгую историю раскопок. Особую культурно-историческую значимость представляет Покровский храм во Ржеве. Его сохранившаяся архитектура и историческая роль в спасении жителей города в 1943 г. [8] представляется как особенный символ военно-исторической памяти города. Однако есть и некоторые проблемы. Так, по словам исследователя С.А. Герасимовой, материальное наполнение музеев достаточно скудное, причина — неэффективная работа музейного комплекса в послевоенное время, а также косвенное влияние проектов министерства обороны России.

Обсуждение

К визуальному объективированию исторической памяти военных лет относится деятельность Ржевского краеведческого музея, общая краеведческая экспозиция в котором, помимо военной, была открыта в 2006 году [1, с. 273], а также музея «Калининский фронт. Август 1943 года» и музея истории Ржевского корпуса ПВО. Несмотря на кажущуюся развитость военно-исторических экспозиций в городе Ржеве, исследователь С.А. Герасимова утверждает, что военные экспозиции довольно скудны [1, с. 273]. Объясняется это тем, что в годы войны район Ржева был razoren, что привело к утрате многих потенциально ценных музейных объектов. Восстановление работы Ржевского музея стало возможным только к концу 50-х годов XX века. Однако отсутствие целенаправленного наполнения музейного фонда наблюдалось вплоть до 70-х годов. Также, по словам С.А. Герасимовой, сегодня из-за федеральных проектов, например, «Память народа», страдает ржевская музейная экспозиция. Люди предлагают в музей сканы документов, но музей не может конкурировать с Центральным архивом Министерства обороны (ЦАМО) [1, с. 274]. Таким образом, федеральные проекты могут исказить работу региональной политики исторической

памяти военных лет, понижать эффективность использования имеющихся ресурсов для проведения культурной политики.

Во Ржеве работают филиалы областных музеев, такие как Ржевский краеведческий музей — филиал Тверского государственного музея и музей «Калининский фронт. Август 1943» — филиал музея Победы в Москве. Исследователь С.А. Герасимова говорит, что такая форма работы, когда в конкретном районе работают сотрудники из главного центра, обуславливается, как фактор, отсутствием в этих регионах достаточного количества библиотек и архивов. Можно предположить, что такая ситуация складывается из-за недостатка финансирования. Именно из-за недостатка денег, по словам С.А. Герасимовой, например, нет Интернета во многих филиалах [1, с. 273]. Особую роль в культурной политике региона занимает Покровский храм, в котором во время Великой Отечественной войны было закрыто и заминировано около 200 человек [8]. Само здание можно назвать символом памяти о Великой Отечественной войне — в настоящее время оно сохранило архитектуру военных лет, что способствует эмоциональному переносу людей во времена войны. Сохранившаяся архитектура, таким образом, усиливает связь с прошлым, позволяет туристам и жителям города лучше ощутить связь с историей города. Вдобавок храм — старообрядческий, что также усиливает культурную роль объекта в Ржевском районе.

Продолжая анализировать политику в области культурно-исторической памяти в Ржевском регионе, нельзя не упомянуть недавно завершившегося масштабного строительства Ржевского мемориала Советскому солдату. Большой по размерам памятник расположен на 229-м километре трассы М9 «Балтия». Сооружение самого мемориала было начато по инициативе «снизу», это подтвердил Владимир Мединский, на тот момент занимавший пост министра культуры [9]. Мемориальный комплекс оборудован возможностью музыкального сопровождения, подсветкой, на плитах увековечены имена героев. Сам памятник представляет собой фигуру советского воина, стоящего на холме, причем нижняя часть памятника как бы растворяется и постепенно превращается в стаю журавлей [10]. При памятнике создан тематический сайт, где можно посмотреть историю мемориала, его особенности, видео, посвященные строительству мемориала.

Наличие такого мемориала, без сомнений, положительно сказывается на развитии коллективной исторической памяти военных лет, но оценивая в целом культурную политику властей в этой области, применительно к ржевскому мемориалу, можно заметить ее неоднознач-

ность — мемориал стали строить только в 2019 году, по прошествии 74 лет после окончания Великой Отечественной войны.

В настоящее время во Ржеве проводятся поисковые экспедиции с целью поднять, идентифицировать и перезахоронить останки советских солдат и найти значимые артефакты военных времен. Так, в октябре 2020 года завершилась международная поисковая экспедиция «Ржев. Калининский фронт-2020». Эта международная поисковая экспедиция проходит регулярно с 2016 года. За 5 лет поисков было сделано множество уникальных находок, найдено и с почестями захоронено более двух тысяч павших воинов, найдены фрагменты самолетов Як-1 и МиГ-3 [6]. В 2021 году, в ходе поисковых работ, впервые планируется задействовать школьников, которые смогут посмотреть на работу поисковиков и ознакомиться с результатами их работы [6]. Таким образом, политика исторической памяти, применительно к подрастающему поколению, помимо образовательных учреждений и отрядов «Юнармии», проводится в рамках таких больших мероприятий, как международные поисковые экспедиции.

В Ржевском регионе и раньше проводились поисковые экспедиции. Например, руководитель научно-исторического и военно-патриотического центра «Подвиг» Сергей Титков рассказывает о том, что еще с начала 60-х годов XX века в регионе начались поиски без вести пропавших солдат [11]. Военно-патриотическое объединение «Плацдарм» вело на Ржевской земле раскопки более трех месяцев [12]. Также на просторах сети Интернет можно найти записи поисковиков с анализом результатов их работы [13].

Если оценивать политику исторической памяти военных лет на уровне институтов социализации, сейчас культурно-просветительскую работу в Ржевском районе Тверской области ведут образовательные организации, например, школы искусств Ржевского района Тверской области, применяя в своей учебно-воспитательной работе такие методики, как участие учеников в благотворительных концертах, популяризация историй о музыкантах и музыкальных коллективах, способствующих развитию любви к Родине [14]. Также в 2017–2018 гг. в Ржеве открылись отряды «Юнармии» [15]. Уже несколько лет в городе при Ржевском колледже имени Н.В. Петровского существует «Отряд юных десантников имени Героя Советского Союза Константина Дунаевского». Участники помогают в организации мероприятий по увековечиванию памяти местных героев [16].

Обобщая, можно выразить уверенность в том, что для подрастающего поколения в городе есть возможности для деятельности в обла-

сти военно-патриотического воспитания и актуализации в памяти молодежи исторической памяти войны.

Важным инструментом политики исторической памяти является медийная сфера. Кинематограф — значительный фактор в процессе транслирования политических и культурных смыслов. За последние 12 лет было выпущено несколько картин, раскрывающих события, происходившие на ржевской земле во время Великой Отечественной войны. Например, фильм «Ржев» (2019 г., реж. И. Копылов) рассказывает о боях за одну из деревень около Ржева. Это экранизация повести советского писателя В.Л. Кондратьева [17]. Другой фильм — документальная кинокартина «Ржев: Неизвестная битва Георгия Жукова» (2009 г., реж. С. Нурмамед, сценарист А. Пивоваров). В описании к фильму подчеркивается, что длительное время бои подо Ржевом считались боями «локального» значения [18]. В этой картине развенчивался миф о «неважности» проведенных операций в регионе. Еще одна картина — шестая серия кинопроекта «Великая война», посвященного 65-летию Победы над нацистской Германией и рассказывающего о наиболее важных событиях Великой Отечественной войны (годы выпуска серий 2010–2012) [19] — также знакомит зрителей с событиями, происходившими рядом со Ржевом во время Великой Отечественной войны. Выход фильмов на основе исторических исследований в последнее время говорит о том, что тема Великой Отечественной войны, в том числе и операций на ржевской земле, набирает популярность.

Заключение

Период с 2010 по 2020 год стал временем преобразования культурной политики исторической памяти военных лет в Ржевском регионе Тверской области. Было снято несколько фильмов, раскрывающих события Великой Отечественной войны, произошедших в районе. В 2020 году возведен Ржевский мемориал Советскому солдату. В 2016 году организована ежегодная масштабная экспедиция «Ржев. Калининский фронт». Дальнейшее изучение особенностей политики исторической памяти военных лет, случаев ее объектирования в массовой культуре позволит научному сообществу составить целостную картину состояния современной политики исторической памяти в России. Последующие исследования региональной политики исторической памяти военных лет в Ржевском районе Тверской области дадут возможность отследить уникальность объектирования памяти военных лет этого региона, в контексте его исторической значимости для исхода Великой Отечественной войны.

Литература

1. «В современной официальной истории войны Ржевской битвы не существует». Интервью с С.А. Герасимовой // Историческая экспертиза. 2020. №2 (23). С. 262–275.
2. Никифоров Ю.А. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы // Вестник МГИМО университета. 2009. №6 (9). С. 80–88.
3. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил / под ред. Г.Ф. Кривошеева. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt>
4. Сидорчик А. Ржев. Настоящая история «засекреченной» битвы // Аргументы и факты. 6.12.2019. URL: https://aif.ru/society/history/rzhev_nastoyashchaya_istoriya_zasekrechennoy_bitvy
5. В Тверской области начала работу военно-историческая экспедиция «Ржев. Калининский фронт» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9377199>
6. Труханова Э. Вписать поименно. На поисковую экспедицию в Ржев приехали более 700 человек из регионов России и зарубежья // Российская газета. 22.04.2021. URL: <https://rg.ru/2021/04/22/reg-cfo/v-rzheve-nachala-rabotu-shestaia-mezhdunarodnaia-poiskovaia-ekspediciia.html>
7. Поисковая экспедиция «Ржев. Калининский фронт» завершилась в Верхневолжье // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20210429/ekspeditsiya-1730539452.html>
8. «Лучше я вас убью, чем убьют красные...» // Ржевская Покровская Старообрядческая Община. URL: <https://rpso.ru/luchshe-ya-vas-ubyu-chem-ub-yut-krasny-e>
9. Ржевский мемориал. URL: <https://rzhev.histrf.ru/chronology>
10. «...а превратились в белых журавлей». Скульптор Андрей Коробцов рассказал, как рождалась идея ржевского монумента // Российская газета. 30.06.2010. URL: <https://rg.ru/2020/06/30/reg-cfo/skulptor-andrej-korobcov-rasskazal-kak-rodilas-ideia-rzhevskogo-monumenta.html>
11. Вальченко С. Руководитель поисковиков о мистических знаках: «Погибшие указали, где копать» // Московский комсомолец. 21.01.2021. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/01/21/rukovoditel-poiskovikov-o-misticheskikh-znakakh-pogibshie-ukazali-gde-kopat.html>
12. Раскопки подо Ржевом // Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ncccl0jq0fY>

13. Все, кто копают под Ржевом // WW2. Аукцион. Форум антиквара и военной истории. URL: <https://forum.ww2.ru/index.php?showtopic=64033&page=33>

14. Вознюк П.В., Царицына Л.С. Патриотическое воспитание личности обучающихся в дополнительном образовании: из опыта работы школы искусств №3 г. Ржева и школы искусств Ржевского района Тверской области // XXVIII международные рождественские образовательные чтения: I направление: «деятельность церкви в сфере образования и катехизации». Самара, 2020. С. 137–144.

15. Ржевские школьники вступают в ряды «Юнармии» // RzhevGrad.Ru. 21.03.2021. URL: <https://rzhevgrad.ru/news/rzhevskie-shkolniki-vstupayut-v-ryady-yunarmii>

16. Кутузов В. Юные десантники из колледжа Петровского // Ржевские новости. 5.09.2017. URL: <http://rzhevnews.ru/?p=14804>

17. Ржев (2019) // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1313591>

18. Ржев: Неизвестная битва Георгия Жукова (ТВ, 2009) // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1313591>

19. Великая война. Ржев // Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HAn-XLsNu6I>

А.П. Смагина, И.П. Яковлева
Занятия по краеведению в школе как фактор
формирования территориальной идентичности
(на примере курса «кубановедение»)

Среди факторов формирования территориальной идентичности исследователи называют рефлексию территории проживания, ее особенностей, территориальных маркеров, восприятие территориальной культуры и менталитета. Они позволяют личности не только создать свой образ определенной местности, но и найти ее в системе географических, политических и социальных координат, определить свою социокультурную принадлежность, осознать общность территориальных интересов, территориальную солидарность с другими членами социально-территориальной общности.

В последние годы в России много внимания уделяется выработке механизмов воздействия на процесс формирования территориальной идентичности. В условиях интенсификации темпов глобализации, постоянных экономических и политических кризисов, трансформации ценностно-нормативной подсистемы общества проблемы в социальной идентификации практически неизбежны. Как отмечают В.Н. Муха и

К.А. Чернявская, незавершенность, изменчивость, «текучесть» современной реальности сказывается на состоянии идентичности индивидов и сообществ, которая также приобретает черты структурной неопределенности, незавершенности, той самой «текучести» [1, с. 46].

С территориальной идентичностью связан широкий круг значимых для личности и общества явлений: от любви к малой Родине в случае локального ее уровня до патриотизма и гражданской активности на уровне государственной идентичности. С другой стороны, как показала новейшая история нашей страны, мобилизация территориального сознания населения может быть использована определенными политическими силами в своих интересах, стать основанием для сепаратистских тенденций. Поэтому справедливо, что в поликультурной, поликонфессиональной, полиэтнической стране с сильной социально-экономической дифференциацией регионов государство вынуждено уделять особое внимание формированию территориальной идентичности с учетом интересов как локальных сообществ, так и Российской Федерации в целом. По мнению Т.Н. Чунихиной, в Краснодарском крае сложилась обширная нормативно-правовая система государственного регулирования, поддержки, развития и сохранения традиционной национальной культуры, которая позволит самореализоваться каждому народу посредством различных форм национально-культурного самоопределения и самовыражения. Одной из целей регулирования этой сферы является гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения [2, с. 208].

Решению данной проблемы должны способствовать краеведческие дисциплины [3, с. 330]. Краеведение — отрасль знания, занимающаяся всесторонним изучением определенной части страны (малой территории: административного региона, населенного пункта). В отличие от научных дисциплин исследованиями в области краеведения занимаются как профессиональные ученые, так и обыкновенные местные жители — энтузиасты.

Небольшие размеры объекта изучения накладывают отпечаток как на процесс, так и на результат исследования. В масштабах области / края / населенного пункта явственнее сказывается зависимость исследуемых явлений от местных, постоянно меняющихся условий, и поэтому имеется возможность детальнее выяснить особенности природных, а также социальных характеристик территории. Теоретический и эмпирический материал о регионе аккумулируется в научных и научно-популярных работах и становится основой для учебных курсов по краеведению для различных возрастных групп.

В практике современной России краеведение активно интегрируется в систему образования в качестве регионального компонента учебных программ. Просветительскую и образовательную работу в этом направлении ведут музеи, библиотеки, различные общественные организации. При этом акцент делается не столько на информационной функции данной деятельности, сколько на ее воспитательные задачи, например воспитание «особого отношения общества к месту своего обитания, ощущения каждым его членом причастности к обустройству своей большой и малой родины...» [4, с. 46] или «мотивации к осознанному нравственному поведению» [5, с. 140].

На Кубани зарождение краеведческой деятельности совпало с переселением в регион Черноморского (в последствие Кубанского) казачьего войска. Первой из работ в данной области считают «Ведомость о положении Таманской и Кубанской земель», составленную М.С. Гуликом в июле 1792 г. по результатам экспедиции [6, с. 84]. С тех пор благодаря усилиям как государственных институций, так и общественных объединений был накоплен богатый фактологический материал по истории, природоведению, социально-экономическому и политическому развитию региона. Более того, краеведы-энтузиасты Кубани стали движущей силой многих позитивных изменений в крае. Так, борьба за создание первого высшего учебного заведения в Кубанской области была связана с деятельностью краеведческих обществ и в частности с усилиями известного в регионе краеведа-любителя П.В. Миронова [7].

Изначально краеведческая работа в регионе проходила в тесной межкультурной и межэтнической интеграции. Как отмечают А.С. Бочкарева, З.Я. Емтыль и Ю.В. Хотина, в становлении советского национального краеведения в 20-е гг. XX в. большую роль сыграла адыгская интеллигенция. На территории Адыгейской автономной области, ранее Майкопском отделе Кубанской области, повсеместно возникали разные по формам и масштабам краеведческие организации, которые ставили перед собой единые задачи: всесторонне изучить родной край, распространять знания об Отечестве в народе [8, с. 1521].

В новейший период истории активизация интереса в области краеведения во многом была связана с процессом возрождения казачества. Этот факт имел как позитивное, так и негативное значение. Появление большого количества научных исследований, информации, собранной фольклорными коллективами, военными и военно-историческими обществами, введение в учебную программу средних и высших учебных заведений курсов истории кубанского казачества не только расширили

источниковую базу, но и оказали позитивное влияние на сохранение исторической памяти социально-территориальной общности.

С другой стороны, как это происходило и в других регионах страны, в учебных программах краеведческих дисциплин акцент делался на культурном наследии так называемого «титульного» этноса — казачества [3, с. 331], нарушая тем самым принцип мультикультурализма. Эта тенденция отражала позицию региональных властей: в Уставе края в редакции 2001 г. в статье 2 присутствовала следующая формулировка: «Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества...» [9].

Перегибы процесса возрождения казачества привели к фальсификации из социально-классовых и этнических интересов определенных периодов и событий истории. Предпринимались попытки реабилитации пособников нацистско-фашистских захватчиков вплоть до установки памятников «борцам с советской властью», на что указывал в своей работе С.Г. Степаненко [10, с. 47].

За последнее десятилетие профильное региональное министерство упорядочило собранную информацию и разработало методические материалы по преподаванию кубановедения для различных возрастных групп. Перечень учебно-методических пособий по данному предмету, рекомендованных Министерством образования, науки и молодежной политики Краснодарского края и соответствующих ФГОС, включает 57 изданий, в том числе учебные пособия, атласы, рабочие тетради, видеофильмы, интерактивные пособия, книги для чтения, научно-популярные издания для учащихся, программы и методические пособия для учителей [9]. Методические издания содержат материалы для дошкольных учреждений, однако в большинстве своем они представлены программно-методическими комплексами по кубановедению для учащихся средних учебных заведений с 1 по 11 класс.

Анализ образовательной документации СОШ Краснодарского края показал, что данная дисциплина является региональным компонентом, входит в часть учебного плана, формируемую участниками образовательного процесса, и преподается в объеме 1 академический час в неделю с 1 по 11 класс. Помимо этого, краеведческая направленность присутствует и в плане воспитательной работы кубанских школ. Активизировать деятельность учащихся в данном направлении призваны и регулярно проводимые Администрацией края и профильным министерством олимпиады и конкурсы по кубановедению. Для сравнения были изучены учебные планы школ соседних Ростовской области (ранее область Войска Донского) и республики Адыгея. Отдельных учебных курсов по краеведению в учебных планах выявлено не было, ин-

формация о регионе присутствует в рамках других дисциплин, а также во внеклассных занятиях. В республике региональный компонент реализуется через дополнительные занятия по национальному языку и литературе.

Соответственно, можно сделать вывод, что в Краснодарском крае большое внимание уделяется просвещению молодежи, формированию у нее научно обоснованных знаний о регионе, воспитанию патриотизма в отношении малой родины. Однако для успешного достижения поставленных целей важно отношение самих обучающихся к данной дисциплине, их удовлетворенность как информацией, которую содержит учебный курс, так и методами обучения.

С целью изучения отношения молодежи к урокам кубановедения и его места в изучении истории, культуры, общественной жизни Кубани было проведено социологическое исследование. Основным методом, используемыми в данной работе, стал анкетный опрос студентов 1 курса Кубанского государственного технологического университета. В анкетировании приняли участие 129 человек. Из них 55,2% составили женщины, 44,8% — мужчины. 51,7% опрошенных — жители сельской местности и 48,3% — городской.

Согласно полученным данным, большинство бывших учеников кубанских школ относительно позитивно относятся к проведению уроков кубановедения, где изучают географию, историю, экономику и другие сферы жизнедеятельности края: 34,48% опрошенных студентов заявили, что относятся позитивно, еще 58,62% — скорее позитивно, чем негативно. Скорее негативно, чем позитивно воспринимают данный компонент учебного плана 3,45% респондентов. Столько же студентов затруднились ответить на вопрос. Опрошенных с однозначно негативной реакцией по отношению к изучению кубановедения выявлено не было.

Эффективность познавательной деятельности во многом определяется мотивированностью учащегося. Проведение уроков кубановедения, по мнению опрошенных студентов, направлено прежде всего на воспитание любви к малой Родине, патриотизма — об этом заявили 75,9% респондентов. О роли данной дисциплины в воспитании бережного отношения к природе и историческому наследию края говорили 55,2% студентов. 51,7% отмечают ее роль в расширении кругозора учащихся. Как формирование у учащихся навыков усвоения и переработки информации основную цель курса называют 37,9% опрошенных. Наименьшее количество человек (24,1%) видят в кубановедении возможность развития умения самостоятельно находить нужную информацию о заинтересовавшем их объекте.

У 93,1% представителей данной выборочной совокупности в период обучения в школе занятия по данной дисциплине проводились в полном объеме. При этом нравились эти уроки 27,6% респондентов, еще 34,5% они скорее нравились, чем нет. Не нравились полностью либо частично уроки кубановедения 31% студентов (из них скорее не нравились — 24,1%, абсолютно не нравились — 6,9%).

Опрошенные, полностью разделяя мысль о необходимости для личности обширных знаний о территории своего проживания и рассматривая данный блок знаний важной частью школьного образования, тем не менее демонстрируют скептическое отношение непосредственно к практике проведения уроков по кубановедению. Полные данные вопросов, отражающих отношение респондентов к практике проведения уроков по кубановедению в школе, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Отношение к урокам кубановедения, проводимым в школе, %

	Полностью согласен	Скорее согласен, чем нет	Скорее не согласен	Полностью не согласен
Каждому человеку необходимо знать как можно больше о регионе, в котором он живет	62,07	34,48	3,45	—
Уроки Кубановедения являются важной частью образования школьников	27,59	48,28	20,69	3,45
Уроки Кубановедения являются бесполезной тратой учебного времени	20,69	24,14	31,03	24,14
Занятия по Кубановедению должны быть факультативными, только для тех, кто этого хочет	34,48	27,59	31,03	6,9

Подобное отношение может быть связано как с возможными недостатками в качестве или форме проведения уроков, так и с более важной для края проблемой: высокий уровень миграции привел к тому, что значительная часть учащихся переехала в край либо является первым поколением семьи родившимся здесь, и следовательно, в силу семейных традиций, не имеют тесной связи с данной территорией, не идентифицируют себя с ней.

Оценивая объем часов, выделяемых на изучение кубановедения, студенты полагают, что в школьной программе уроков по данной дисциплине достаточно (72,4%). Избыточным (больше, чем нужно) его считают 17,2% опрошенных. Испытывают дефицит информации и по-

лагают, что их меньше, чем нужно, 6,9% респондентов. Еще 3,5% затрудняются ответить на вопрос.

Наибольший интерес у опрошенных вызвали такие разделы дисциплины как археология, мифология, культура Кубани (55,2%), жизнь и быт казаков (48,3%), география Краснодарского края (41,4%). Несколько меньший интерес проявили респонденты к истории Кубани с древнейших времён до конца XX века (37,9%), литературной норме и особенностям кубанских говоров (27,6%) и символам Краснодарского края (27,6%). Не заинтересовали большинство студентов литература Кубани (17,2%) и летопись Кубанского казачьего войска (3,4%).

Очень важны для успешного усвоения дисциплины и удовлетворенности этим процессом учащиеся методы, которые используют педагоги для проведения уроков. Как показал опрос, чаще всего в учебном процессе по данной дисциплине учителя ориентируют обучающихся на работу с учебником, демонстрируют им презентации по теме занятия и показывают тематические видеофильмы. Полное распределение ответов на вопрос: «Какие методы использовались учителем при проведении уроков кубановедения?» представлено в таблице 2.

Таблица 2. Методы, используемые в процессе преподавания Кубановедения

Варианты ответов	Процент наблюдений
изучение учебника	65,5%
презентации	65,5%
демонстрации видеофильмов	58,6%
экскурсии	44,8%
составление докладов, рефератов	44,8%
игры, викторины	27,6%
выполнение исследовательских или творческих работ	20,7%
кейс-технологии (изучение конкретных ситуаций, документов)	17,2%
другое	3,2%

(Сумма ответов превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Данные приведены в порядке убывания количества ответивших).

Из таблицы 2 видно, что методы активного обучения используются преподавателями в рамках данной дисциплины недостаточно часто, что снижает вовлеченность учеников, не дает им в полной мере раскрыть свой потенциал.

Помимо аудиторной работы процесс обучения по всем дисциплинам предполагает самостоятельную работу учащегося. Согласно полученным ответам респондентов, по собственной инициативе для изучения края, его прошлого и настоящего посещали музеи, выставки 62,1%, смотрели документальные фильмы о крае 51,7%, читали статьи, книги о различных сторонах жизни края 41,4%, совершали экскурсионные поездки по достопримечательностям 37,9%. Обращает на себя внимание тот факт, что при обилии в крае различных фольклорных коллективов, как казачьих (Кубанский казачий хор, Криница и т.д.), так и национальных меньшинств (например, ансамбли греческого танца «Эльпида», «Понтос»), лишь 17,2% бывших учеников кубанских школ посещали их выступления. Не занимались самостоятельным изучением края 13,8% опрошенных.

Результатами совместной работы учителей и учащихся на занятиях по краеведению, безусловно, является уровень знаний последних по предмету. Опрошенным было предложено оценить свой уровень знаний о Краснодарском крае. Только 3,4% охарактеризовали его как «отличный». О знаниях на оценку «хорошо» заявили 48,3% студентов. Как удовлетворительные их оценили 34,5%, как плохие — 13,8%. Полученные результаты, на наш взгляд, считать успешными нельзя.

Для того чтобы понять, как, по мнению опрошенных, можно совершенствовать процесс преподавания кубановедения и повысить эффективность занятий, студенты указали, что нужно сделать, чтобы вызвать интерес к изучению родного края. Предложенные студентами меры представлены в порядке убывания их рейтинга (сумма ответов превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов):

- 1) организовывать поездки по историческим и природным достопримечательностям края — 93,1%;
- 2) организовывать экскурсии по музеям быта Кубани — 65,5%;
- 3) показывать фильмы о Кубани — 34,5%;
- 4) организовывать экскурсии на предприятия (заводы, фабрики, фермерские хозяйства) — 24,1%;
- 5) посещать концерты фольклорных коллективов — 20,7%;
- 6) организовывать встречи с выдающимися земляками (ветеранами труда, войны, учеными и т.д.) — 17,2%.

Полученные данные позволяют говорить о приоритете зрительно-образного восприятия у учащихся. Они также демонстрируют возросшую роль культурного туризма в формировании интереса к территории. Вместе с тем они отражают и недооценку респондентами позна-

вательных возможностей межличностного общения с теми, кто внес значительный вклад в развитие региона.

Таким образом, школьные занятия краеведением, расширяя представления о территории проживания, воспитывая любовь к малой родине, безусловно, оказывают влияние на формирование территориальной идентичности учащихся. Они способствуют адаптации к новым природным и социальным реалиям детей мигрантов, что в условиях традиционно высокого миграционного потока крайне важно. Однако и на уровне государственных органов, и в самих учебных заведениях важно отслеживать как содержательный, так и методологический аспекты преподавания краеведческих дисциплин.

Литература

1. Муха В.Н., Чернявская К.А. Идентичность поколений: конфликтный потенциал // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №1. С. 45–48.

2. Чунихина Т.Н. Правовые основы регулирования традиционной народной культуры (на примере Краснодарского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №5 (43): в 3 ч. Часть 3. С. 207–211.

3. Абукина Т.В. Роль краеведения в формировании этнической и гражданской идентичности школьников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №61. С. 330–334.

4. Холодцова И.И. Роль краеведения в самовоспитании современной молодежи // Образование и саморазвитие. 2009. №3 (13). С. 43–47.

5. Пуртова Л.В. Значение историко-культурного стандарта в преподавании кубановедения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. №S1.

6. Ратушняк Т.В. Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII — первой трети XX вв. // Голос минувшего. 2007. №3–4. С. 83–94.

7. Куценко И.Я., Яковлева И.П. П.В. Миронов — председатель общества попечения о Кубанском политехническом институте. Краснодар, 2008.

8. Бочкарева А.С., Емтыль З.Я., Хотина Ю.В. Краеведение Северного Кавказа как фактор интеграции в советское геополитическое пространство (к истории адыгской интеллигенции) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. №111. С. 1520–1532.

9. Устав Краснодарского края (В редакции Законодательного собрания Краснодарского края от 04.01.2001 №331-К3). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140008130&backlink=1&&nd=140002950>

10. Степаненко С.Г. Коллаборационизм на Кубани в период оккупации (1942–1943 гг.) // Социально-гуманитарный вестник. Межвузовский сборник научных статей. Краснодар, 2009. С. 47–55.

11. Кубановедение // Сайт Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края. URL: <https://minobr.krasnodar.ru/obrazovanie/obsh-obrazov-shkoly/kubanoved-opk>.

А.В. Таненкова

***Сельскохозяйственная отрасль Алтайского края
как неотъемлемая часть регионального имиджа***

В современных условиях жесткой конкуренции между регионами возрастает роль и значение имиджа, который позволяет создать благоприятное мнение о регионе, а также наращивать и приумножать собственные ресурсы за счет инвестиционной привлекательности. В России англоязычный термин «имидж» стали активно использовать в лексиконе с середины 90-х гг. XX века.

Изначально термин «имидж» (от англ. — образ, изображение) использовался применительно к эстетике и искусству. Позднее термин стал использоваться в маркетинге, став неотъемлемой характеристикой товара или услуги. Также нельзя не отметить, что еще до недавнего времени понятие имиджа и личности человека неразрывно связаны между собой, постепенно сформировалась новая наука — имиджелогия. Со временем термин «имидж» приобрел более широкий смысл и стал применим к разным объектам и в других сферах (например, шоу-бизнес, политика и т.д.) [1, с. 142].

В настоящее время такие понятия, как «имидж товара, услуги, организации, партии, политического лидера» дополняются «имиджем района, города, региональным имиджем или имиджем страны», тем самым охватываются такие специфические объекты, как территории.

Имидж территории на сегодняшний день приобретает чрезвычайно важное значение и становится реальным ресурсом экономики. Происходит это из-за роста информации, используемой для обеспечения конкурентной силы политических и хозяйствующих субъектов. В зарубежных и отечественных деловых, а также общественно-политических кругах территориальный имидж, репутация выступают основополагающими факторами продвижения региональных и обще-

государственных политических и внешнеэкономических проектов, важным конкурентным преимуществом для создания партнерских отношений.

«Доброе имя» страны, региона или города — это индикатор социально-экономического развития. Это способствует переменам в лучшую сторону — в частности, растут уровень и качество жизни населения. «Доброе имя» способствует решению различных основополагающих вопросов, важных для интенсивного развития территории.

Прежде всего, речь идет об инвестиционной привлекательности (в частности, иностранного капитала), также о привлечении трудовых ресурсов, расширении рынков сбыта продукции национальных/региональных производителей, развитии туризма [1, с. 145]. Позитивный имидж территории во многом определяет благоприятный исход решения этих проблем, а ее репутация является основным фактором осуществления выбора.

Каждая территория имеет свою специфику, территориальную индивидуальность, и данное обстоятельство служит базовой характеристикой имиджа территории. Территориальная индивидуальность, с одной стороны, включает в себя официальные, «опознавательные» территориальные черты, сюда можно отнести визуальные, вербальные и другие характеристики, с помощью которых люди идентифицируют территорию (расположение на карте, гимн, флаг, герб, страновая принадлежность и т.д.). Это своего рода территориальный «паспорт», расположение на карте — это «фотография», с указанием «имени» — название и т.д.

Неблагозвучное или труднопроизносимое название может вызвать трудности с продвижением территории. Например, Ханты-Мансийский округ, принимая во внимание существенную сложность запоминания и воспроизведения названия, в особенности для иностранных партнеров, в 2003 г. получил право использовать еще одно наименование — «Югра» [3, с. 60].

Официальная визуальная символика территории (флаг, герб) также играют важную роль для коммуникации. Примером может служить Испания; известный сюрреалист Хоан Миро нарисовал стилизованное солнце с надписью *Espana*, что послужило информативным и узнаваемым логотипом. Данная эмблема весьма удачна, эмоциональна и лаконична, она несет в себе тепло южной страны, а также достижения современной культуры, ну и, конечно, авторитет знаменитого художника.

Помимо названных характеристик, территориальная индивидуальность включает в себя совокупности особенностей и ресурсов.

1. Культурное наследие, социальные, демографические, исторические, природно-климатические особенности и ресурсы. Это и сырьевые ресурсы, уровень и качество жизни населения, социальная политика, социальная инфраструктура и т.д.
2. Экономические ресурсы и особенности (уровень развития экономики, производительные силы, занятость и безработица, инвестиционный потенциал, степень благоприятности для развития бизнеса).
3. Организационно-правовые, политические и информационные ресурсы и особенности (рекламный рынок, PR-услуги, законодательство, эффективность правящей элиты и репутация руководства, а также аудит, информационные и консалтинговые ресурсы).

Сумма ресурсов и особенностей формируется объективно, представляя собой базу, на которой стоят имидж и репутация. Имидж территории представляет собой совокупность убеждений и ощущений людей, возникающих по поводу природно-климатического, исторического, политического, социально-экономического, морально-психологического и др. своеобразия и специфики данной территории. Личный опыт человека может повлиять на субъективную оценку территории (например, опыт, полученный в результате проживания на конкретной территории). На субъективное представление о конкретной территориальной единице может повлиять опосредованное знание (например, материалы СМИ или рассказы очевидцев и т.д.).

В данной статье затронута экономическая особенность региона как часть имиджа. Многие исследователи считают, что именно производственные отношения являются базисом социума, а все остальное лишь производное. Именно поэтому, имидж и экономика «идут рука об руку» вместе. Экономический потенциал страны, региона, города зачастую является первоосновой, генератором развития субъекта во всех областях общественной жизни, постепенно формируя позитивный территориальный имидж. Но справедливости ради стоит отметить, что и правильно выбранная деятельность властных органов в сфере политики способна создать благоприятные условия для развития бизнеса, включая в хозяйственный оборот имеющийся потенциал (страны, региона, города), привлекая недостающие ресурсы, в том числе капитал, необходимый для успешного социально-экономического развития территориального субъекта.

По справедливому замечанию одного ученого-экономиста, «экономическая функция позитивного имиджа заключается в его уникальном свойстве оказывать влияние на процесс создания материальных

благ предприятиями определенной территории, на развитие производственно-экономического потенциала посредством формирования интереса к данной территории у бизнеса, органов власти, социально активных людей путем распространения информации о преимуществах данного региона, выгодах и безопасности для ведения бизнеса, комфорта проживания с целью привлечения инвестиций и повышения деловой активности» [4, с. 48].

Рассмотрим региональный имидж на примере Алтайского края с точки зрения влияния сельскохозяйственного развития, поскольку именно сельское хозяйство для Алтая во многом является его «изюминкой», отличительной чертой и территориальной индивидуальностью.

Алтайский край расположен на юго-востоке Западной Сибири и является частью Западно-Сибирского экономического района. Природно-климатические условия относительно благоприятны для развития сельского хозяйства [5, с. 106]. Говоря об условно-статичных факторах формирования имиджа Алтая, профессор Ю.Г. Чернышов отмечает, что, если раньше «Алтай ассоциировался, прежде всего, с горно-заводским производством, то затем на первый план вышла аграрно-промышленная направленность. Алтай — это «житница Сибири» и ее здравница (курорт Белокуриха), это Колыванская ваза и демидовские заводы, это Иван Ползунов и Герман Титов, это Василий Шукшин» [5, с. 106].

На сегодняшний день Алтайский край по-прежнему несет в себе крестьянско-фермерскую направленность, являясь крупнейшим аграрным субъектом Российской Федерации. Он занимает лидирующие позиции по производству целой линейки продовольственных товаров, а также имеет серьезную базу для развития сельскохозяйственного машиностроения.

Образы хлебобобового края и его жителей нашли свое отражение не только в произведениях великого писателя, драматурга, кинорежиссера, киноактера В.М. Шукшина, но и в культурной символике. Например, в г. Барнауле 14 сентября 2012 г. в день празднования 75-летия Алтайского края состоялось открытие памятника крестьянам-переселенцам, переехавшим в край в годы столыпинских реформ (рисунок 1). В конце XIX — начале XX века в период реформ П.А. Столыпина свободные алтайские земли постепенно стали заселять переселенцы, облагораживая их своим трудом. Собственными усилиями они преобразили край, а пустующие земли стали благодатной почвой для земледелия. Эти обстоятельства дали новый импульс развитию Алтай-

ского края как аграрного региона страны. Олег Закоморный — известный скульптор и автор символического монумента.

Рисунок 1. Памятник крестьянам-переселенцам на Алтай
(Фото Н. Зубенко и из архива Алтайтурцентра)

Рассмотрим развитие сельского хозяйства в цифрах и проанализируем сельскохозяйственную продукцию по категориям хозяйств в Алтайском крае (таблица 1). Из данных таблицы с 2017 г. застоя в отрасли не наблюдается, в целом прослеживается устойчивая тенденция к

росту производства сельскохозяйственной продукции. В 2019 г. продукция растениеводства хозяйствами всех категорий возросла на 107% по сравнению с 2018 г. Продукция животноводства в 2019 г. составила 64 008,5 млн руб., что на 7 093 млн руб. больше по сравнению с прошлым годом.

Таблица 1. Продукция сельского хозяйства в Алтайском крае по категориям хозяйств за 2015–2019 гг., млн руб. [6]

	2015	2016	2017	2018	2019
Хозяйства всех категорий					
Продукция сельского хозяйства	123 740,7	143 325,3	125 999,3	131 825,1	144 540,3
растениеводство	67 341,5	85 125,8	69 226,4	74 909,2	80 531,8
животноводство	56 399,2	58 199,5	56 772,9	56 915,9	64 008,5
Сельскохозяйственные организации					
Продукция сельского хозяйства	61 109,4	73 737,0	65 683,8	71 227,0	81 740,0
растениеводство	34 873,5	47 285,4	38 348,1	43 076,6	48 406,2
животноводство	26 235,9	26 451,6	27 335,7	28 150,4	33 333,8
Хозяйства населения					
Продукция сельского хозяйства	41 658,1	39 435,0	36 986,3	36 357,2	36 765,5
растениеводство	13 389,0	10 264,4	10 647,5	10 546,9	9 461,1
животноводство	28 269,1	29 170,6	26 338,8	25 810,3	27 304,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства					
Продукция сельского хозяйства	20 973,2	30 153,3	23 329,2	24 240,9	26 034,8
растениеводство	19 079,0	27 576,0	20 230,8	21 285,7	22 664,5
животноводство	1 894,2	2 577,3	3 098,4	2 955,2	3 370,3

Стоит отметить, что сегодня, в век экологической нестабильности, производство сельскохозяйственной продукции особенно актуально. В свою очередь, культ тела и красоты, философия здорового образа жизни все больше пропагандируются и проникают в потребительское сознание. На полках продовольственных магазинов, в супермаркетах все больше можно встретить продукцию с логотипом «100% натурально». Потребитель заинтересован в сохранении и поддержании собственного здоровья, а без натуральных, экологически чистых продуктов это невозможно. Спрос рождает предложение, поэтому все больше производителей стремятся к созданию натуральных продуктов.

Сегодня покупателю уже не столько важен сам бренд, сколько концепция, стоящая за ним. Производство товаров и услуг на совесть, экологически чистые продукты — вот основные приоритеты со стороны покупателей при выборе продукции.

В продовольственных магазинах нередко можно увидеть алтайскую продукцию, причем не только в России, но и за рубежом. Славен Алтай экологически чистыми товарами: пшеница, мед, облепиха, сыр, панты, льняное масло и другая продукция. Экологически чистые товары настолько востребованы, что две трети жителей Алтайского края готовы приобретать экологически чистые продукты даже по повышенной цене. Таковы результаты проведенного локального опроса учеными Алтайского государственного аграрного университета, которые прозвучали в ходе научно-практической конференции «Аграрная наука — сельскому хозяйству» 2021 г. [7].

Несколько раз в год в столице края проходят сельскохозяйственные ярмарки, где широкий ассортимент продовольственных товаров предлагают предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности Барнаула, а также производители из других муниципальных образований Алтайского края. Товаропроизводители представляют мясо птицы, свинину и говядину, колбасные, мясные, рыбные деликатесы; растительное масло, кондитерские и хлебобулочные изделия, муку и крупы, сахар, яйцо, фрукты и т.д.

Подводя итоги, можно сказать, что Алтайский край сегодня позиционируется в стране, да и в мире, как житница и здравница Сибири. Таким образом, у края устойчиво сформирован позитивный имидж аграрного региона, это является конкурентным преимуществом, которое может послужить большим импульсом для привлечения инвестиций и для его социально-экономического развития. Правда, существует и ряд проблем, мешающих в реализации в полном объеме регионального потенциала. Прежде всего, речь идет о низком уровне жизни населения, в особенности сельчан, порождающем миграционный отток сельских жителей в города. Проблема финансирования отрасли занимает одну из ведущих позиций в «списке трудностей и задач» отрасли, а также стоит упомянуть высокие проценты по кредитам и т.д. Однако есть и благоприятные перемены — например, в 2020 г. наметилась положительная трансформация в области закупок сельскохозяйственной техники и оборудования. По словам действующего губернатора Алтайского края В.П. Томенко, «техническое переоснащение сельского хозяйства — важнейшая составляющая экономически эффективной работы аграрного сектора. Для алтайских сельхозтоваропроизводителей покупка техники — одна из основных статей расходов. За три

квартала этого года на техперевооружение отрасли в регионе было направлено более 6 миллиардов рублей, за прошлый год инвестиции составили 7,5 миллиарда рублей» [8]. Решение вышеперечисленных проблем поможет сформировать более устойчивый положительный имидж Алтайского края для его дальнейшего развития и повышения конкурентоспособности.

Литература

1. Бадоева К.А. Влияние корпоративной социальной ответственности на имидж предприятия // Аллея науки. 2018. Т. 1. №10 (26). С. 397–402.
2. Горчакова В.Г. Прикладная имиджелогия. М., 2016.
3. Пыльнева Т.Г. Роль имиджа в обеспечении конкурентоспособности предпринимательства // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. №4S (45S). С. 60–62.
4. Чернышов Б.Н. Имидж региона в системе оценки его конкурентоспособности // Маркетинг в России и за рубежом. 2016. №1. С. 1–8.
5. Чернышов Ю.Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) // Вестник Пермского университета. Политология. Специальный выпуск. 2011. С. 105–112.
6. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/QOFnuXDQ/Продукция%20сельского%20хозяйства%20по%20категориям%20хозяйств.htm>
7. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: https://www.altaregion22.ru/region_news/ekologicheskii-chistyye-produkty-proizvedennyye-v-altaiskom-krae-predstavlyat-na-vystavke-inturmarket2017_573692.html
8. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: https://altaregion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-rastut-obemy-priobreteniya-selskokozyaistvennoi-tehniki-v-lizing_880798.html
9. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

С.А. Чернышов
**«Народ против государства» в локальной
исторической памяти о покорении Сибири***

Присоединение Сибири к Русскому государству, начатое в конце XVI в., дало богатый материал для рефлексивного анализа не только для историков, но и для коллективной локальной исторической памяти. «Коллективная память» — относительно новое понятие для отечественной исторической науки. Термин, введенный в 1920-е годы Морисом Хальбваксом, сегодня традиционно принято понимать в качестве неполитизированной замены «мифов» и «идеологий» [1, с. 27]. Имея дело с социально-политическими образами, она превращает нарративы в мифы, свойством которых становится мощное аффективное воздействие. При этом коллективная память, как правило, субъективна: «она видит события единственно в перспективе собственных интересов; она не терпит многозначности, редуцируя события до мифологических архетипов» [2, р. 14]. Такое понимание коллективной памяти близко к концепции Ю.М. Лотмана о контекстах и сигналах текста, являющихся неотъемлемой частью анализа коммуникативного акта [3, с. 178–179] — коллективная память в этом смысле является предельным воплощением такого рода субъектного подхода.

Коллективная локальная историческая память, воплощенная, как правило, в «народном» или научно-популярном краеведении, традиционно не воспринимается отечественной исторической наукой как «серьезный» объект для изучения — в противовес «объективным» историческим нарративам. В лучшем случае тексты такого рода становятся предметом интереса филологов, культурологов и фольклористов, которые справедливо расценивают их как форму интерпретации происходящего или прошедшего [4, с. 14]. Современные историки и политологи общественные дискурсы такого рода воспринимают как естественный процесс конструирования символического поля общественной жизни: «общность современной нации не столько дана, сколько постоянно конструируется (...) элита создает такие знаки, символы и праздничные даты, с помощью которых она пытается консолидировать общество» [5, с. 82]. На наш взгляд, аналогичные подходы могут применены и по отношению к домодечным обществам, где в отсутствие привычной нам публичной сферы коммуникаций локальная историческая память служила не только пространством диалога по поводу про-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19.

шлого, но и неотъемлемой частью зарождающейся исторической науки, важным контекстом ее существования.

В настоящей статье мы сосредоточимся на одном из дискурсов локальной коллективной исторической памяти — «народ против государства». Здесь уместно сделать два замечания. Первое: оба этих понятия несут скорее сакрально-символический, чем конкретно-исторический смысл. Категории противопоставления «мы-они» — традиционны не только для средневекового религиозного сознания, но и для общественного дискурса XIX–XX вв., где они точно также имеют скорее моральное значение, чем институциональное или личностное воплощение [6, с. 112]. «Народ» — это не конкретная общность, а обобщенное и довольно рыхлое социальное понятие, которое противопоставлено такому же абстрактному (но на этот раз — далекому) понятию «государство». Второе замечание: говоря о дискурсе «народ против государства» мы неизбежно говорим об универсальном поле мифологии, универсальном «мифологическом ансамбле» [7, с. 102], куда входят мотивы заговора, идея «золотого века», «героя-спасителя» и прочие. Это архетипические понятия, глубоко интегрированные в локальную историческую память практически любого периода. Поэтому понятия «народ» и «государство» в контексте их отношения к локальной коллективной исторической памяти упоминаются в кавычках, подразумевая, что это не конкретные общности, а абстрактные понятия.

Для анализа этих дискурсов в локальной памяти используются летописные источники, материалы фольклорных и иных этнографических исследований, материалы газет с начала XVIII в. по настоящее время, народные творческие произведения Урала и Перми — стихи, песни, краеведческие и иные материалы.

Старт противопоставлению «народа» и «государства» символически дал не кто иной, как сам царь Иван Грозный. В своей знаменитой грамоте Максиму и Никите Строгановым, датированной весной 1582 года, он писал: «а не вышлете из острогов своих в Пермь волжских казаков, Атамана Ермака Тимофеева (...) Нам в том на вас опала своя положить большая» [8, с. 5]. Традиционно это интерпретируется как доказательство частного характера похода Ермака, и именно отсюда берет начало народно-былинный образ как самого казачьего войска, так и характера их похода в Сибирь.

Само московское правительство практически с самого начала формулирует государствоцентричную версию присоединения Сибири. Так, уже в августе 1585 года в инструкции русским послам в Швецию дается следующая официальная позиция: «государь наш (...) позволил на Сибирь идти казаком, и казаки государевы, исх Перми шод, Сибирь-

ское царство взяли» [9, с. 21]. На первых порах эта версия доводится до абсурдистского по современным представлениям тезиса о Ермаке как правителе, получившем легитимную власть в Сибири (цитата по Новому летописцу): «а к Ермаку повел государь написать на отаманом, но князем Сибирским» [10, с. 33]. Далее эта версия не становится доминирующей в официальных текстах, однако встречается в народном творчестве. Например, в «Жизни и деяниях Ермака, завоевателя Сибири», написанной в начале XIX в., утверждается, что «царь повелел ему управлять Сибирским царством до тех пор, пока по собственному желанию назначит на свое место другого начальника» [11, с. 170].

Привычные нам теперь образы Ермака как свободолюбивого атамана казачьего войска, покоряющего Сибирь на основе собственных возвышенных идеалов поиска «лучшей доли», возникли не сразу, а только через несколько десятилетий после самого похода. Контекст такой трансформации известен: Разинское и Булавинское восстания, приведение казаков к присяге царю Алексею Михайловичу, передача Донской области из ведения Посольского приказа к военному ведомству, введение Донской области в общую систему имперского правления, и так далее вплоть до указа 1802 года о 30-летней казачьей службе и окончательного превращения донского казачества в военное сословие [12, с. 5]. На этом фоне образ «казачьей вольницы» Ермака — это как раз архетипическое представление одновременно и о «золотом веке», и о «герое — освободителе».

Первые народные предания о Ермаке возникают еще в конце XVI в. [13, с. 14], и их ключевые паттерны в основном стабильны. Из века в век в этих преданиях транслируется устойчивый образ Ермака — выходца из «простых людей», помогающего бедным и грабящего богатых, героя, который «едет в Сибирь (...) с целью освободить ее от хана Кучума и сделать ее обетованной землей для всех подневольных, а также переселить туда казаков с Дона, то есть создать казацкую республику подальше от царско-боярской Москвы» [12, с. 5]. Эту идею мы встречаем и в материалах, собранных в середине XVIII в. Кириши Даниловым, и в данных этнографических экспедиций середины XIX в. Тимофея Круглякова, и в устных рассказах, записанных в начале XX в. [14, с. 151].

«Народный» образ Ермака — конечно, отражение не столько реальных событий, сколько последовавших после похода атамана событий. Прежде всего, длительного противостояния донского казачества и московского правительства, продолжающегося вплоть до начала XVIII в. Так, маршруты Ермака в народных преданиях часто совпада-

ют с передвижениями Степана Разина, а песня «Казачи убивают царского посла» описывает реальный эпизод убийства Семена Константиновича Карамышева — правда, случившийся в 1630 году [15, с. 11]. В этом смысле можно утверждать, что образ Ермака трансформируется от некоей условной исторической реальности в ретроспективно конструируемую идею, воплощающую «фантомные боли» казачьей вольницы в конкретные периоды потрясений и противостояний.

Такая интерпретация похода Ермака и покорения Сибири в целом дает почву для формирования в локальной коллективной исторической памяти устойчивой традиции внегосударственного подхода к первым походам «за Камень»: от явного противостояния с государством до родившейся позднее концепции «народной колонизации Сибири». Уже в середине XVIII в. противопоставление «народа» и «государства», повидимому, становится настолько существенной проблемой, что обсуждается даже в Академии наук. Так, в протоколах исторического собрания от 3 и 6 июня 1748 года упомянуто следующее: «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху того раде, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть применены, лучше их выкинуть» [16, с. 44]. Кроме прочего, это еще и первое известное нам свидетельство разрыва между народной интерпретацией покорения Сибири и официальной историографией.

В конце XVIII в. на противоположную от «народа» сторону в локальной исторической памяти переходят и Строгановы. Начиная осмыслять их роль в покорении Сибири, коллективная память отводит им незавидное место, упоминая, что они подавали «плохой пример», «правдами и кривдами расширяя свои огромные владения» [17]. Однако есть и противоположные интерпретации: в некоторых локальных текстах Строгановы, напротив, — на стороне «народа» и условной «вольницы». Например, в другом тексте того же периода Строгановы рассматриваются как дельцы, предприниматели, «вольные граждане», которые «правили в своих имениях во принципам вольного Новгорода» [18]. То есть, «государству» здесь противостоит уже не только «народ», но и местные элиты.

К началу XX в. свой вклад в развитие этого дискурса вносит и местная (пермская и уральская) интеллигенция. В контексте «народ» против «государства» она требует исторической справедливости и локальной сатисфакции. Так, в 1917 году пермский житель И.Я. Кривошеков пишет такой текст: «Царскими наградами за покорение Сибири

были отмечены сами победители и содействовавшие им материально солепромышленники Строгановы, но и Пермь Великая и ни вообще жители Прикамья не только не получили за содействие и участие в покорении Сибири царского спасибо, но и поныне историками не признается, что Россия обязана им расширением своих пределов за Каменным поясом (ныне Уралом)» [19].

В советский период дискурс «народ против государства» естественным образом трансформируется в контексте общегосударственных идеологических штампов: «народ против богачей» и «хороший царь против плохих бояр». Так, в филологических исследованиях исторических песен о Ермаке середины XX в. фиксируется «нераздельность интересов [Ермака] с интересами Родины», а войну казачеству, согласно таковой интерпретации, объявляет не царь, а бояре [20, с. 144]. А дискурс «Ермак против богачей (помещиков, бояр...)» стабильно фиксируется в локальных воспоминаниях. Так, Сергей Дмитриевич Турланов (77 лет) в диалоге с исследователем в 1959 году сказал: «Ермак против помещиков, капиталистов, богачей был... Он от царизма скрылся... Ермак был человек, полководец. Командиром был крестьян» [21, с. 117].

Ренессанс идеи противопоставления «государства» и «народа» происходит в конце XX века, в связи с ликвидацией известных идеологических ограничений в интерпретации событий прошлого и попыткой по-новому осмыслить известные исторические факты. Покорение Сибири в локальных текстах конца XX века — снова исключительно «народное дело», а Ермак — «земляк», который «оказался дальновиднее и мудрее самого царя Ивана Грозного, думы боярской, самого правительства московского» [22, с. 27]. В очередной раз локальная память реанимирует образ «вольницы», активного противостояния с «государством» и «народной свободой». Вот пример такого «краеведческого» стихотворения уральского автора А. Пинаева, написанного в конце 1990-х: «Казачи конец добыли / Ермаком ведомы были / Собрались в большую рать, / Волю ездили искать. / За горами на востоке / Хан Кучум засел жестокий, / Шли Кучума победить, / Чтоб Ивана укрепить» [23, с. 50].

Таким образом, возникнув в противовес официальной государственной концепции присоединения Сибири к Русскому государству, дискурс «народ против государства» в локальной коллективной памяти оказался удивительно устойчивым с начала XVII в. и сохранил свои основные черты вплоть до наших дней. Временно трансформируясь в идеи «местная интеллигенция против центральной власти» или «Ермак против помещиков», рассматриваемый дискурс сохранил ярко выра-

женную фантомную боль почти каждого нового поколения о «вольнице» в противовес регулирующему воздействию московского правительства, которое традиционно воспринималось как избыточное.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
2. Novick P. Nach dem Holocaust. Frankfurt/M., 2003.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
4. Виролайнен М. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007.
5. Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. статей. М., 2012.
6. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // О русской литературе. СПб., 2005. С. 112–117.
7. Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М., 2004.
8. Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Тобольск, 1891.
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129 : Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556–1586 гг. СПб., 1910.
10. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 14. Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. Новый летописец. СПб., 1910.
11. Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири. М., 1807.
12. Тумилевич Т.И. Донские исторические предания о Ермаке. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1980.
13. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.
14. Лазарев А. Урало-сибирские предания и легенды о Ермаке // Вопросы истории и теории литературы. Вып. 4. Челябинск, 1968. С. 145–160.
15. Буганов В.И., Зимин А.А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 50. Казань, 1967. С. 3–13.

16. Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 5–44.

17. ГАПК. Ф. р973. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

18. ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1136.

19. ГАПК, Ф. р973. Оп. 1. Д. 43. Л. 34.

20. Горелов А.А. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России // Русская литература. 1961. №1. Ленинград, изд-во АН СССР. С. 141–159.

21. Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002.

22. Легендарный Ермак Тимофеевич. Краеведческое пособие. Кунгурский район, 2016.

23. Пинаев А.Н. Старый посад. Пермь, 2002.

Сокращения

1. ГАПК — Государственный архив Пермского края

А.Н. Ямсков

Особенности территориального самосознания старшекласников г. Данилова Ярославской области (по материалам обследования 2021 г.)

С 2017 г. автор изучает соотношение относительной важности локального (малый город-райцентр и район) и регионального (область) уровней территориального самосознания и их значимости на фоне этнической (русской) и национально-государственной (российской) идентичностей для учащихся 11-х классов на основе анализа результатов сплошного анонимного анкетирования по оригинальному вопросу. Эта работа является частью коллективного проекта по изучению населения малых городов Центральной России. Ранее мы работали в городах Белёв Тульской области и Старица Тверской области. Предварительные итоги указанных исследований и их цели представлены в нашей монографии, где были описаны в том числе и соответствующая авторская анкета, методика её применения и первые результаты [1, с. 88, 96–98]. Более полные материалы по данной тематике позднее были отражены в отдельной статье [2].

В рамках нашего проекта, изучению территориального самосознания всегда предшествовало выявление мест рождения самих анкетиремых старшекласников и двух поколений их предков, то есть реконструкция миграционной истории семей. Эта часть работы тоже осу-

ществляется путём сплошного анонимного анкетирования с использованием разработанного автором совместно с Н.А. Дубовой вопросника [3], состоящего из семи последовательных вопросов о местах рождения респондента, его отца и матери, дедушек и бабушек по отцовской и материнской линиям. Так мы получаем сведения о том, какая часть русских старшеклассников является третьим поколением коренных жителей данного малого города и района, а какая — потомками мигрантов, приехавших туда во второй половине XX — начале XXI в.

С осени 2020 г. мы перенесли наши работы по указанному проекту в малые города Данилово и Пошехонье — центры муниципальных районов Ярославской области. В частности, 2 апреля 2021 г. было проведено анкетирование всех одиннадцатиклассников в г. Данилово, причём в школах №№ 1, 2 — лично автором, а в школе № 12, из-за введённых тогда в связи с эпидемией коронавируса ограничений, — учителями. Особенности распределения по школам города полученной фактической выборки, составившей в итоге 86% учащихся, представлены ниже в Таблице № 1.

Таблица №1. Количество и доля учащихся 11-х классов, прошедших анкетирование в г. Данилово 2 апреля 2021 г.

Школы в г. Данилово	Общее количество учащихся в 11-м классе (классах) на момент анкетирования	Учащиеся 11-х классов, корректно заполнившие анкеты ¹	
		Численность	Доля
№ 1	14 чел.	12 чел.	86%
№ 2	27 чел.	27 чел.	100%
№ 12	18 чел.	12 чел.	67%
Итого	59 чел.	51 чел.	86%

Эти первые результаты, как представляется, оказались вполне репрезентативными для одиннадцатиклассников г. Данилова, которые оканчивают школу в 2021 г. Видимо, опираясь на эту фактологическую базу, уже можно сделать некоторые сугубо предварительные выводы.

Однако дальнейшим рассуждениям об идентичностях старшеклассников г. Данилова стоит предпослать краткий экскурс в применяемую нами терминологию.

---

¹ В школе № 12 еще 2 человека формально прошли анкетирование, но в бланки их анкет была внесена якобы «шуточная», т.е. абсурдная информация. Эти 2 ответа не учитываются в составе корректно заполненных анкет. В составе последних, однако, есть анкеты, заполненные не полностью.

Термины «идентичность» и «самосознание» используются ниже в качестве синонимов. О правомерности подобного подхода ранее говорили многие авторитетные специалисты, например, этнологи [4, с. 20–21] и географы [5, с. 159]. О том же в принципе высказывалась и Л.М. Дробижева, рассматривавшая *«идентичность как самоотжествление себя с общностью»* [6, с. 7], то есть как самоосознание себя в качестве члена определённого сообщества людей. В качестве синонимов нами также применяются термины «территориальное» и «пространственное» в приложении к идентичности либо самосознанию. В частности, такую точку зрения принимает, хоть и с оговорками, известный специалист в сфере культурной географии [7, с. 152].

В исследованиях пространственной идентичности можно выделить следующие четыре уровня территориального самосознания населения России [см. также: 2, с. 132]. Государственный — житель России, или россиянин. Региональный — житель области или республики в составе Российской Федерации. Локальный — житель отдельного малого либо среднего города или сельского района в составе области или республики России. Местный — житель определенной части города или сельского района либо группы деревень, демонстрирующий психологическую привязанность именно к этой местности.

Правда, государственный уровень территориальной идентичности чаще всего практически сливается с национальной (иначе говоря, государственно-политической) самоидентификацией личности [см. также: 8, с. 82], и потому его обычно нецелесообразно рассматривать в отрыве от последней. Но в понимаемых указанным образом региональной, локальной и местной составляющих пространственной идентичности человека на первый план выходят именно чувства его сопричастности к соответствующей территории и, в не меньшей степени, к ее жителям.

Иными словами, за собственно территориальными аспектами идентичности всегда стоят социальные составляющие самосознания — ощущение своей принадлежности к местным, локальным и региональным сообществам, то есть к населению соответствующих территорий. Впрочем, отечественные ученые ранее уже писали о последнем аспекте территориальной идентичности применительно как к локальному [9, с. 83], так и к региональному ее уровням [7, с. 156–157; 10, с. 410–411; 11, с. 86]. В обзорной статье о современных исследованиях феномена «чувства места» в социально-культурной антропологии также акцентируются именно социальные аспекты территориального самосознания [12, р. 1]. Так как наиболее полным и богатым фактическими сведениями исследованием территориальной идентичности русских в Центральной России, и в первую очередь ее регионального уровня, оста-

ся, по-видимому, монография М.П. Крылова [13], то именно к ней и стоит прежде всего обратиться всем тем, кто интересуется методологией и историографией данной области науки.

Вернемся, однако, к территориальным и иным идентичностям старшеклассников г. Данилова. Итак, вначале учащиеся 11-х классов на выделенном для этих целей уроке и в присутствии следивших за дисциплиной учителей заполняли анкету о местах рождения, своего и своих родителей, бабушек и дедушек (см. подробнее: [1, с. 86–92]). Это задавало общий контекст, то есть внимание к территориальным аспектам родословных респондентов.

Затем старшеклассники переходили к анкете по территориальной идентичности, состоящей из всего трех вопросов (см. подробнее: [1, с. 92–101]). При этом присутствовавший при анкетировании автор данной анкеты отвечал на возникающие вопросы и давал пояснения об особенностях ее заполнения.

В первом открытом вопросе респондента просили вписать в бланк анкеты название территории, на которой расположены город и район, в котором он/она проживает: «Я думаю, что г. Данилов и Даниловский район входят в состав территории, которая называется: ...». Ответы на этот вопрос показывают относительное значение регионального (областного) и государственного уровней территориальной идентичности, и эти данные представлены ниже в Таблице №2.

Таблица №2. Сравнительное значение регионального (областного) и государственного (российского) уровней территориальной идентичности.

Го- род	Время анкети- рования	Количе- ство ответив- ших ¹ , принятое за 100%	Доля лиц, вписавших название следующей террито- рии, «в состав которой входят» соответствующий город (райцентр) и район			
			Ярославская область	Ярославская область и Россия	Россия ² (Российская Федерация)	Иное
Да- ни- лов	2.04.2021	49 чел.	76% (37 чел.)	10% (5 чел.)	14% (7 чел.)	0

При анализе данных Таблицы №2 бросается в глаза то, что в ответах на этот вопрос абсолютное преобладание получил региональный

¹ Еще 2 человека из числа прошедших анкетирование не ответили на данный вопрос.

² В том числе 3 человека дали уточняющий ответ «Центральная Россия».

(областной) уровень территориальной идентичности в сравнении с государственным. Можно также заключить, что региональная идентичность очень значима для всех тех подростков, которые назвали в данном контексте только территорию своей области или же Ярославской области и России вместе, то есть для 86% даниловцев, или для их подавляющего большинства. С другой стороны, лишь для 24% даниловцев, назвавших в ответах на этот вопрос территорию России или же своей области и Российской Федерации вместе, очень значима общегосударственная (российская) территориальная идентичность. Впрочем, в данном случае речь идет лишь о специфике ответов на указанный вопрос анкеты, который сам по себе не может полностью раскрыть структуру идентичности отдельной личности или группы старшекласников.

Второй открытый вопрос, продолжая тему пространственного положения данного города и района, фокусировал внимание анкетированного на территориях из ближайшего окружения, то есть на тех соседних районах и городах, которые, по мнению респондента, населяют люди, исторически и по культуре наиболее близкие ему и его землякам. Эта проблематика на примере материалов по Белёву и Старице за 2017–2018 гг. была рассмотрена нами ранее (см. подробнее: [14]).

Наконец, третий и основной по значению для данного исследования закрытый вопрос анкеты предоставлял респонденту возможность ранжировать по значимости для себя идентификацию с россиянами в целом (гражданами Российской Федерации), русскими (или лицами иной национальности, с просьбой указать таковую), жителями соответствующей области (ярославцами), населением данного города и/или района (даниловцами). Таким образом, было предложено всего четыре варианта для ранжирования. При ранжировании вышеперечисленных форм идентичности с точки зрения их значимости для респондентов, у последних появилась возможность фактически напрямую сопоставить относительные значения локального (городского и/или районного) и регионального (областного) уровней территориальной самоидентификации. Следует подчеркнуть, что варианты ответов для ранжирования перечисляются в анкете от самого обобщающего (россияне) через более общий (русские или представители иной национальности) к более частному (жители области) и еще более частному (жители города/района).

Контекст анкеты и последний вопрос явно ориентируют респондентов на внимание именно к территориальным аспектам идентичности, ведь он полностью звучит так: *«Когда я задумываюсь о том, кем именно ощущаю себя в первую очередь, или когда в Москве или другом*

месте вдали от дома откровенно отвечаю на вопрос "Кто ты?", то называю себя так: ...». То есть здесь присутствует прямая подсказка подумать о том, кем бы он/она назвали себя «в Москве». Эти слова, несомненно, подталкивают к выбору прежде всего между локальным (городским/районным — даниловцы) или региональным (областным — ярославцы) уровнями идентичности, поскольку нет ведь особого смысла определять себя «русским» или «россиянином» в Москве, где таковых явное большинство.

Кроме того, при заполнении данной анкеты, в случае неуверенности или нежелания респондента особенно вдумываться в эту ее часть, ему/ей было проще всего придать более высокий ранг региональному (областному) уровню идентичности, стоящему выше локального (городского/районного). Данная особенность анкеты, то есть присущий ей некий стимул завышать значимость регионального уровня идентичности в сравнении с локальным, тоже сказалась, вероятно, на приведенных ниже в Таблицах №№3 и 4 цифрах.

Вначале сопоставим относительное значение локального и регионального уровней пространственной идентичности только в сравнении друг с другом, при этом полностью абстрагируясь от их реального положения по отношению к общенациональной или этнической идентичностям. Этой цели служит Таблица №3, в которой, повторимся, отражены все те и только те ответы респондентов, которые позволили установить обозначенный в анкетах приоритет локального либо регионального самосознания в сравнении друг с другом.

Таблица №3. Сравнительное значение регионального (областного) и локального (городского и/или районного) уровней территориальной идентичности.

Город	Время анкетирования	Количество ответивших ¹ , принятое за 100%	Приоритетный уровень территориальной идентичности (при сопоставлении ее регионального и локального уровней)			
			Региональная идентичность		Локальная идентичность	
			Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Данилов	2.04.2021	41 чел.	29 чел.	71%	12 чел.	29%

Данные Таблицы №3 вновь показывают приоритетное значение именно регионального (областного), то есть ярославского уровня тер-

¹ На данный вопрос не ответили 10 человек, или почти 20% прошедших анкетирование.

риториального самосознания в структуре территориальной идентичности старшеклассников г. Данилова.

Представляет интерес также то, насколько высокое значение придавали наши молодые респонденты различным уровням территориального самосознания (локальному и региональному) на фоне этнического и общенационального. Эти сведения представлены ниже, в Таблице №4, в которой суммированы сведения о том, сколько именно респондентов поставили на первое место по значению для себя ту или иную конкретную форму идентичности. Следует, однако, подчеркнуть, что в данном случае в ответе «россиянин/россиянка (гражданин/гражданка Российской Федерации)» присутствует уже не столько территориальная самоидентификация (как это было в контексте ответов, приведенных выше Таблице №2), сколько национальная (то есть гражданская, или государственно-политическая).

Таблица №4. Приоритетная идентичность респондентов-старшеклассников в г. Данилове.

Город	Время анкетирования	Кол-во ответивших ¹ , принятое за 100%	Респонденты, поставившие на первое по значимости место следующую форму идентичности							
			Национальная (россияне)		Этническая (русские)		Региональная (ярославцы)		Локальная (даниловцы)	
			Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Данилов	2.04. 2021	42 чел.	11 чел.	26%	12 чел.	29%	14 чел.	33%	5 чел.	12%

В заключение подчеркнем, что пока нами были проанализированы только материалы первого года изучения пространственной идентичности старшеклассников г. Данилова, поэтому приведенные выше выводы и заключения имеют сугубо предварительный характер. Планируется продолжение этих исследований как минимум еще на один год, с тем чтобы в итоге получить сведения о мнениях выпускников следующих 2022 г. и 2023 г. Только тогда, опираясь на материалы о высказываниях выпускников за три года, можно будет относительно обоснованно судить об особенностях территориального самосознания старшеклассников этого города в начале 2020-х гг.

¹ На данный вопрос не ответили 9 человек, или почти 18% респондентов. Учтены все анкеты, в которых даже неполный ответ на вопрос №3 позволил выявить приоритетность хотя бы одной из вышеуказанных форм идентичности респондента.

Литература

1. Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белёве и Старице. М., 2018 [Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 267]. URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.2575296>

2. Ямсков А.Н. Кто мы? Белёвцы или туляки, старичане или тверичане? Локальный и региональный уровни пространственной идентичности старшеклассников в малых городах Тульской и Тверской областей // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Материалы VI международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / Под ред. Т.И. Рябовой. Брянск, 2019. С. 130–137. URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.3352293>

3. Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Масштабы и направления миграционных потоков в малые города Центральной России в середине — конце XX в. // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 ноября 2017 г. Елабуга, 2017. С. 306–309.

4. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. №3. С. 13–22.

5. Крылов М.П. Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // Гуманитарная география. Вып. 1 / Глав. ред.: Д.Н. Замятин. М., 2004. С. 154–165.

6. Дробижина Л.М. Введение. К пониманию «Кто мы?» // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 2013. С. 7–13.

7. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. №5. С. 151–163.

8. Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Молодежь в городах Калининградской области. М., 2017 [Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Вып. 260].

9. Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. №6. С. 83–99.

10. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.

11. Крылов М.П. Российская региональная идентичность: геопространственные и цивилизационные аспекты // Гуманитарная география. Вып. 3 / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М., 2006. С. 83–119.

12. Hirsh E. Sense of Place // The International Encyclopedia of Anthropology / Ed. H. Callan. N.Y., 2018, P. 1–3 URL: <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1764>

13. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.

14. Ямсков А.Н. Отражение культурно-исторических связей с соседними районами в пространственной идентичности старшеклассников Белёва и Старицы // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием; г. Рязань, 21–22 ноября 2018 г. / Отв. ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М., 2018. С. 73–79. URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.2650283>

Список литературы по теме «Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти»

Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы Алтайской краевой научной универсальной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Публикуется в авторской редакции.

Ресурсы удаленного доступа

Атласкиров, А. Р. Коммеморативные практики в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарской Республики / А. Р. Атласкиров // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 205–228. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44475668>

Батищев, Р. Ю. Культурная память населения Липецкой области в условиях миграционных вызовов: мемориальный конфликт или мнемоническая адаптация? / Р. Ю. Батищев // Журнал фронтальных исследований. – 2020. – Т. 5. № 2 (18). – С. 177-199. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42899900>

Беневаленская, Е. Н. Коммеморативные практики архивных учреждений Алтая (1965-1985) / Е. Н. Беневаленская // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 2 (36). – С. 101-105. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41122810>

Беневаленская, Е. Н. Проблемы региональной идентичности в современном историографическом дискурсе / Е. Н. Беневаленская // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : материалы всероссийской научной конференции / науч. ред. Н. А. Матвеева. – Барнаул, 2020. – С. 134-136. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44118294>

Бикетова, Е. А. «Европейская перспектива» Беларуси: особенности формирования национальной и цивилизационной идентичности / Е. А. Бикетова // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России : сборник научных статей / под ред. Е. В. Викторовой. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 53-59. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45941862>

Богатова, О. А. Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации на примере Ижевска и Саранска / О. А. Богатова, Е. Н. Гусева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международ-

ные отношения. – 2019. – Т. 3. № 4. – С. 409-429. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41531153>

Булавин, А. В. Историческая память в условиях социально-политического транзита в современной России (на примере регионов ПФО) / А. В. Булавин, С. В. Полутин // Евразия и глобальные социально-экономические изменения. VII Международный конгресс социологов тюркского мира : сборник научных трудов. – Казань, 2020. – С. 53-61. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44181243>

Волков, Ю. Г. Социальная справедливость как социетальная ценность в контексте гармонизации межэтнических отношений в Южно-российском регионе / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. – 2021. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-spravedlivost-kak-sotsietalnaya-tsennost-v-kontekste-garmonizatsii-mezhethnicheskih-otnosheniy-v-yuzhnorossiyskom>

Гриценко, Г. Д. Укрепление общероссийской идентичности как тенденция деэтнизации социально-политической жизни на Северном Кавказе: экспертное мнение / Г. Д. Гриценко // МНИЖ. – 2021. – № 5-4 (107). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukreplenie-obshcherossiyskoy-identichnosti-kak-tendentsiya-deetnizatsii-sotsialno-politicheskoy-zhizni-na-severnom-kavkaze>

Денисов, Ю. П. Феномен идентичности и политические технологии её формирования / Ю. П. Денисов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7. № 1 (25). – С. 103-113. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43078670>

Докучаев, Д. С. Историческая политика на региональном уровне: модели, цели и акторы / Д. С. Докучаев // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 5 (102). – С. 224-235. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46208999>

Докучаев, Д. С. Социальное измерение исторической политики на региональном уровне (на примере Ивановской области) / Д. С. Докучаев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 1 (57). – С. 117-123. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42903342>

Заикин, Д. С. Политика памяти как инструмент символической политики по формированию региональной идентичности в субарктическом регионе (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) / Д. С. Заикин // Развитие институтов гражданского общества в арктических регионах современной России: политико-правовые аспекты : сборник материалов Всероссийской научно-практической конфе-

ренции / под редакцией М. Ю. Мартынова [и др.]. – Сургут, 2020. – С. 248-261. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44809735>

Зевако, Ю. В. Пространственные, политические и культурные измерения национальной идентичности в постимперской России / Ю. В. Зевако, Д. Н. Караваева // Миф в истории, политике, культуре : сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции. – Севастополь, 2020. – С. 449-455. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44408246>

Касаткина, С. С. Историко-культурное наследие городов России как элемент культурного универсума / С. С. Касаткина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 1 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnoe-nasledie-gorodov-rossii-kak-element-kulturnogo-universuma>

Ким, А. С. Национальное самосознание и идентичность россиян и политика памяти / А. С. Ким // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа Малой Родины : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. – Иркутск, 2019. – С. 215-221. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41348390>

Кирьянов, И. К. Строгановы в политике памяти и коллективной памяти жителей «Строгановского» региона / И. К. Кирьянов, В. Я. Призюк // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 2 (49). – С. 88-97. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43140803>

Красильникова, Е. И. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.) / Е. И. Красильникова // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. : материалы всероссийской научной конференции / науч. ред. Н. А. Матвеева. – Барнаул, 2020. – С. 158-161. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44118306>

Красильникова, Е. И. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26. № 1. – С. 47-54. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42781403>

Кругликова, Г. А. Культурное наследие Урала: сохранение исторической памяти (к постановке проблемы) / Г. А. Кругликова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской

научной конференции. – Екатеринбург, 2020. – С. 344-351. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44698391>

Кудряшова, И. В. Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта / И. В. Кудряшова, Е. Ю. Мелешкина // АПЕ. – 2021. – № 2 (110). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razdelenie-vlasti-i-formirovanie-natsionalnogo-soobshchestva-osmyslenie-bosniyskogo-opyta>

Ленин. История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX – начале XXI в. : материалы II Международного форума историков, философов и публицистов. К 150-летию со дня рождения В. И. Ленина / под ред. А. В. Кобзева, Н. В. Липатовой, С. А. Прокопенко. – Ульяновск, 2020. – 272 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45663877&selid=45663967>

Леонтьева, О. Б. Историографическая рефлексия и становление национальной идентичности / О. Б. Леонтьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriograficheskaya-refleksiya-i-stanovlenie-natsionalnoy-identichnosti>

Назукина, М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ / М. В. Назукина // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 78-92. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42870140>

Полутин, С. В. События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа / С. В. Полутин, А. В. Булавин, О. Е. Зубов, Т. В. Нагаева // Регионоведение. – 2021. – № 1 (114). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-proshlogo-v-istoricheskoy-pamyati-molodezhi-natsionalnyh-regionov-privolzhskogo-federalnogo-okruga>

Тимшина, Е. Л. Оглядываясь назад: образ Советского Союза в исторической политике партий (по материалам выборов в Государственную Думу РФ VI и VII созывов). / Е. Л. Тимшина // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oglyadyvayas-nazad-obraz-sovetskogo-soyuza-v-istoricheskoy-politike-partiy-po-materialam-vyborov-v-gosudarstvennyu-dumu-rf-vi-i>

Тузова, П. Р. Региональная идентичность как составная часть символической политики в Пензенском регионе / П. Р. Тузова // Студент – Исследователь – Учитель : материалы XXI Межвузовской студенческой научной конференции. Редколлегия: Н. А. Бочарова, Н. И. Верба, Т. С. Вологова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 437-443. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43777502>

Фадеева, Л. А. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) / Л. А. Фадеева, М. В. Назукина // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201-220. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42681480>

Филимонов, Д. А. К вопросу о роли русской исторической памяти в формировании российской национальной идентичности / Д. А. Филимонов // PolitBook. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rol-i-russkoy-istoricheskoy-pamyati-v-formirovanii-rossiyskoy-natsionalnoy-identichnosti>

Чернышов, Ю. Г. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) / Ю. Г. Чернышов // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 111-127. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44382710>

Щукина, Е. Л. Культурная политика в коммуникативном пространстве региона / Е. Л. Щукина, Т. В. Плотникова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2020. – Т. 13. № 5. – С. 284-291. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44435384>

Книги из фондов АКУНБ им. В. Я. Шишкова

Буров, М. П. Гражданское общество современной России: проблемы активизации и повышения авторитета / М. П. Буров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Дашков и К°, 2021. – 275 с. – (Научные издания).

Костина, А. В. Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества. Цивилизационная идентичность. Информатизация жизни. Культурные ценности и «общество потребления» / А. В. Костина. – Москва : URSS; Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 196 с.

Медушевский, Н. А. Толерантность в фокусе региональных трактовок / Н. А. Медушевский. – Москва : URSS ; Москва : ЛЕНАНД, 2020. – 166, [1] с.

Мухаметшин, Ф. М. Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего: очерки постсоветского времени 1991–2020 гг. / Ф. М. Мухаметшин, В. П. Степанов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2021. – 415 с.

Образ будущего России глазами молодежи / Комаровский В. С., Беляков А. А., Бориско О. А. [и др.] ; под ред. В. С. Комаровского. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 220, [1] с.

Подберезкин, А. И. Война и политика в современном мире / А. И. Подберезкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва ино-

стр. дел Рос. Федерации, Центр воен.-полит. исслед. – Москва : Междунар. отношения, 2020. – 310, [1] с. – (Научно-популярная серия РФФИ).

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / [А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, Я. В. Севастьянова и др.] ; под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. – Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 630, [1] с.

Политическая идентификация школьников и студентов регионов РФ в условиях информационного общества (на примере регионов СФО и ДФО) / Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев, Т. А. Асеева [и др.] ; М-во науки и высш. образования РФ, Алт. гос. ун-т, Каф. политологии, Центр полит. анализа и технологий. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. – 87 с.

Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: ежегодник / Алт. гос. ун-т, Фак. массовых коммуникаций, филологии и политологии, Каф. политологии, Центр полит. анализа и технологий; [редкол.: Я. Ю. Шашкова (отв. ред.) и др.]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – 126 с.

Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: ежегодник / Алт. гос. ун-т, Фак. массовых коммуникаций, филологии и политологии, Каф. политологии, Центр полит. анализа и технологий; редкол.: Я. Ю. Шашкова (отв. ред.) [и др.]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. – 141 с.

Смирнов, А. В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению / А. В. Смирнов; Ин-т философии Рос. акад. наук. – Москва : ЯСК, 2021. – 445, [1] с.

Состояние межнациональных отношений в Алтайском крае : монография с методическими материалами / Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Суртаева О. В. ; под общ. ред. С. Г. Максимова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Правительство Алт. края, Алт. гос. ун-т, Алт. краев. обществ. орг. психол.-социал. сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие», Ресурсный центр по развитию гражд. инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алт. крае. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2019. – 113 с.

Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов / отв. ред. С. Г. Максимова. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. – Вып. 9, т. 2. – 2020. – 297 с.

Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й Междунар. науч. конф. (Барнаул, 2-4 декабря 2020 г.) «Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе инновационных и тра-

диционных подходов: результаты и проблемы изучения региональной истории и культуры народов», посвященной тридцатилетию Центра устной истории и этнографии Алт. гос. пед. ун-та / под ред. Т. К. Щеголовой. – Барнаул : АлтГПУ, 1994. – Вып. 10. – 2020. – 387 с.

Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в. / П. К. Дашковский, В. Билотас, И. Бурэн-Улзий [и др.] ; под ред. П. К. Дашковского ; М-во науки и высш. образования РФ, Алт. гос. ун-т, Каф. религиоведения России, нац. и гос.-конфессион. отношений, Лаб. этнокультурных и религиоведч. исслед. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. – 267 с. – (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии; вып. 1).

Terra scimus: сб. ст. по итогам Алт. науч. ассамблеи «Алтай: Terra scimus», посвященной рассмотрению проблемы «Культуры Алтая и алтайские языки: языковой менеджмент, маркетинговые стратегии, региональная идентичность» (21 октября 2020, Барнаул) в рамках «Года японо-российских межрегиональных и побратимских обменов (Года японо-российских межрегиональных обменов)», Года взаимных обменов между Рос. Федерацией и Респ. Корея, 2020-го и 2021-го Годов российско-китайского науч.-техн. и инновационного сотрудничества/ М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Алт. гос. ун-т, Центр языкового менеджмента и коммуникационного маркетинга ААФ, Центр обучения восточных и европейских языков ЭЛИТ, Ин-т массовых коммуникаций, филологии и политологии, Каф. медиакоммуникаций, технологий рекламы и связи с общественностью ; гл. ред. Н. В. Халина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. – Вып. 2. – 2020. – 179 с.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла в 1996 г., статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — *проведение международных научно-практических конференций, издание сборников* по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения)

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия).

28–30 сентября 2015 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

29–30 сентября 2016 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе).

28–29 сентября 2017 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях).

27–28 сентября 2018 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами).

26–27 сентября 2019 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Политика памяти и формирование международного имиджа страны).

24–25 сентября 2020 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Глобальные исторические события XX века и национальные варианты политики памяти).

28–29 сентября 2021 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти).

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с

оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — *консультирование, проведение прикладных политологических исследований*. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернаторских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, серийному изданию «Дневник АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ стала лауреатом IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» и была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке)».

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
✉ E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🌐 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Информация об авторах

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Березняков Дмитрий Владимирович

Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной философии и политологии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Вольтер Ольга Владимировна

Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета, член РАПН, член-корреспондент РАЕН, г. Армавир

Гайкин Виктор Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВОРАН), г. Владивосток

Голунов Сергей Валерьевич

Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва

Давидчук Анна Сергеевна

Студентка Российского университета дружбы народов, г. Москва

Данилова Анастасия Наильевна

Аспирант, ассистент кафедры педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск

Дахин Андрей Васильевич

Доктор философских наук, профессор Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Нижний Новгород

Дергачева Влада Евгеньевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дерендяева Анна Дмитриевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дьяченко Наталья Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Козлов Сергей Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории журналистики Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доцент, г. Москва

Кошечкина Елена Александровна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Луга Ленинградской области

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лагошина Наталия Анатольевна

Аспирант, ассистент Института истории и международных отношений, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Мальшева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Нелюбин Павел Геннадьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Папашвили Георгий Зурабович

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Потапцева Екатерина Викторовна

Кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Румянцев Владимир Петрович

Доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Савоськин Алексей Максимович

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Самойлов Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сироткин Михаил Сергеевич

Студент 2-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Смагина Алена Петровна

Студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета, направление «Социология», г. Краснодар

Смирнова Вера Александровна

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук РНИМУ им. Н. Пирогова, г. Москва

Таненкова Анна Владимировна

Магистр экономики, старший преподаватель Алтайского государственного медицинского университета, г. Барнаул

Тодыков Егор Сергеевич

Аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Ульянов Павел Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Холодкова Наталья Васильевна

Аспирант Департамента наук о Земле Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

Цыряпкина Юлия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Чернышов Сергей Андреевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Чураков Кирилл Александрович

Студент Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Щербанова Елена Евгеньевна

Магистрант Института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, учитель истории МБОУ СОШ №107, г. Барнаул

Яковлева Ирина Павловна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар.

Ямсков Анатолий Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Ястребова Ульяна Викторовна

Студентка IV курса обучения (выпускник-бакалавр) Института философии СПбГУ, направление «Культурология», профиль «культура Италии», г. Санкт-Петербург

Содержание

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	3
<i>Чернышов Ю.Г. К итогам двух конференций о региональной идентичности и политике памяти .....</i>	<i>4</i>
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ	13
<i>Аришнцев О.А. Пространство, регион, идентичность: перспективы междисциплинарных исследований .....</i>	<i>13</i>
<i>Дахин А.В. Собственный потенциал региональной публичной власти: повороты отечественной политической регионалистики, факторы, модели .....</i>	<i>19</i>
<i>Коровникова Н.А. Региональная идентичность в цифровом измерении .....</i>	<i>24</i>
<i>Ястребова У.В. Роль религиозных образов-символов в культурном ландшафте (на примере Сицилии) .....</i>	<i>30</i>
2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ (В ТОМ ЧИСЛЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ РЕГИОНАХ «БОЛЬШОГО АЛТАЯ»)	39
<i>Березняков Д.В., Козлов С.В. Региональное измерение политики памяти: случай Донбасса .....</i>	<i>39</i>
<i>Бетмакаев А.М. Влияние политики памяти в странах Вишеградской группы на формирование региональной идентичности .....</i>	<i>47</i>
<i>Гайкин В.А. Цзяньдао, Дунбяньдао — территория корейской герильи в Маньчжурии (1937–1941 гг.) и память об антияпонской войне в КНДР .....</i>	<i>54</i>
<i>Голунов С.В. Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичности и практики .....</i>	<i>60</i>
<i>Давидчук А.С. Этноплеменные противоречия на юге Ливии как фактор региональной нестабильности .....</i>	<i>67</i>
<i>Дергачева В.Е. Мемориал Р. Андерсону в Гринвилле (к вопросу о соотношении национальной и региональной «монументальной» политики в США) .....</i>	<i>75</i>
<i>Дерендяева А.Д. Геральдическая символика как отражение процессов формирования региональной идентичности (на</i>	

<i>примере городов республиканского значения и областей Республики Казахстан)</i>	82
<i>Козулин В.Н. «Австрийская Русь»: особенности формирования идентичности у населения Галичины (середина XIX в.)</i> ...91	
<i>Курныкин О.Ю. Формирование национальной и региональной идентичности и политический процесс в Кыргызской Республике</i>	100
<i>Лагошина Н.В. Влияние антикварной католической традиции на формирование ирландской идентичности XVIII в.</i>	108
<i>Лекаренко О.Г. Декларация о европейской идентичности 1973 г. и Европейское политическое сотрудничество: роль внешнего фактора</i>	116
<i>Мальшиева Н.С. Идентичность региональных организаций (на примере МЕРКОСУР)</i>	123
<i>Нелюбин П.Г. Между нихондзинрон и религией Запада: проблема идентичности японских христиан периода Мэйдзи</i>	127
<i>Папашвили Г.З. Сравнительный анализ формирования идентичности гонимцев и тайваньцев в условиях колониального правления</i>	134
<i>Савоськин А.М. Резня в Сребренице 1995 года в освещении бошняцкой и сербской сторон</i>	145
<i>Самойлов Н.Ю. Особенности формирования региональной идентичности и политика памяти в Северной Ирландии (1998–2020 гг.)</i>	152
<i>Смирнова В.А. Память о полиомиелите и вакцинах против него в США: нарративы середины XX века и эпохи ковид-19</i> ...158	
<i>Тодыков Е.С. Новая восточная политика Вилли Брандта и проблема германского воссоединения</i>	165
<i>Ульянов П.В. «Великая война» и «Пасхальное восстание» как факторы формирования региональной идентичности в Ирландии</i>	174
<i>Холодкова Н.В. Роль административно-территориального устройства в регулировании этнических процессов: опыт КНР в области конструирования национальной идентичности</i>	181
<i>Цыряпкина Ю.Н. Формирование национальной идентичности в суверенном Узбекистане</i>	187

<i>Чураков К.А. Трансформация региональной идентичности жителей античной Италии во времена Союзнической войны</i>	194
<i>Щербанова Е.Е. Политика памяти в постсоциалистической Монголии в период формирования национальной идентичности (1991–1995 гг.)</i>	200
3. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ (В ТОМ ЧИСЛЕ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ) ...	205
<i>Вольтер О.В. Этноконфессиональные духовно-нравственные ценности как основа формирования национальной идентичности, гражданского мира и согласия</i>	205
<i>Данилова А.Н. К вопросу о формировании региональной идентичности (на примере Ульяновской области)</i>	209
<i>Дьяченко Н.В. Гастрономическая культура как инструмент формирования региональной идентичности в Алтайском крае</i>	216
<i>Кошечкина Е.А. Историческая память как основа национальной идентичности современной России (на примере истории Лужского края)</i>	225
<i>Потапцева Е.В. Региональная идентичность экономического пространства Союзного государства в восприятии российского бизнеса</i>	233
<i>Сироткин М.С. Политика исторической памяти Великой Отечественной войны в Ржевском районе Тверской области</i>	240
<i>Смагина А.П., Яковлева И.П. Занятия по краеведению в школе как фактор формирования территориальной идентичности (на примере курса «кубановедение»)</i>	247
<i>Таненкова А.В. Сельскохозяйственная отрасль Алтайского края как неотъемлемая часть регионального имиджа</i>	256
<i>Чернышов С.А. «Народ против государства» в локальной исторической памяти о покорении Сибири</i>	264
<i>Ямсков А.Н. Особенности территориального самосознания старшеклассников г. Данилова Ярославской области (по материалам обследования 2021 г.)</i>	270
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ «ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»	279

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	286
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	291

Конференции АШПИ 1996–2021 гг.

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2021

2021

2021

Серийное научное издание

**Дневник Алтайской школы политических исследований №37.
Современная Россия и мир: альтернативы развития
(Формирование региональной идентичности
и политика исторической памяти)**

Сборник научных статей

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997

Подписано в печать 15.11.2021
Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,9.
Тираж 150 экз. Заказ 428

Типография Алтайского государственного университета
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66